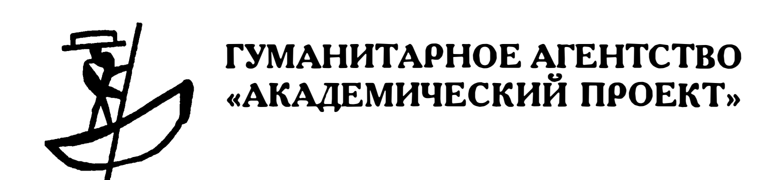
НЕИЗДАННЫЙ

Д·ХАРМС

НЕИЗДАННЫЙ ХАРМС

Д. ХАРМС

НЕИЗДАННЫЙ ХАРМС

Полное собрание сочинений

ГУМАНИТАРНОЕ АГЕНТСТВО
«АКАДЕМИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ»

Д. ХАРМС
Д. ХАРМС

НЕИЗДАННЫЙ ХАРМС

Полное собрание
сочинений

Трактаты и статьи
Письма
Дополнения к т. 1—3

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ 2001

ББК 84 (2Рос=Рус) 6
УДК 882-6

ISBN 5-7331-0151-2

Д. ХАРМС

ТРАКТАТЫ

7

1

Ход не от желудка — а от революции к материалу

Мы повесили сапог на ширму

Несколько лет, заполненных войной и революцией, заставили долгое время все население СССР думать лишь о том, как бы остаться живым и сытым. Год 1919 и 1920 был кульминационной точкой этого обжорного стремления. Человек есть борец за свое существование — значило буквально. С окончанием войны и революции обжорное напряжение стало ослабевать, но ему взамен наступил материализм в самой резкой форме, как следствие революции. Он постепенно спускался все в более низшие классы, одновременно с этим искажаясь и прикрывая собой романтическую сторону жизни. Установка всех суждений встала. Художественный гений потерпел обратный ход лозунгов: «Гений есть самобытность», «гений есть терпение и усидчивость». Всякое искусство и развлечение без непосредственной пользы в том стало преследоваться. Отсутствие отдыха путем разнообразия напряженности привело нас к усталости...

Теперь, когда не приходится думать только о наполнении своего желудка, все чаще и чаще слышится тоска о душевном разгуле. И вот ленинградская организация левого фронта искусства предлагает обществу свои услуги МЕТОДОМ ПОДТАСОВКИ. В СССР завал вульгарным материализмом, стремящимся сковать вольные движения человека осмыслицы и лишить его отдыха. Мы, истинные художники, доктора общественного желудка, дадим вам слабительную жижицу в виде хляпа крышки романтизма. Для нашего же интереса и отдыха мы создаем бюро «романтики и приключений» с неожиданным выкриком «Нужно жить очаровательно» и «не бей по сапогу — ширма свалится»

Август 11 1925 г.

2

Установим текучии слова для обозначения наиболее мелких камушков. Вся трудность нашего рассуждения будет заключатся в недоверии читателя к мыслям о картах человеческой глупости. Эта область колышится в нашем обеде, проникает в наши жилища, создает сны и очень часто разламывает дорогу неправельно посланных голубей из книги в общественный сад. Командир глупости

<1929—1930>

3
Поднятие числа

Будем изображать велечины: Понимай так:

$2^2, 3^{3^3}, 4^{4^{4^4}}, 5^{5^{5^{5^5}}}$ и т. д. | $2^2, 3^{(3^3)}, 4^{\left[4^{(4^4)}\right]}$, и т. д.

так:

$h2, h3, h4, h5$ и т. д.

велечину: $(h3)^{(h3)^{(h3)\cdots\cdots(h3)}}$, где количество степенных показателей (h3) равно основанию (h3)

будем изображать

$$hh3.$$

Понятно. что означает

$$hhhh7, \quad hhhhhhh9.$$

или, что тоже самое·

$$4h7, \quad 7h9.$$

Допустим, что этих h не 7, как в последнем случае, а h8, тогда изобразим некое число, с корневым основанием 9 так:

$h8h9.$

Будем называть 9 — корневым основанием, h стоящее перед корневым основанием титлом, выражение h8 назовём первый коэфициент титла.

Но мы можем увеличить всё титулованное вырожение увеличив лишь коэфициент титла хотя бы так:

$hh8h9.$

или ещё лучше так:

$hhhhh8h9.$

или что тоже самое:

$5h8h9$

Тут 5 будет являться вторым коэфициентом титла. Однако мы можем титуловать и второй коэффициент титла, т.е.:

$h5h8h9$

Тут вторым коэффициентом титла будет

$h5.$

Рассуждая так дальше мы можем получить скажем такое выражение

$h7h2h15h4h5h8h9.$

Возмём выражение где все коэффициенты титла выглядят одинаково (hm).

Вот:

$hm\,hm\,hm\,hm\,hn$ (где n коренное основание).

Мы можем это выражение записать проще, а именно так:

h^4mhn

или ещё проще:

${}_mh^{\bar{5}}{}_n$ или общий случай ${}_mh^k{}_n.$

где k мы будем называть чином.

10

Рассмотрим случай титулования, где числа титулоых коэффициентов равны друг другу и равны коренному основанию:

$$n\ n\ n\ n\ n \ldots\ldots n\ n\ n$$

Если всех коэффициентов f, а f + 1 = k
гы мы это вырожение можем записать так:

$$n\,n^{k}\,f$$

Если k = n, то

$$n\,n^{n}\,n$$

или просто:

$$t\,n$$

Это есть чинование n

Будем процесс титулования n изоброжать так:

$$(1)\,n.$$

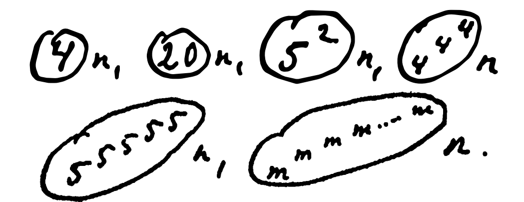
А процесс чинования n изображать так:

$$(2)\,n.$$

То легко себе представить процесс:

$$(3)\,n.$$

А так же:

и наконец:

11

Возможны и такие случаи:

Изобразим это так

Возмём случай:

Легко представить как число колец будет рости. И когда достигнет n изобразим полученное выражение так:

Число квадратов так же может достигнуть n. Изобразим это так:

И так можно продолжать без конца. Круг был у нас первой сменой фигур, квадрат — второй, трехугольник — третей и т.д. Но будем квадрат всегда считать n-ой сменой фигур.

Поэтому выражение:

будет иметь определённое значение и мы будем называть:

- поднятием числа n.
  или поднятое n.

Для краткости можем вырожение изображать просто так:

25 мая 1931 года.

12

4

♂ 2 августа 1932 года.
Курск.

«Безконечное, вот ответ на все вопросы. Все вопросы имеют один ответ. А потому нет многих вопросов, есть только один вопрос. Этот вопрос: что такое бесконечное?»

Я написал это на бумаге, перечитал и написал дальше:

«Безконечное, кажется нам, имеет направление, потомучто мы всё привыкли воспринемать графически. Большему соответствует длинный отрезок, а меньшему — короткий отрезок. Безконечное, это прямая, не имеющая конца ни в право, ни в лево. Но такая прямая недоступна нашему пониманию. Если на идеально глатком полу, лежит глаткий, плоский предмет, то овладеть этим предметом мы можем только в том случае, если мы доберёмся до его краёв; тогда мы сможем поддеть рукой под край этого предмета и поднять его. Бесконечную прямую не подденешь, не охватишь нашей мыслею. Она нигде не пронзает нас, ибо для того чтобы пронзить что-либо, должен обнаружиться её конец, которого нет. Это косательная к кругу нашей мысли. Её прикосновение так не материально, так мало, что собственно нет никакого прикосновения. Оно выражается точкой. А точка, это бесконечно несуществующая фигура. Мы-же представляем себе точку, как бесконечно маленькую точечку. Но это ложная точечка. И наше представление о бесконечной прямой — ложное. Бесконечность двух направлений, к началу и к концу, настолько непостижима, что даже не волнует нас, не кажется нам чудом, и, даже больше, не существует для нас. Но бесконечность одного направления, имеющая начало, но неимеющая конца, или имеющая конец, но не имеющая начало, такая бесконечность потрясает нас. Она пронизывает нас своим концом или началом, и отрезок бесконечной прямой образующий хорду в кругу нашего сознания, с одной стороны постигается нами, а с другой стороны соединяет нас с бесконечным.

13

Представить себе, что что то никогда не начиналось и никогда не кончится мы можем в искажённом виде. Этот вид таков: чтото никогда не начиналось, а потому никогда и не кончится. Это представление о чём то есть представление ни о чём. Мы ставим связь между началом и концом и отсюда выводим первую теорему: что нигде не начинается, то нигде и не кончается, а что где то начинается, то гдето и кончается. Первое есть бесконечное, второе — конечное. Первое — ничто, второе — что-то».

Я записал это всё, перечёл и стал думать так:

«Мы не знаем явления с одним направлением. Если есть движение в право, то должно быть и движение в лево. Если есть направление вверх, то оно подразумевает в себе существование направления вниз Всякое явление имеет себе обратное явление. Всякая теза — антитезу. Что бесконечно вверх, то бесконечно вниз.* И до сего времяни, 1932 года, в природе этот закон не был нарушен. Мы не видим предела повышения температур, но мы видим предел понижения, это абсолютный нуль, температура – 273°. Но до сих пор мы её не достигли. Как бы близко мы к ней не приближались, мы её не достигли И мы не знаем, что случается с природой, когда она достигает этого предела. Тут очень интересное положение: чтобы достигнуть нижнего предела надо предпологать существование верхнего предела. В противном случае пришлось бы сделать следующие выводы: либо верхний предел где-то всё-же имеется, но пока нам ещё не известен, либо температура – 273° не есть нижний предел, либо достигнув нижнего предела природа видоизменяется настолько, что фактически перестает быть, либо теорема о концах бесконечности неверна. В последнем случае положение: «что то никогда не начиналось и никогда не кончится» не может быть рассматриваемо как «чтото никогда не

---

*А. Это закон симметрии, закон равновесия. И если-бы одна сторона направления потеряла бы вторую сторону, то равновесие нарушалось бы и вселенная опрокинулась бы.

начиналось, а потому никогда и не кончится», и бесконечность двух направлений перестала бы быть ничем, а стала-бы чем то. Мы поймали-бы бесконечность за хвост».

Я написал это с некоторыми перерывами, потом перечитал это с большим интересом и продолжал размышлять так:

«Вот числа. Мы не знаем, что это такое, но мы видим, что по некоторым своим свойствам они могут распологаться в строгом и вполне определёном порядке. И даже многие из нас думают, что числа есть только вырожение этого порядка, и вне этого порядка существование числа — бессмысленно. Но порядок этот таков, что началом своим предпологает единство. Затем следует единство и ещё единство. Затем единство, ещё единство и ещё единство и т.д. без конца. Числа вырожают этот порядок: 1, 2, 3 и т.д. И вот перед нами модель бесконечности одного направления. Это неуравновешанная бесконечность. В одном из своих направлений она имеет конец, в другом конца не имеет. Что то где то началось и нигде не кончилось, и пронзило нас своим началом, начиная с единицы. Несколько чисел первого десятка уложилось в кругу нашего сознания и соединило нас с бесконечностью. Но ум наш не мог вынести этого, мы уравновесили бесконечный числовой ряд другим бесконечным числовым рядом, созданным по принципу первого, но расположенным от начала первога в обратную сторону. Точку соединения этих двух рядов, одного естественного и непостижимаго, а другого явно выдуманного, но объясняющего первый, — точку их соединения мы назвали НУЛЬ. И вот числовой ряд нигде не начинается и нигде не кончается. Он стал ничем. Казалось бы всё это так, но тут всё нарушает нуль. Он стоит где то в середине бесконечного ряда и качественно разнится от него. То, что мы назвали ничем, имеет в себе ещё что-то, что по сравнению с этим ничем есть новое ничто. Два ничто? Два ничто и друг другу противоречивые? Тогда одно ничто есть чтото. Тогда чтото, что нигде не начинается и нигде не кончается, есть что то, содержащее в себе ничто».

15

Я прочитал написанное и долго думал. Потом я не думал несколько дней. А потом задумался опять. Меня интересовали числа, и я думал так:

«Мы представляем себе числа как некоторые свойства отношений некоторых свойств вещей. И, таким образом, вещи создали числа».

На этом я понял, что это глупо, глупо моё рассуждение. Я распахнул окно и стал смотреть на двор. Я видел, как по двору гуляют петухи и куры.

♂ <вторник> 2 августа 1932

5

Трактат о красивых женщинах лежащих на пляже под Петропавловской кепостью, сидящих на Марсовом поле и в Летнем Саду и ходящих в столовую Ленкублита.

писан Даниилом Протопластом.
1933 год. Июль.

Эпиграф из тигров: «О фы! О фе!»

Кра кра краси фаси перекоси. Предмет, предмет, предмет, предмет, предмет, предмет, предмет, предмет, премет, предмет, предмет, предмет.

Июль 1933

6

Числа не связаны порядком. Каждое число не предпологает себя в окружении других чисел. Мы разделяем арифметическое и природное взаимодействие чисел. Арифметическая сумма чисел даёт новое число, природное соединение чисел не дает нового числа. В природе нет равенства. Есть тождество, соответствие, изображение, различие и противопоставление. Природа

не приравнивает одно к другому. Два дерева не могут быть равны друг другу. Они могут быть равны по своей длине, по своей толщине, вообще по своим свойствам. Но два дерева в своей природной целости, равны друг другу быть не могут. Многие думают, что числа, это количественные понятия вынутые из природы. Мы-же думаем, что числа, это реальная парода. Мы думаем, что числа вроде деревьев или вроде травы. Но если деревья подверженны действию времяни, то числа во все времена неизменны. Время и пространство не влияет на числа. Это постоянство чисел позволяет быть им законами других вещей.

Говоря два, Мы не хотим сказать этим, что это один и ещё один. Когда Мы выше сказали «два дерева», то Мы использывали одно из свойств «два» и закрыли глаза на все другие свойства. «Два дерева» значило, что разговор идёт об одном дереве и ещё об одном дереве. В этом случае два выражало только количество и стояло в числовом ряду, или как Мы думаем, в числовом колесе, между еденицей и термя.

Числовое колесо имеет ход своего образования. Оно образуется из прямолинейной фигуры, имянуемой крест.

<1933>

7

1). По условию задачи в одной тетради написано слово «апельсин» и в тот же день из другой тетради вырван чистый лист.

Следовательно чистый лист мог быть вырван только из тетради большего номера нежели тетрадь в которой записано слово «апельсин», потому что тетради меньших номеров уже заполненны и в них нет чистых страниц.

---

2). Свойство тетрадей:

Тетради могут иметь число страниц только кратное 4.

<Середина 1930-х>

8

Переводы разных книг меня смущают, в них разные дела описаны и подчас, даже, очень интересные. Иногда об интересных людях пишется иногда о событиях, иногда же просто о каком ни будь незначительном происшествии. Но бывает так, что иногда прочтёшь и не поймёшь о чём прочитал. Так тоже бывает. А то такие переводы попадаются, что и прочитать их невозможно. Какие то буквы странные: некоторые ничего, а другие такие, что не поймёшь чего они значат. Однажды я видел перевод в котором ни одной буквы не было знакомой. Какие то крючки. Я долго вертел в руках этот перевод. Очень странный перевод!

<Вторая половина 1930-х>

9

Разные примеры небольшой погрешности

①

«В альбом красивой чужестранки» Пруткова.

Слово «охулка».

Античная мраморная статуя Венеры с прекрасно сделанной мраморной бородавкой на прекрасной ноге.

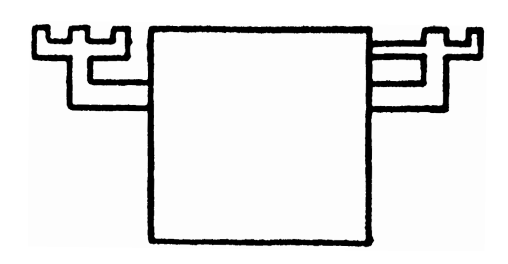

Хор Ник. Вас. Свечникова, где всё идёт повышаясь и усиливая звук. И на самом высоком месте, когда слушатель ждёт страшной силы звука, вдруг неожиданно полнейшее pianissimo.

4

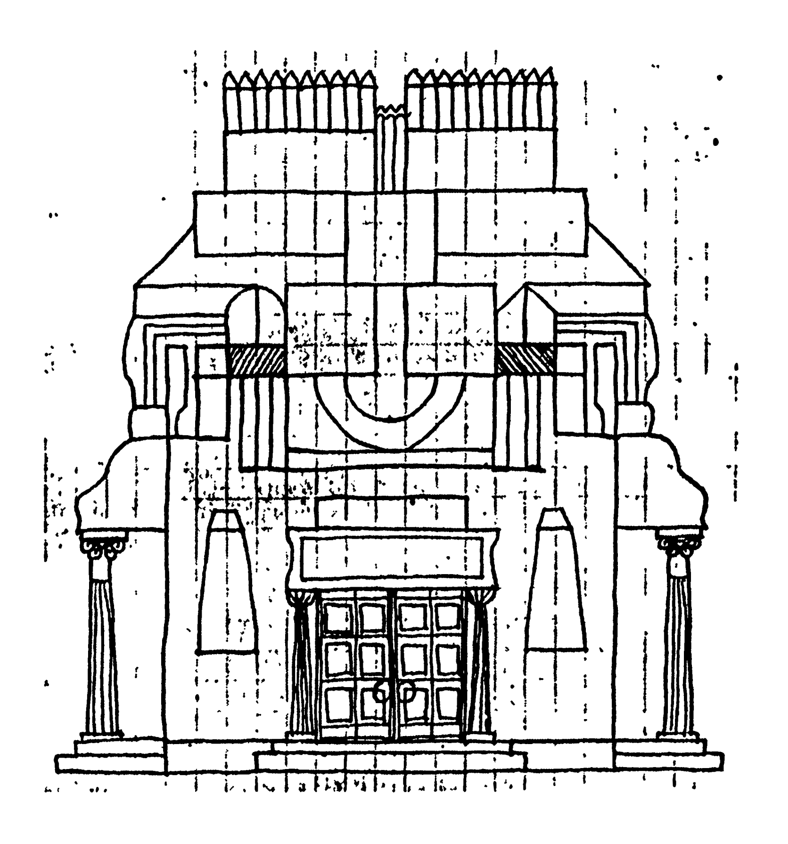
Из русских императоров с небольшой погрешностью был Павел I.

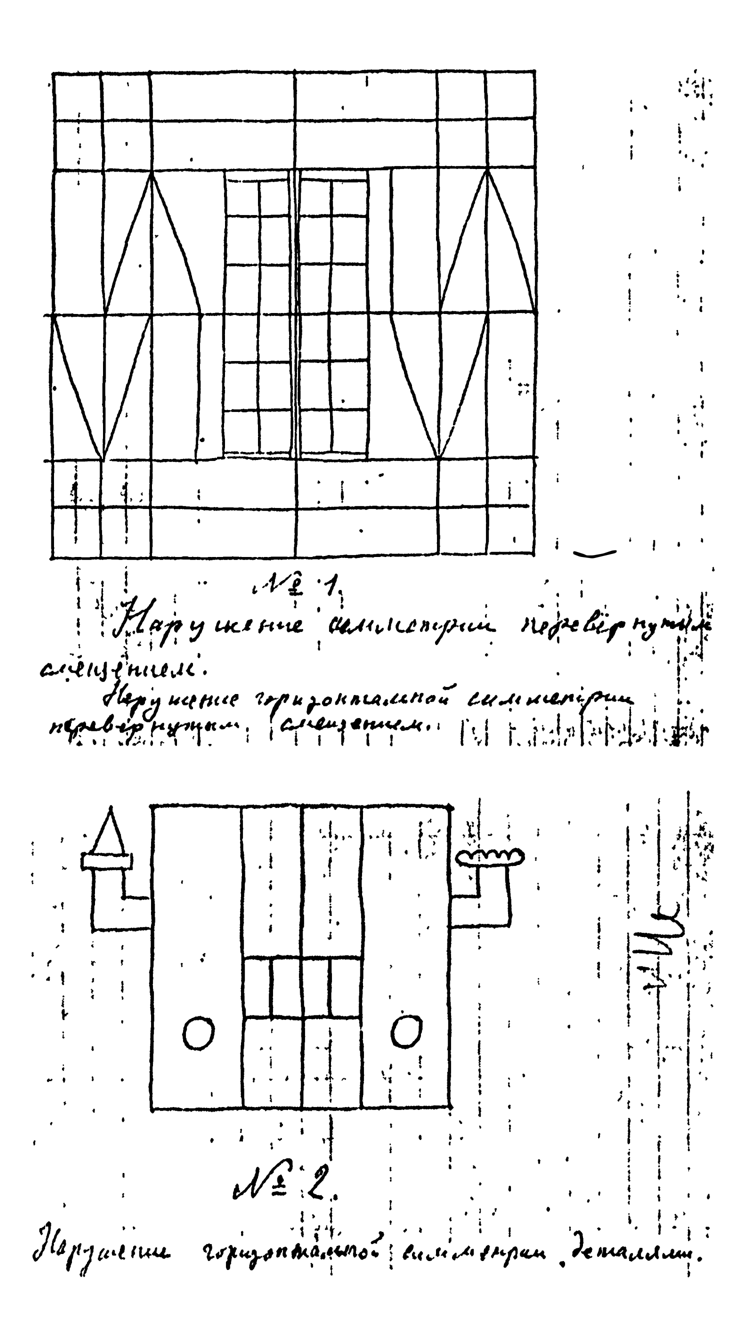
5
Архитектурные примеры небольшой погрешности.

Отклонение от симметрии
Avertorum 4.

19

№ 1.

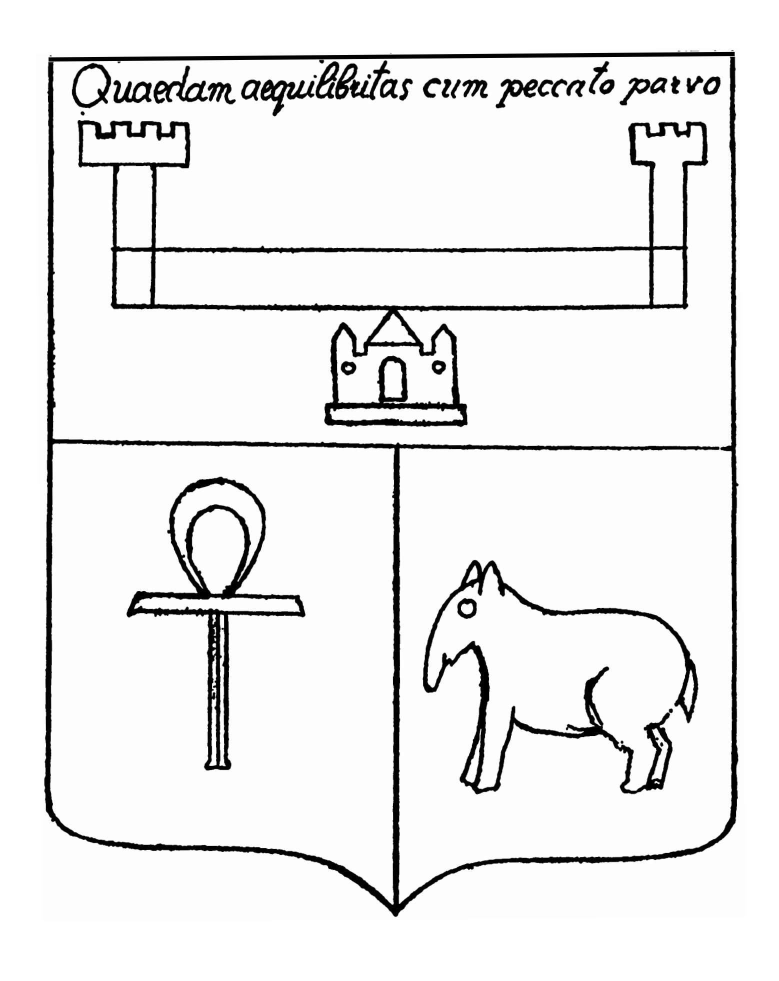
Нарушение симметрии перевёрнутым отражением.

Нарушение горизонтальной симметрии перевёрнутым отражением.

№ 2.

Нарушение горизонтальной симметрии деталями.

21

<Середина 1930-х>

10

<Журнал «Тапир»> Проспект

Хурнал «тапир» основан Даниилом Ивановичем Хармсом. Сотрудничать в журнале может всякий человек достигший совершеннолет<и>я, но право приема или отклонения материала принадлежит всецело одному Даниилу Ивановичу Хармсу. Сотрудничать в журнале могут так же и покойники из коих главными и почётными будут

1). Козьма Петрович Прутков и

2). Густав Мейринк.

В журнале «тапир» не допускаются вещи содержания

1) Антирелигиозного

2) Либерального

3) Антиалкогольного

4) Политического

5) Сатирического

6) Пародийного

Желающим сотрудничать в «Тапире» следует запомнить, что каждая вещь должна удовлетворять шести условиям запрещения и быть такой величины, чтобы умещались на двух столбцах одной журнальной страницы. Выбор страницы производится Д.И.Хармсом.

Оплата: I проза: за 1 стран. — 1 руб., за 1 колонку — 50 коп., за 1/4 кол. — 25 коп.

II Стихи: 2 коп. за строчку.

Журнал из помещения квартиры Д.И.Хармса не выносится.

За прочтение номера «Тапира», читатель платит Д.И.Хармсу 5 копеек. Деньги поступают в кассу Д.И.Хармса. Об этих деньгах Д.И.Хармс никому отчёта не отдаёт.

За Д.И.Хармсом сохраняется право повышения и понижения гонорара за принятые в журнал вещи, а так же повышение и понижение платы за прочтение номера, но с условием, что всякое такое повышение и понижение будет оговорено в номере предидущем.

23

Желающие могут заказать Д.И.Хармсу копию с «Тапира».

I-ая коп. с одного № стоит — 100 руб.

II-ая коп. — 150, III — 175, IV — 200 и т.д.

Статья

Прав был император Александр Вильбердат, одгораживая в городах особое место для детей и их матерей, где им пребывать только и разрешалось. Беременные бабы тоже сажались туда же за загородку и не оскорбляли своим гнусным видом взоров мирного населения.

Великий император Александр Вильбердат понимал сущность детей не хуже фламандского художника Тенирса, он знал, что дети, это в лучшем случае жестокие и капризные старички. Склонность к детям почти то же, что склонность к зародышу, а склонность к зародышу почти то же, что склонность к испражнениям.

Неразумно хвастаться: «Я хороший человек, потому что люблю зародыш, или потому что я люблю испражняться». Точно так же неразумно хвастаться: «Я хороший человек, потому что люблю детей».

Великого императора Александра Вильбердата, при виде ребенка, тут же, начинало рвать, но это нисколько не мешало ему быть очень хорошим человеком.

Я знал одну даму, которая говорила, что она согласна переночевать в конюшне, в хлеву со свиньями, в лисятнике, где угодно, — только не там, где пахнет детьми. Да, поистине это самый отвратительный запах, я бы даже сказал: самый оскорбительный.

Для взрослого человека оскорбительно присутствие детей. И вот, во времена великого императора Александра Вильбердата показать взрослому человеку ребёнка, считалось наивысшим оскорблением. Это считалось хуже, чем плюнуть человеку в лицо, да ещё попасть, скажем, в ноздрю. За «оскорбление ребёнком» пологалась кровавая дуэль.

<1936 — 1938>

11

О том, как меня посетили вестники

В часах что-то стукнуло и ко мне пришли вестники. Я не сразу понял, что ко мне пришли вестники. Сначала я подумал, что испортились часы. Но тут я увидел, что часы продолжают итти и, по всей вероятности, правильно показывают время. Тогда я решил, что в комнате сквозняк. И вдруг я удивился: что же это за явление, которому неправильный ход часов и сквозняк в комнате, одинаково могут служить причиной? Раздумывая об этом, я сидел на стуле около дивана и смотрел на часы. Минутная стрелка стояла на девяти, а часовая около четырёх, следовательно было без четверти четыре. Под часами висел отрывной календарь, и листки календаря колыхались, как будто в комнате дул сильный ветер. Сердце моё стучало и я боялся потерять сознание.

«Надо выпить воды», — сказал я. Рядом со мной, на столике стоял кувшин с водой. Я протянул руку и взял этот кувшин.

«Вода может помочь», — сказал я и стал смотреть на воду.

Тут я понял, что ко мне пришли вестники, но я не могу отличить их от воды. Я боялся пить эту воду, потому что, по ошибке, мог выпить вестника. Что это значит? Это ничего не значит. Выпить можно только жидкость. А вестники разве жидкость? Значит я могу выпить воду, тут нечего бояться. Но я не мог найти воды. Я ходил по комнате и искал её. Я попробывал сунуть в рот ремешок, но это была не вода. Я сунул в рот календарь — это тоже не вода. Я плюнул на воду и стал искать вестников. Но как их найти? На что́ они похожи? Я помнил, что не мог отличить их от воды, значит, они похожи на воду. Но на что похожа вода? Я стоял и думал.

Не знаю, сколько времени стоял я и думал, но вдруг я вздрогнул.

«Вот вода!» — сказал я себе. Но это была не вода, это просто зачесалось у меня ухо.

Я стал шарить под шкапом и под кроватью, думая хотя бы там найти воду или вестника. Но под шкапом я нашёл, среди пыли, только мячик прогрызанный собакой, а под кроватью какие то стеклянные осколки.

Под стулом я нашёл недоеденную котлету. Я съел её и мне стало легче. Ветер уже почти не дул, а часы спокойно тикали, показывая правильное время: без четверти четыре.

«Ну значит вестники уже ушли», — сказал я себе и начал переодеваться, что бы итти в гости.

Даниил Хармс
22 августа 1937 года.

12

Связь

Философ!

① Пишу Вам в ответ на Ваше письмо, которое Вы собираетесь написать мне в ответ на мое письмо, которое я написал Вам. ② Один скрипач купил себе магнит и понёс его домой. По дороге на скрипача напали хулиганы и сбили с него шапку. Ветер подхватил шапку и понёс её по улице. ③ Скрипач положил магнит на землю и побежал за шапкой. Шапка попала в лужу азотной кислоты и там истлела. ④ А хулиганы тем временем схватили магнит и скрылись. ⑤ Скрипач вернулся домой без польто и без шапки, потому что шапка истлела в азотной кислоте, и скрипач, расстроенный потерей своей шапки, забыл польто в трамвае. ⑥ Кондуктор того трамвая отнёс польто на барахолку и там его обменял на сметану, крупу и помидоры. ⑦ Тесть кондуктора объелся помидорами и умер. Труп тестя кондуктора положили в покойницкую, но потом его перепутали и вместо тестя кондуктора похоронили какую то старушку. ⑧ На могиле старушки поставили белый столб с надписью: «Антон Сергеевич Кондратьев». ⑨ Через одинадцать лет этот столб источили черви и он упал. А кладбищенский сторож распилил этот столб на четыре части и сжёг его в

своей плите. А жена кладбищенского сторожа на этом огне сварила суп из цветной капусты. ⑩ Но, когда суп был уже готов со стены упали часы прямо в кострюлю с этим супом. Часы из супа вынули, но в часах были клопы и теперь они оказались в супе. Суп отдали нищему Тимофею. ⑪ Нищий Тимофей поел супа с клопами и рассказал нищему Николаю про доброту кладбищенского сторожа. ⑫ На другой день нищий Николай пришёл к кладбищенскому сторожу и стал просить милостыню. Но кладбищенский сторож ничего не дал нищему Николаю и прогнал его прочь. ⑬ Нищий Николай очень обозлился и поджёг дом кладбищенского сторожа. ⑭ Огонь перекинулся с дома на церковь, и церковь сгорела. ⑮ Повелось длительное следствие, но установить причину пожара не удалось. ⑯ На том месте где была церковь построили клуб, и, в день открытия клуба, устроили концерт, на котором выступал скрипач, который четырнадцать лет тому назад потерял своё польто. ⑰ А среди слушателей сидел сын одного из тех хулиганов, которые четырнадцать лет тому назад сбили шапку с этого скрипача. ⑱ После концерта они поехали домой в одном трамвае. Но в трамвае, который ехал за ними, вагоновожатым был тот самый кондуктор, который когда то продал польто скрипача на барахолке. ⑲ И вот они едут поздно вечером по городу: впереди скрипач и сын хулигана, а за ними вагоновожатый — бывший кондуктор; ⑳ они едут и не знают какая между ними связь и не узнают этого до самой смерти.

14 сентября 1937 года.
Даниил Хармс

13

Пять неоконченных повествований

Дорогой Яков Семенович,

① Один человек разбежавшись ударился головой об кузницу с такой силой, что кузнец отложил в сторону кувалду, которую он держал в руках,

снял кожанный передник и, пригладив ладонью волосы, вышел на улицу, посмотреть что случилось. ② Тут кузнец увидел человека сидящего на земле. Человек сидел на земле и держался за голову. ③ «Что случилось?» спросил кузнец. «Ой!» сказал человек. ④ Кузнец подошел к человеку поближе. ⑤ Мы прекращаем повествование о кузнеце и неизвестном человеке и начинаем новое повествование о четырёх друзьях гарема. ⑥ Жили были четыре любителя гарема. Они считали, что приятно иметь зараз по восьми женщин. Они собирались по вечерам и рассуждали о гаремной жизни. Они пили вино; они напивались пьяными; они валились под стол; они блевали. Было противно смотреть на них. Они кусали друг друга за ноги. Они называли друг друга нехорошими словами. Они ползали на живовах своих. ⑦ Мы прекращаем о них рассказ и приступаем к новому рассказу о пиве. ⑧ Стояла бочка с пивом, а рядом сидел филосо́ф и рассуждал: «Эта бочка наполнена пивом; Пиво бродит и крепнет. И я своим разумом брожу по надзвездным вершинам и крепну духом. Пиво есть напиток, текущий в пространстве, я же есть напиток, текущий во времени. ⑨ Когда пиво заключено в бочке, ему некуда течь. Остановится время, и я встану. ⑩ Но не остановится время, и моё течение непреложно. ⑪ Нет, уж пусть лучше и пиво течёт свободно, ибо противно законам природы стоять ему на месте». И с этими словами филосо́ф открыл кран в бочке, и пиво вылилось на пол. ⑫ Мы довольно рассказали о пиве; теперь мы расскажем о барабане. ⑬ Филосо́ф бил в барабан и кричал: «Я произвожу философский шум! Этот шум ненужен никому, он даже мешает всем. Но если он мешает всем, то, значит, он не от мира сего. А если он не от мира сего, то он от мира того. А если он от мира того, то я буду производить его». ⑭ Долго шумел филосо́ф. Но мы оставим эту шумную повесть и перейдем к следующей тихой повести о деревьях. ⑮ Филосо́ф гулял под деревьями и молчал, потому что вдохновение покинуло его.

<1937>

14

Трактат более или менее по конспекту Эмерсена

I. О подарках.

1. Несовершенные подарки это вот какие подарки: например: мы дарим имяниннику крышку от чернильницы. А где же сама чернильница? Или дарим чернильницу с крышкой. А где же стол на котором должна стоять чернильница? Если стол уже есть у имянинника, то чернильца будет подарком совершенным. Тогда, если у имянинника есть чернильница, то ему можно подарить одну крышку и это будет совершенный подарок. Всегда совершенными подарками будут украшения голого тела, как-то: ко́льца, браслеты, ожерелья и т.д. (считая конечно, что имянинник не калека), или такие подарки как например палочка, к одному концу которой приделан деревянный шарик, а к другому концу деревянный кубик. Такую палочку можно держать в руке или, если её положить, то совершенно безразлично куда. Такая палочка больше ни к чему не пригодна.

II. Правильное окружение себя предметами.

Предположим что какой ни будь совершенно голый квартуполномоченный решил обстраиваться и окружать себя предметами. Если он начнёт со стула, то к стулу потребуется стол, к столу лампа, потом кровать, одеяло, простыни, комод, бельё, платье, платяной шкап̆, потом комната, куда это всё поставить и т.д. Тут в каждом пункте этой системы, может возникнуть побочная маленькая система-веточка: на круглый столик захочется положить салфетку, на салфетку поставить вазу, в вазу сунуть цветок. Такая система окружения себя предметами, где один предмет цепляется за другой — неправильная система, потому что, если в цветочной вазе нет цветов, то такая ваза делается бессмысленной, и если убрать вазу, то делается бессмысленен круглый столик, правда, на

него можно поставить графин с водой, но если в графин не налить воды, то рассуждение о цветочной вазе остаётся в силе. Уничтожение одного предмета нарушает всю систему. А если бы голый квартуполномоченный, надел бы на себя кольца и браслеты и окружил бы себя шарами и целлулойдными ящерицами, то потеря одного или двадцати семи предметов, не меняла бы сущности дела. Такая система окружения себя предметами — правильная система.

III. Правильное уничтожение предметов вокруг себя.

Один, как обычно, невысокого полёта французский писатель, а именно Альфонс Доде, высказал неинтересную мысль, что предметы к нам не привязываются, а мы к предметам привязываемся. Даже самый бескорыстный человек потеряв часы, польто и буфет, будет сожалеть о потере. Но даже, если отбросить привязанность к предметам, то всякий человек потеряв кровать и подушку, и доски пола, и даже более или менее удобные камни, и ознакомившись с невероятной бессонницей, начнёт жалеть о потере предметов и связанного с ними удобства. Поэтому уничтожение предметов, собранных по неправильной системе окружения себя предметами, есть — неправильное уничтожение предметов вокруг себя. Уничтожение же вокруг себя всегда совершенных подарков, деревянных шаров, целлулойдных ящериц и т. д., более или менее бескорыстному человеку не доставит ни малейшего сожаления. Правильно уничтожая вокруг себя предметы, мы теряем вкус ко всякому преобретению.

IV. О приближении к бессмертию.

Всякому человеку свойственно стремиться к наслаждению, которое есть всег<д>а либо половое удовлетворение, либо насыщение, либо приобретение. Но только то, что не лежит на пути к наслаждению, ведёт к бессмертию. Все системы ведущие к бессмертию в конце концов сводятся к одному правилу: <u>постоянно делай то чего тебе не хочется</u>, потому что всякому человеку постоянно хочется либо есть, либо удовлетворять свои

половые чувства, либо что-то преобретать, либо всё, более или менее, зараз. Интересно, что бессмертие всегда связано со смертью и трактуется разными религиозными системами либо как вечное наслаждение, либо как вечное страдание, либо как вечное отсутствие наслаждения и страдания.

V. О бессмертии.

Прав тот, кому Бог подарил жизнь как совершенный подарок.

Даниил Хармс
14 февраля 1939 года.

15

<О существовании, о времени, о пространстве>

1. Мир, которого нет, не может быть назван существующим, потому что его нет.

2. Мир, состоящий из чего-то единого, однородного и непрерывного, не может быть назван существующим, потому что, в таком мире, нет частей, а раз нет частей, то нет и целого.

3. Существующий мир должен быть неоднородным и иметь части.

4. Всякие две части различны, потому что всегда одна часть будет эта, а другая та.

5. Если существует только это, то не может существовать то, потому что, как мы сказали, существует только это. Но такое это существовать не может, потому что, если это существует, то оно должно быть неоднородным и иметь части. А если оно имеет части, то значит состоит из этого и того.

6. Если существует это и то, то значит существует не то и не это, потому что, если бы не то и не это не существовало, то это и то было бы едино, однородно и непрерывно, а следовательно не существовало бы тоже.

7. Назовём первую часть это, вторую часть то, а переход от одной части к другой назовём не то и не это.

8. Назовём не то и не это «препятствием».

9. Итак: основу существования составляют три элемента: это, препятствие и то.

10. Изобразим несуществование нулём или единицей. Тогда существование мы должны будем изобразить цифрой три.

11. Итак: Деля единую пустоту на две части, мы получаем троицу существования.

12. Или: Единая пустота, испытывая некоторое препятствие, раскалывается на части, образуя троицу существования.

13. Препятствие является тем творцом, который из «ничего» создаёт «нечто».

14. Если это, само по себе, «ничто» или несуществующее «нечто», то и «препятствие» само по себе «ничто» или несуществующее «нечто».

15. Таким образом должно быть два «ничто» или несуществующих «нечто».

16. Если есть два «ничто» или несуществующих «нечто», то одно из них является препятствием другому, разрывая его на части, и делаясь само частью другого.

17. Так же и другое, являясь препятствием первому, раскалывает его на части и делается само частью первого.

18. Таким образом создаются, сами по себе, несуществующие части.

19. Три, сами по себе не существующие части, составляют три основных элемента существования.

20. Три, сами по себе не существующие основные элементы существования, все три вместе образуют некоторое существование.

21. Если бы исчез один из трёх основных элементов существования, то исчезло бы и всё целое. Так: если бы исчезло «препятствие», то это и то стали бы единым и непрерывным и перестали бы существовать.

22. Существование нашей Вселенной образуют три «ничто» или отдельно, сами по себе, три несуществующих «нечто»: пространство, время и ещё нечто, что не является ни временем, ни пространством.

23. Время, в своей сущности, едино, однородно и непрерывно и потому не существует.

24. Пространство, в своей сущности, едино, однородно и непрерывно и потому не существует.

25. Но как только пространство и время приходят в некоторое взаимоотношение, они становятся препятствием друг другу и начинают существовать.

26. Начиная существовать, пространство и время становятся взаимно частями друг друга.

27. Время, испытывая препятствие пространства, раскалывается на части, образуя троицу существования.

28. Расколотое, существующее время состоит из трёх основных элементов существования: прошедшего, настоящего и будущего.

29. Прошедшее, настоящее и будущее, как основные элементы существования, всегда стоят в необходимой зависимости друг от друга. Не может быть прошедшего без настоящего и будущего, или настоящего без прошедшего и будущего, или будущего без прошедшего и настоящего.

30. Рассматривая порознь эти три элемента, мы видим, что прошедшего нет, потому что оно уже прошло, а будущего нет, потому что оно ещё не наступило. Значит, остаётся только одно «настоящее». Но что такое «настоящее»?

31. Пока мы произносим это слово, произнесённые буквы этого слова становятся прошедшим, а непроизнесённые буквы лежат ещё в будущем. Значит только тот звук, который произносится сейчас, является «настоящим».

32. Но ведь и процесс произнесения этого звука обладает некоторой протяжённостью. Следовательно только какая-то часть этого процесса «настоящее», тогда как другие части либо прошедшее, либо будущее. Но тоже самое можно сказать и об этой части процесса, которая казалась нам «настоящей».

33. Размышляя так, мы видим, что «настоящего» нет.

34. Настоящее является только «препятствием» при переходе от прошлого к будущему, а прошлое и будущее являются нам как это и то существования времени.

35. Итак: настоящее является «препятствием» в существовании времени, а, как мы говорили раньше, препятствием в существовании времени служит пространство.

36. Таким образом: «Настоящее» времени — это пространство.

37. В прошедшем и будущем пространства нет, оно целиком заключено в «настоящем». И настоящее является пространством.

38. А так как настоящего нет, то нет и пространства.

39. Мы объяснили существование времени, но пространство, само по себе, пока ещё не существует.

40. Чтобы объяснить существование пространства, надо взять тот случай, когда время является препятствием пространства.

41. Испытывая препятствие времени, пространство раскалывается на части, образуя троицу существования.

42. Расколотое существующее пространство состоит из трёх элементов: там, тут и там.

43. При переходе от одного там к другому там, надо преодолеть препятствие тут, потому что, если бы не было препятствия тут, то одно там и другое там были бы едины.

44. Тут является «препятствием» существующего пространства. А, как мы говорили выше, препятствием существующего пространства служит время.

45. Таким образом: Тут пространства — это время.

46. «Тут» пространства и «настоящее» времени являются точками пересечения времени и пространства.

47. Рассматривая пространство и время, как основные элементы существования Вселенной, мы говорим: Вселенную образуют пространство, время и ещё нечто, что не является ни временем ни пространством.

48. То «нечто», что не является ни временем ни пространством, есть «препятствие» образующее существование Вселенной.

49. Это «нечто» образует препятствие между временем и пространством.

50. Поэтому это «нечто» лежит в точке пересечения времени и пространства.

51. Следовательно это «нечто» находится во времени в точке «настоящее», а в пространстве — в точке «тут».

52. Это «нечто», находясь в точке пересечения пространства и времени, образует некоторое препятствие, отрывая «тут» от «настоящего».

53. Это «нечто», образуя препятствие и отрывая «тут» от «настоящего», создает некоторое существование, которое мы называем материей или энергией. (Будем впредь называть это условно просто материей).

54. Итак: существование вселенной, образованное пространством, временем и их препятствием, выражается материей.

55. Материя свидетельствует нам о времени.

56. Материя же свидетельствует нам о пространстве.

57. Таким образом: три основных элемента существования Вселенной, воспринемаются нами, как время, пространство и материя.

58. Время, пространство и материя, пересекаясь друг с другом в определённых точках и являясь основными элементами существования Вселенной, образуют некоторый узел.

59. Назовём этот узел — Узлом Вселенной.

60. Говоря о себе: «я есмь», я помещаю себя в Узел Вселенной.

<Март—апрель 1940>

16

I. О Существовании

1. Мир, которого нет, не может быть назван существующим, потому что его нет.

2. Мир, состоящий из чего-то единого, однородного и непрерывного, не может быть назван существующим, потому что в таком мире нет частей, а раз нет частей, то нет и целого.

3. Существующий мир должен быть неоднородным и иметь части.

4. Всякие две части различны, потому что всегда одна часть будет эта, а другая та.

5. Если существует только это, то не может существовать то, потому что, как мы сказали, существует только это. Но такое это существовать не может, потому что, если это существует, то оно должно быть неоднородным и иметь части. А если оно имеет части, то значит, состоит из этого и того.

6. Если существует это и то, то значит существует не то и не это, потому что, если бы не то и не это не существовало, то это и то было бы едино, однородно и непрерывно, а следовательно не существовало бы тоже.

7. Назовём первую часть это, вторую часть — то, а переход от одной части к другой назовём не то и не это.

8. Назовём не то и не это «препятствием» или «чертой раздела».

9. Итак, основу существования составляют три элемента: это, препятствие (или «черта раздела») и то.

10. Изобразим несуществование нулём или единицей. Тогда существование мы должны будем <и>зобразить цифрой три.

11. Итак: Деля единую пустоту на две части, мы получаем троицу существования.

II. О Ипостаси

12. Прочтя предидущее размышление, нам делается понятно учение о ипостаси: Бог един, но в трёх Лицах.

III. О Кресте

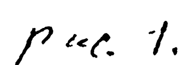
13. Крест есть символ ипостаси, т.е. первого закона об основе существования.

14. Рассмотрим фигуру креста. Крест состоит из двух пересекающихся линий.

15. Попропуем графически изобразить закон о существовании.

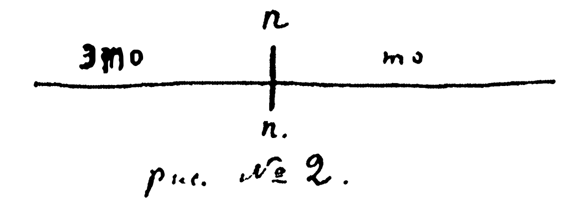
16. Ничего не существует. И мы ничего не изображаем.

17. Существует нечто единое, однородное и непрерывное, что однако, как было сказано в п. № 2, не может быть названо существующим. Изобразим это графически прямой линией:

18. Что бы это нечто стало существующим, оно должно иметь части (п. № 3).

19. Части, как сказано в п. № 9, создаются через препятствие. Изобразим графически препятствие в этом едином существовании.

20. Таким образом мы графически изобразили как препятствие пп создает части «это» и «то».

21. Превращая это графическое изображение в символическую фигуру, мы получаем крест.

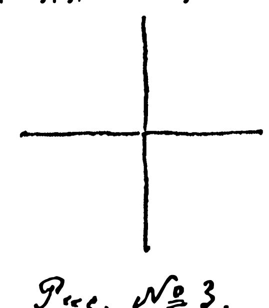

Рис. № 3.

22. Повторяю: крест есть символический знак закона существования и жизни.

37

23. Древние египтяне изображали крест так:

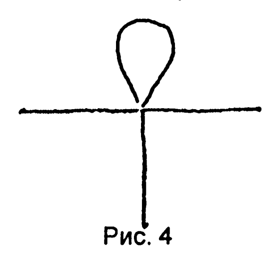

Рис. 4

и называли его «Ключом жизни».

Рай — Мир — Рай

24. Вот ещё одна схема того же основного закона.

Рай — Мир — Рай.

25. Рай — «это», Мир — «препятствие», Рай — «то».

<Март — апрель 1940>

Д. ХАРМС

Статьи

17

Приём А. Белого, встречающийся в его прозе — долгождан. Я говорю о том приеме, который не врывается как сквозняк, не треплет скрытый в душе волос милого читателя. О приёме говорю я таком-же естественном, как. Достаточно. Уразумение наступит в тот именно момент когда не ждет того читатель. До тех пор он правильно догадывается, но трусит. Он трусит. Об авторе думает он. Автор мог предвитеть всё — как? За этим следует Слово, одно (много два) — и читатель говорит в пыль забившись скучных метафор, длинных периодов, тупых времён — пыль. Тут говорит он себе, так же просто, как до начала чтения, — мысль его прояснилась. Ура скажет читатель. Потом наступает уразумение. То далёко залетает каждый звук, то останавливается прямо в упор — неожиданно. Можно вздрогнуть. Вышел А. Белый из под тумана, прояснился и тут же отжил. Накрахмален

Выражение всего мира — перекошенной. Ухам вместо рта. Гы над щетиной всхохрилось. Жуть пошла. И в один миг пропало недоверие. Появился тот же Невский, каким знали мы его 25 лет. Дама прошла по Невскому, опять таки знакомая вся до корней своих. Повернулись мы и трах... нет города. Мысль одна в верх другая под ноги, крест на крест. Пустоты да шары, еще трапеция видна. Жизни нет. всё.

18 июля 1927 года. Царское Село.
Д. Хармс.

18

Запишем тактовое строение этих стихов.

Если мы сосчитаем количество слогов в каждой строчке, то увидим, что, по количеству слогов, эти строчки неравны. Однако произнося их, мы слышем их ритмическое равенство и можем сказать, что ритмически

они принадлежат одному организму. Это равенство создается благодаря тому, что в обеих строчках одинаковое количество тактов.

Разобъём строчки на такты и получим:

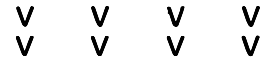
I	II	III	IV
прошли́	студе́нь	чески́	е го́ды
я все́х	друзе́й	пере́	забы́л

Мы получили по четыре такта в каждой строке.

Полученные такты имеют в себе по два слога, кроме одного такта, а именно IV в первой строке, который имеет в себе три слога.

Следовательно: такты по количеству слогов могут быть неодинаковы.

Запишем эти четырёхтактовые стихи так:

Теперь запишем метрическое строение этих стихов.

Получим:

—I —I —I —I —
—I —I —I —I

Мы видим, что всё время повторяется одна ритмическая фигура — I (неударный и ударный слог)*

Назовём эту повторяющуюся фигуру — метрической стопой.

Мы видим, что эта метрическая стопа в каждом стихе повторяется по четыре раза. Но в конце первого стиха остаётся ещё один лишний неударный слог, лежащий вне стопы.

Назовём этот слог — свободным (liber).**

---

*Неудар и удар, тесис и орсис.

**Или вернее: присутствие этого лишнего слога будем называть liber.

Этот свободный слог не входит в стопу, но, как мы видили, входит в такт.

 .

Теперь рассмотрим такие стихи:

Где студеньческие годы?
Всех друзей перезабыл...

Разобъём их на такты. Получим:

I	II	III	IV
Где́ сту	де́ньчес	ки́е	го́ды
все́х дру	зе́й пе	ре́за	бы́л

Мы получим четырёхтактовые стихи, где такты состоят из двух слогов, кроме IV такта второй строки, в этом такте только один слог.

Теперь запишем метрическое строение этих стихов. Получим:

I— I— I— I—
I— I— I— I

Мы видим, что тут повторяется такая фигура: I — (удар и неудар).

Назовём метр первого примера ямб (— I).

А метр второго примера назовём хорей (I —).

Во втором примере метр хорей повторяется в каждом стихе по четыре раза, но в последнем такте второго стиха не хватает одного неударного слога. Назовём этот отсутствующий неударный слог — недостающим (desum). Или вернее: будем называть desum — отсутствие одного неударного слога, нужного для образования полной метрической стопы.

.

Если бы в первом примере не было liber, а во втором примере desum, то мы могли бы стихи первого примера определить как четырёхстопный ямб, а

стихи второго примера — четырёхстопный хорей. Но так как в одном случае нам мешает liber, а в другом — desum, то мы назовём стихи первого примера — четырёхтактный ямб, а стихи второго примера — четырёхтактный хорей

<Середина 1930-х>

19

Концерт Эмиля Гиллельса в Клубе Писателей 19-го февраля 1939 года

Слушал Гиллельса.

Программа его концерта была плохая, безвкусная и плохо подобранная. Большинство вещей, с нашей точки зрения, Гиллельс исполнял неправильно.

Так, сонату Скарлатти он старался исполнить бесстрастно (что хорошо), но исполнял ее слишком тихо, шопотом, получилась некоторая задумчивость, а потому возникли какие-то чувства (что плохо). Нам думается, что Скарлатти надо исполнять значительно громче и с некоторым блеском, в таком исполнении, думается нам, и чувства будет меньше.

Кроме того, Гиллельс, исполняя Скарлатти, часто задевал соседние ноты и потому играл нечисто.

Потом Гиллельс сыграл две вещи Брамса. Об этом мы воздержимся сказать что-либо.

Потом он исполнил два Шубертовских экспромта. Может быть он сыграл их и хорошо, но как-то тускло.

Потом он исполнил Бетховена-Листа фантазию «Афинские Развалины». Эта вещь совершенно изгажена Листом. Выбор её для исполнения не говорит в пользу Гиллельса.

Во втором отделении он исполнил две вещи Шопена. Балладу и Полонез. Тут-то и обнаружилось смутное понимание Гиллельса. Единственно, чем он отметил Шопена, это задумчивостью своего исполнения.

С нашей точки зрения, для правильного исполнения Шопена, необходимо понять три важных фазы в каждом его произведении. Эти фазы мы называем:

1. Накопление.
2. Отсекание.
3. Вольное Дыхание.

У нас нет под рукой Баллады, и потому мы рассмотрим сходную с ней 13-ю мазурку ор. 17 № 4 Мы будем указывать порядковые номера тактов.

Первые четыре такта мы назовем настройкой, особенно 4-ый такт, который определяет весь тон мазурки, как бы недописанной и потому импрессионистической.

С 5-ого такта начинается первое накопление. Левая рука остается в верхнем своём положении, нажимая различные трезвучия, кроме тонического (a-moll). На 13-ом такте левая рука ударяет нижнее ля, впервые опускаясь вниз и касаясь основного тона. Накопление ещё не кончено, т.к. правая рука проделывает в это время довольно сложную быструю фигуру в триолях, где основной тон ля пролетает в восьмых и, сейчас же, в 14-ом такте накопление продолжается; левая рука опять сгущается в своих верхних пределах, и вдруг, в 19-ом такте, происходит быстрая подготовка к разрешению: правая рука делает максимальный взлет (верхнее do), а левая рука — максимальный спуск (нижнее mi) и в 20-ом такте наступает полное разрешение (правая рука держит тонику все 3/4, а левая нажимает нижнее ля и тоническое трезвучие), и первое накопление заканчивается. Но с 21-ого такта начинается новое накопление, почти совершенно такое же, как и первое, разница едва заметная. И вот это-то незначительное отклонение (сравни такты 7-ой с 23-им, 13-ый с 30-ым и 15-ый с 32-ым), но гениально правильно найденное и создает драгоценную «небольшую погрешность».*

И вот тут-то, на 37-ом такте, заканчивается фаза накопления и начинается новая фаза, известная

*Термин Я С.Друскина «Равновесие с небольшой погрешностью». Сравни с термином Розанова «чуть-чуть».

некоторым композиторам, а в особенности Шопену, — это фаза отсекания.

Смысл этой фазы примерно тот же, что и в площадках лестницы: во-первых, дать некоторый отдых, а во-вторых, если это нужно, сделать поворот.
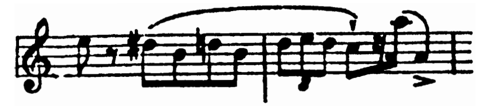
Обыкновенно, рассказывая о фазе накопления, человек мягко сгибает ладони и несколько раз сближает их друг с другом, описывая в воздухе полукруги. Фазу отсекания человек изображает так: он, твердо выпрямленными ладонями, рассекает по диагоналям воздух перед собой, в разных направлениях.

Мы думаем, что и при исполнении Шопена, фазу отсекания надо играть более твердой рукой, чем фазу накопления.

Отсеканием всегда служит некая повторяющаяся музыкальная фигура, изображаемая при присловесном рассказе твердой ладонью, которой рассказчик рубит перед собой в разных направлениях.

В 13-ой мазурке этим ударам ладони соответствуют музыкальные ходы вниз (такты 38 и 39-ый, 40 и 41, 42 и 43).

Например, такты 38-ой и 39-ый:

Надо очень отчётливо и искусно отделить при исполнении фазу отсекания от фазы накопления.

В 13-ой мазурке после отсекания опять идёт накопление с 46-го по 61-ый такт. Даётся опять новый вариант накопления, объединяющий I и II варианты, но, вместе с тем, разнящий от них небольшой погрешностью.

И вот, к концу III накопления, слушатель вдруг понимает, что накопление, собственно говоря, и не прекращалось, и, что его так много, что дыхание спирается. Слушатель окончательно пресыщен накоплением. И вот тут-то Шопен оставляет эту фазу и переходит к фазе вольного дыхания.

Для этого Шопен переходит в мажор и на 62-ом такте как бы распахивается дверь и дыхание делается вольным.

У слушателя создаётся на секунду впечатление, будто всё, что было до этого такта, являлось только вступлением, и что только сейчас, началось настоящее. Но когда тема этой фазы, вместо того, чтобы развиваться, постоянно возвращается к секунде

восемь раз на протяжении 32-х тактов, слушатель, несмотря на открытую фазу вольного дыхания, начинает ощущать потребность в новом решении, которое Шопен и даёт с 94-го такта в виде темы I-го накопления. Он проводит в ней 4-ый вариант, опять создавая небольшую погрешность. И на этот раз, слушатель понимает, что то, что он, на 62-ом такте положил считать только вступлением к вольному дыханию, есть, на самом деле, решение вольного дыхания.

Засим следует фаза сложного отсекания с постоянной фигурой

Характер этой фазы импрессионистический, и потому Шопен заканчивает ее (а с ней вместе и всю мазурку) первыми четырьмя тактами, тактами настройки. Но теперь слушатель естественно воспринимает импрессионистический характер этой настройки и нисколько не удивляется, что вся мазурка заканчивается секстаккордом фа-мажора.

Таким образом мы видим, что вся мазурка состоит из 9 частей:

1. Настройка .... такты 1 — 4
2. I накопление .... 5 — 20
3. II накопление .... 21 — 37
4. Отсекание .... 38 — 45

5. III накопление (и пресыщение) ... . 46 — 61
6. Вольное дыхание .... 62 — 93
7. IV накопление .... 94 — 109
8. Отсекание (завершающее) .... 110 — 129
9. Настройка .... 130 — 133

Мы знаем твёрдо одно, что пианист, при исполнении этой мазурки, должен четко выявить смысл каждой части и заставить слушателя почувствовать все переходы от одной части к другой.

Баллада Шопена своим строением напоминает 13-ую мазурку. Гиллельс не разобрался в смыслах баллады, и единственное, что он сказал своей игрой, это, что Шопен несколько более задумчивый композитор, нежели Лист. Это столь же бессмысленно и не существенно, как называть Чехова «певцом вечерних сумерек».

Мендельсона «Рондо-капричиозо» Гиллельс сыграл несколько лучше.

Потом он сыграл Листа «Карнавал». Такую музыку играть и слушать просто неприлично.

На бис Гиллельс исполнил «Кукушку» Дакэна. На наш взгляд ее следовало бы исполнять громче. (Мы вообще стоим всегда за более громкое исполнение и фортепьянную музыку предпочли бы слушать, сидя под роялем).

Лучше всего Гиллельс исполнил этюд Паганини-Лист «Охота».

В зале говорили про Гиллельса, поднимая плечи и разводя руками: «Это... это... это уже не артист, а само искусство!»

Больше нам сказать про концерт Гиллельса — нечего.

Даниил Хармс
<19 февраля 1939>

49

Д. ХАРМС

ПИСЬМА

А. И. Введенскому
20

<Ленинград. 1936—1940 г.>

Дорогой Александр Иванович, я слышал, что ты копишь деньги и скопил уже тридцать пять тысячь. К чему? Зачем копить деньги? Почему не поделиться тем, что ты имеешь, с теми, которые не имеют даже совершенно лишней пары брюк? Ведь, что такое деньги? Я изучал этот вопрос. У меня есть фотографии самых ходовых денежных знаков: в рубль, в три, в четыре и даже в пять рублей достоинством. Я слышал о денежных знаках, которые содержут в себе разом до 30-ти рублей! Но копить их, зачем? Ведь я не коллекционер. Я всегда презирал коллекционеров, которые собирают марки, пёрышки, пуговки, луковки и т д. Это глупые, тупые и суеверные люди. Я знаю, например, что так называемые «нумизматы», это те, которые копят деньги, имеют суеверный обычай класть их, как бы ты думал куда? Не в стол, не в шкатулку а ... на книжки! Как тебе это нравится? А ведь можно взять деньги, пойти с ними в магазин и обменять на, ну скажем, на суп (это такая пища), или на соус кефаль (это тоже вроде хлеба)

Нет, Александр Иванович, ты почти такой же нетупой человек как и я, а копишь деньги и не меняешь их на разные другие вещи. Прости, дорогой Александр Иванович, но это не умно! Ты просто поглупел, живя в этой провинции. Ведь должно быть не с кем даже по говорить. Посылаю тебе свой портрет, что бы ты мог хотя бы видеть перед собой умное, развитое, интеллегентное и прекрасное лицо. Твой друг Даниил Хармс.

Е. И. Грицыной
21

<Пригород Ленинграда>.
28 февраля 1936 г.

Дорогая Лиза,

поздравляю Кирилла с днём его рождения, а так же поздравляю его родителей, успешно выполняющих предписанный им натурой план воспитания

человеческого отпрыска, до двух летнего возраста неумеющего ходить, но затем со временем начинающего крушить всё вокруг и наконец в достижении младшего дошкольного возраста, избивающего по голове украденным из отцовского письменного стола вольтметром, свою любящую мать, не успевшую увернуться от весьма ловко проведённого нападения своего не совсем ещё дозревшего ребёнка, замышляющего уже в своём недозрелом затылке, ухлопав родителей, направить всё своё преостроумнейшее внимание на убелённого сединами дедушку и тем самым доказывающего своё не по летам развернувшееся умственное развитие в честь которого, 28 февраля собируться кое какие поклонники сего поистине из рядо вон выходящего явления и в числе которых, к великому моему прискорбию, не смогу быть я, находясь в данное время в некотором напряжении, восторгаясь на берегах Финского залива присущим мне с детских лет умением, схватив стальное перо и окунув его в чернильницу, короткими и четкими фразами выражать свою глубокую и подчас даже некоторым образом весьма возвышенную мысль.

Даниил Хармс
28 февраля 1936 года.

Домашним
22

<Ленинград>. Б.д.

Разбудите меня
в 11 часов.
Даня.
буду страшно благодарен
Я с ножом ночей татарин.

Б.С.Житкову
23

<Ленинград>. 3 октября 1936 г.

Дорогой Борис Степанович,

большое спасибо за Ваш ответ. У меня было такое ощущение, что все люди переехавшие

53

в Москву меняются и забывают своих Ленинградских знакомых. Мне казалось, что Москвичам ленинградцы представляются какими то идеалистами с которыми и говорить то не о чем. Оставалась только вера в Вашу неизменность. За девять лет, что я знаю Вас, изменились все. Вы же как были, таким точно и остались, не смотря на то, что как никто, из моих знакомых, изменили свою внешнюю жизнь. И вдруг мне показалось, что Вы стали москвичом и не ответите на моё письмо. Это было бы столь же невероятно, как если бы я написал письмо Николаю Макаровичу, а он прислал бы мне ответ. Поэтому получив сегодня Ваше письмо я испытал огромную радость, и что то вроде того, что «Ура! Правда восторжествует».

Когда кто ни будь переезжает в Москву, я ленинградский патриот воспринемаю это как личное оскорбление. Но Ваш переезд в Москву, дорогой Борис Степанович, мне бесконечно печален. Среди моих знакомых в Ленинграде не осталось ни одного настоящего мужчины, и живого человека. Один зевнет если заговорить с ним о музыке, другой не сумеет развинтить даже электрического чайника, третий проснувшись не закурит папиросы, пока чего ни будь не поест, а четвёртый подведёт и окрутит вас так, что потом только диву даешся. Лучше всех пожалуй Николай Андреевич. Очень очень не достаёт мне Вас, дорогой Борис Степанович.

Поражаюсь Вашей силе: столько времени прожить без комнаты и остаться самим собой. Это Вы, который говорил, что самый приятный подарок — халат с тридцатью карманами! Вы мне напоминаете англичанина, который пьет восьмой день, и что называется ни в одном глазу и сидит прямо как палка. Даже страшно делается. Все это конечно потому, что у Вас миллион всяких привычек и потребностей, но главные чай и табак.

В следующем письме напишу Вам о своих делах. Сообщите только, по какому адресу Вам писать.

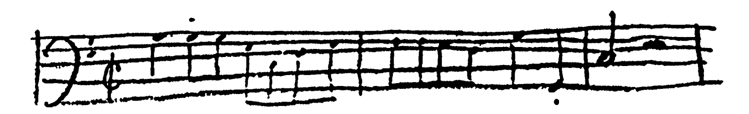
Хармс.
3 октября 1936 года.

24

<Ленинград. Октябрь 1937 г.>.

Дорогой Борис Степанович,

каждый день, садясь за фисгармонию, вспоминаю Вас. Особенно когда играю II-ую фугетту Генделя, которая Вам тоже понравилась. Помните, как там бас время от времени соглашается с верхними голосами при помощи такой темы:

Эта фугетта в моём репертуаре — коронный номер. В продолжении месяца я играл её по два раза в день, но зато теперь играю её свободно. Марина не очень благосклонна к моим занятиям, а так как она почти не выходит из дома, то я занимаюсь не более одного часа в день, что через мерно мало. Кроме фугетты, играю Палестриновскую «Stabat mater», в хоральном переложении, Минуэт Джона Влоу'а (XVII в.), «О поле поле» из Руслана, хорал es-dur из Иогановских страстей и теперь разучиваю арию c-moll из партиты Баха. Это одна из лучших вещей Баха и очень простая. Посылаю Вам верхний голос для скрипки, ибо разучивая её только одним пальцем я получал огромное удовольствие. У меня часто бывает Друскин. Но большая рояльная техника мешает ему хорошо играть на фисгармонии. Зато был у меня тут один молодой дирежор, приятель Николая Андреевича, вот он действительно показал чего можно достигнуть на фисгармонии. То меняя регистры, то особенно подовая воздух, он добивался такого разнообразия и так точно передавал оркестровое звучание, что я только диву давался. Кроме того, он играет со страниц партитуры в 22 строки, так же свободно, как Вы читаете по русски французскую книгу. В добавок он поёт на все голоса. Он пел сикстет из Дон Жуана и так ловко перескакивал с голоса на голос, подчеркивая именно самые нужные моменто, что я воспринял сикстет полностью.

Как жаль, что Вы перехали в Москву. Я уверен, что этот молодой дирижёр доставил бы Вам много радости.

Напишите мне Борис Степанович, достали ли Вы себе квартиру и играете ли на скрипке.

О себе могу только сказать, что мои материальные дела хуже чем когда либо. Сентябрь прожил исключительно на продажу да и то с таким рассчётом, что два дня с едой, а один голодный, но надеюсь, что когда ни будь будет лучше. Если вы бываете в Детиздате, и если Вам не трудно, то узнайте почему я не получил денег из Олейниковского журнала. Олейников говорит, что выписал мне 500 рублей, но я их не получил.

А ещё посоветуйте мне вот что: я перевёл Буша для Чижа. Чиж предложил мне издать это отдельной книжкой. А Шварц приехал из Москвы и передал мне, что Оболенская предлогает издать Буша в Москве. Думая, что в Москве больше гонорары и тиражи я отказался от предложения Чижа. Я послал с Олейниковым письмо Оболенской где пишу, что хотел бы издать Буша в Москве и прошу сообщить мне условия. По рассказу Олейникова Оболенская буд-то бы обиделась, что я спрашивал об условиях (?). Потом она посоветывалась с Введенским и как бы отказалась издавать моего Буша. Теперь же я получил от неё такую телеграмму: «Берём Ваш перевод Буша, условия 1.000 руб. до 100 строк. Телеграфьте согласны. Посылайте стихи. Оболенская».

Если бы мне предложили эти условия в Ленинграде, я нашёл бы их приличными, но для Москвы незнаю. Мне очень нужны деньги, но продешевить книжку не хочу. Вся книжка 200 строк. Может быть лучше требовать за неё аккордно? и сколько? Может быть то что предлогает Оболенская очень хорошо? А может быть очень плохо? и какой тираж? Борис Степанович, Вы лучше знаете это всё. Если у Вас есть лишние пять рублей, пошлите мне телеграмму. Уж очень я отстал от издательских дел.

Остаюсь Ваш

Даниил Хармс.
Ул. Маяковского 11 кв. 8.

Н.И.Колюбакиной
25

<Ленинград>. 21 сентября 1933 г.

Дорогая Наташа,
спасибо за стихи Жемчужникова. Это именно Жемчужников, но отнюдь не Прутков. Даже, если они и подписаны Прутковым, то всё же не прутковские. И наоборот вещи Толстого вроде «Балет Комма» или «О том, дискать, как филосов остался без огурцов», чистые прутковские, хоть и подписано только Толстым.

Я показывал ногу д-ру Шапо. Он пробормотал несколько латинских фраз, но, судя по тому, что велел мне пить дрозжи, согласен с твоим мнением. Кстати дрозжей нигде нет.

Чтобы ответить стихотворением на стихотворение, посылаю тебе, вчера написанные, стихи. Правдо они ещё не законченны. Конец должен быть другим, но не смотря на это я считаю, что в них есть стройность и тот грустный тон, каким говорит человек о непонятном ему предназначении человека в мире. Повторяю, что стихи незакончены и даже нет ещё им названия.

Даниил Хармс
Четверг, 21 сентября, 1933 года.
Петербург

26

Ленинград. 24 сентября 1933 г.

Дорогая Наташа,
ты прислала мне такое количество пивных дрожжей, будто я весь покрыт волдырями как птица перьями. Я не знал, что они существуют в таблетках и продаются в аптеках. Мне просто неловко, что об этом узнала ты, а не я сам, которому эти дрожжи нужны. Твоё издание Козьмы Пруткова (1899 года) — лучшее, хотя в нём многих вещей не хватает. Вчера позвонил мне Маршак и просил, если я не занят и если у меня есть к тому охота,

притти к нему. Я пошёл. В прихожей произошла сцена с обниманиями и поцелуями. Вполне были бы уместны слова: «мамочка моя!» Потом Маршак бегал вокруг меня, не давая мне даже сесть в кресло, рассказывал о Риме и Париже, жаловался на свою усталость. Маршак говорил о Риме очень хорошо. Потом перешёл разговор на Данта. Маршак научился уже говорить немного по итальянски и мы сидели до 3 ч. ночи и читали Данта, оба восторгаясь. Стихи, которые я хотел послать тебе, ещё не окончены, потому хорошо, что я не послал их.

А Колпаков, это действительно я.

Спасибо Машенька за спички и махорку.

Даня
Воскресенье 24 сентября 1933 года.

27

<Детское Село (Пушкин?)>. Б д.

Дорогая Наташа,

кофе я не смогу пить. А лучше я пройдусь ещё на часок в парк, чтобы воспользываться тем, что называют природой, или попросту «самим собой».

Д.

Т. А. Липавской

28

<Ленинград>. 20 августа 1930г.

Тамара Александровна,

должен сказать Вам, что я всё понял. Довольно ломать дурака и писать глупые письма неизвесто кому. Вы думаете: он глуп. Он не поймет. Но Даниил Хармс не глуп. Он всё понимает. Меня матушка не проведёшь! Сам проведу. Ещё бы! Нашли дурака! Да дурак-то поумнее многих других, умных.

Не стану говорить таких слов, как издевательство, наглость и пр. и пр. Всё это только уклонит нас от прямой цели.

Нет, скажу прямо, что это чорт знает что!

Я всегда говорил, что в Вашем лице есть нечто преступное. Со мной спорили, не соглашались, но теперь пусть лучше попридержут язык за грибами или за зубами или как там говорится!

Я прямо спрашиваю Вас: что это значит? Ага! вижу как Вы краснеете и жалкой ручонкой хотите отстранить от себя этот неумолимый призрак высокой справедливости.

Смеюсь, глядя на то как Вы лепечете бледные слова оправдания.

Хохочу над Вашими извинениями.

Пусть! Пусть эта свинья Бобрикова сочтёт меня за изверга.

Пускай Рогнедовы обольют меня помоями!

Да!.. впрочем нет.

Не то.

Я скажу спокойно и смело: Я разъярён.

А вы знаете на что я способен? Я волк. Зверь. Барс. Тигр. Я не хвастаюсь. Чего мне хвастаться?

Я призираю злобу. Мне злость не понятна. Но святая ярость!

Знаем мы эти малороссийские поля и канавы.

Знаем и эти пресловутые 20 фунтов. Валентина Ефимовна уехала в Москву. Цены на продукты дорожают.

20-го Августа 1930 года
Даниил Хармс

29

<Ленинград>. 5 декабря 1930 г.

Дорогая Тамара Александровна.

Я люблю Вас. Я вчера, даже, хотел Вам это сказать, но Вы сказали, что у меня на лбу всегда какая-то сыпь и мне стало неловко. Но потом, когда Вы ели редьку, я подумал: «Ну хорошо, у меня некрасивый лоб, но зато ведь и Тамарочка не богиня». Это я только для успокоения подумал. А на самом деле Вы богиня, — высокая, стройная, умная, чуть лукавая и совершенно неоцененная!

А ночью я натёр лоб политурой и потом думал: «Как хорошо любить богиню, когда сам бог». Так и уснул.

А разбудил меня папа и, довольно строго, спросил кто у меня был вчера. Я, говорю, были приятели.

— Приятели? — сказал папа.

Я говорю были Введенский, Липавский и Калашников.

А папа спросил, не были-ли кто ни будь, так сказать, из дам. Я говорю, что сразу этого не могу вспомнить. Но папа что-то сделал (только я не скажу что) и я вспомнил и говорю ему: «Да, папочка, были такие-то и такие-то мои знакомые дамы и мне их нужно было видеть по делу Госиздата, Дома печати и Федерации Писателей». Но это не помогло.

Дело в том, видите-ли, что Вы решили, буд-то я вроде как-бы, извините, Яша Друскин, а я, на самом деле, это самое, значительно реже.

Ну вот и вышло, что папа раньше меня прочёл и показал Лидии Алексеевне (это такая у нас живёт).

А я и не знаю, что там такое написано.

— Нет, — говорит папа, — изволь, иди следом за мной и изволь всё объясни.

Я надел туфли и пошёл.

Прихожу, вижу. Боже ты мой! С одной стороны и приятно видеть, а с другой стороны стоят тут рядом папа и Лидия Алексеевна.

— Я, — говорит Лидия Алексеевна, — сюда больше ходить не могу, а то и про меня ещё чего ни будь напишут.

И папа раскричался тоже.

— Это, кричит, — не общественная!

Ну что тут скажешь! Я стою себе и думаю: «Любит ведь, явно любит, коли до этого дошло! Ведь вон, думаю, каким хитрым манером призналась! Но которая? Вот вопрос. Ах, если-бы это была она! т. е. Тамара!

Только это я так подумал, вдруг звонок, приходит почтальон и приносит мне три заказных письма. И выходит, что все три зараз любят. А что мне до других, когда я Вас, именно Вас, дорогая Тамара Александровна люблю.

Как увидал Вас, пять лет тому назад в Союзе Поэтов, так с тех пор и люблю.

Сильно сломило это мою натуру. Хожу как дурак. Апетита лишился. А съем что через силу, так сразу отрыжка кислая. И сна лишился. Как только спать, так левую ноздрю закладывает, прямо не продохнёшь!

Но любовь, можно сказать, священный пламень, всё прошибёт!

Пять лет любовался Вами. Как Вы прекрасны! Тамара Александровна, если б Вы только знали!

Милая, дорогая Тамара Александровна! Зачем Шурка мой друг! Какая насмешка судьбы! Ведь, не знай я Шуру, я бы и Вас не знал!

Нет!..

Или вернее да! Да, только Вы, Тамара Александровна, способны сделать меня счастливым.

Вы пишите мне: «...Я не Ваш вкус».

Ах! Слова бессильны, а звуки не изобразимы!

Тамарочка, радуга моя!

Твой Даня.
5 декабря 1930 года

30

<Детское Село>. 17 июля 1931 г.

Матушка моя, дорогая Тамара Александровна, не люблю писать зря, когда нечего. Ничего ровно не изменилось с тех пор, как Вы уехали. Так же все Валентина Ефимовна ходит к Тамаре Григорьевне, Тамара Григорьевна к Валентине Ефимовне, Александра Григорьевна к Леониду Савельевичу, а Леонид Савельевич к Александру Ивановичу. Абсолютно также ничего не могу сказать и о себе. Немного загорел, немного пополнел, немного похорошел, но даже и с этим не все согласны.

Вот разве опишу Вам казус, случившийся с Леонидом Савельевичем. Зашел раз Леонид Савельевич ко мне и не застал меня дома. Он спросил сначала меня, а потом назвал свою фамилию, почему-то Савельев. А

мне потом передают, что приходила ко мне какая-то барышня по имени Севилья. Я лишь с трудом догадался, кто был на самом деле. Да, а на днях еще такой казус вышел. Пошли мы с Леонидом Савельевичем в цирк. Приходим перед началом и, представьте себе, нет ни одного билета. Я и говорю: пойдемте, Леонид Савельевич, на фуфу. Мы и пошли. А у входа меня задержали и не пускают, а он, смотрю, свободно вперед прошел. Я обозлился и говорю: вон тот человек тоже без билета. Почему вы его пускаете? А они мне говорят: это Ванька-встанька, он у нас у ковра служит. Совсем, знаете, захирел Леонид Савельевич и на Госиздат рукой машет, хочет в парикмахеры поступить. Александр Иванович купил себе брюки, уверяет, что оксфорт. Широки они, действительно, страшно, шире оксфорта, но зато коротки очень, видать, где носки кончаются. Александр Иванович не унывает, говорит: поношу — разносятся. Валентина Ефимовна переехала на другую квартиру. Должно быть, и оттуда ее турнут в скором времени. Тамара Григорьевна и Александра Григорьевна нахально сидят в Вашей комнате; советую обратить внимание. Синайские, между прочим, мерзавцы.

Вот примерно все, что произошло за время Вашего отсутствия. Как будет что интересное, напишу обстоятельно.

Очень соскучились мы без Вас. Я влюбился уже в трех красавиц, похожих на Вас. Леонид Савельевич написал у себя над кроватью карандашом по обоям: «Тамара А.К.Н.» А Олейников назвал своего сына Тамарой. А Александр Иванович всех знакомых зовет Тамася. А Вал. Еф. написала Барскому письмо и подписалась «Т» — либо «Твоя», либо «Тамара». Хотите верьте, хотите не верьте, но даже Боба Левин прислал из Симбирска письмо, где пишет: «... ну как живешь, кого видишь?» Явно интересуется, вижу ли я Вас. На днях встретил Данилевича. Он прямо просиял и затрепетал, но, узнав меня, просто осунулся. Я, говорит*, Вас за Тамарочку принял, теперь, вижу, обознался. Так и сказал: за Тамарочку. Я ничего не сказал, только посмотрел ему

*В этот момент тетушка отняла у меня чернила.

вслед и тихо пробормотал: сосулька! А он, верно, это расслышал, подошел быстро ко мне да как хрястнет меня по щеке неизвестно чем. Я даже заплакал, очень мне жаль Вас стало.

Не могу больше писать карандашом.

Ваш Даниил Хармс

Надеждинская. 11. кв. 8.
(Пишите мне на этот городской адрес)

31

<Детское Село>. 28 июня 1932 г.

Дорогая Тамара Александровна и Леонид Савельевич,

Спасибо вам за ваше чудное письмо. Я перечитал его много раз и выучил наизусть. Меня можно разбудить ночью и я сразу, без запинки, начну: «Здраствуйте Даниил Иванович, мы очень без Вас соскрючились. Лёня купил себе новые...» и т.д. и т.д. Я читал это письмо всем своим царскосельским знакомым. Всем оно очень нравится. Вчера ко мне пришёл мой приятель Бальнис. Он хотел остаться у меня ночевать. Я прочел ему ваше письмо шесть раз. Он очень сильно улыбался, видно что письмо ему понравилось, но подробного мнения он высказать не успел ибо ушёл, не оставшись ночевать. Сегодня я ходил к нему сам и прочёл ему письмо ещё раз, чтобы он освежил его в своей памяти. Потом я спросил Бальниса, какого его мнение. Но он выломал у стула ножку и при помощи этой ножки, выгнал меня на улицу, да ещё сказал, что если я ещё раз явлюсь с этой поскудью, то он свяжет мне руки и набьёт рот грязью из помойной ямы. Это были конечно с его стороны грубые и не остроумные слова. Я конечно ушёл и понял, что у него был, возможно, очень сильный насморк и ему было не по себе. От Бальниса я пошёл в Екатерининский парк и катался на лодке. На всём озере, кроме моей, плавало ещё две-три лодки. Между прочим в одной из лодок каталась очень красивая девушка. И совершенно одна. Я повернул лодку (кстати при повороте, надо грести осторожно, потому что весла могут

выскочить из уключин) и поехал следом за красавицей. Мне казалось, что я похож на норвежца и от моей фигуры в сером жилете и развивающимся галстуке, должны излучаться свежесть и здоровие и, как говорится, пахнуть морем. Но около Орловской коллоны купались какие-то хулиганы и, когда я проезжал мимо, один из них хотел проплыть как раз поперёк моего пути. Тогда другой крикнул: «Подожди, когда проплывёт эта кривая и потная личность!» — и показал на меня ногой. Мне было очень неприятно, потому что всё это слышала красавица. А так как она плыла впереди меня, а в лодке, как известно, сидят затылком к направлению движения, то красавица не только слышала, но и видела как хулиган показал на меня ногой. Я попробывал сделать вид, что это относится не ко мне и стал улыбаясь смотреть по сторонам. Но вокруг не было ни одной лодки. Да тут ещё хулиган крикнул опять: «Ну чего засмотрелся! Не тебе что ли говорят! Эй ты насос в шляпе!»

Я принялся грести что есть мочи, но вёсла выскакивали из уключин и лодка подвигалась медленно. Наконец, после больших усилий, я догнал красавицу и мы познакомились. Её звали Екатериной Павловной. Мы сдали её лодку и Екатерина Павловна пересела в мою. Она оказалась очень остроумной собеседницей. Я решил блестнуть остроумием моих знакомых, достал ваше письмо и принялся читать: «Здраствуйте Даниил Иванович, мы очень без Вас соскрючились. Лёня купил...» и т. д. Екатерина Павловна сказала, что если мы подъедим к берегу, то я что-то увижу. И я увидел, как Екатерина Павловна ушла, а из кустов вылез грязный мальчишка и сказал: «Дяденька, покатай на лодке». Сегодня вечером письмо пропало. Случилось этто так: я стоял на балконе, читал ваше письмо и ел манную кашу. В это время тётушка позвала меня в комнаты помочь ей завести часы. Я закрыл письмом манную кашу и пошёл в комнаты. Когда я вернулся обратно, то письмо впитало в себя всю манную кашу и я съел его.

Погоды в Царском стоят хорошие: переменная облачность, ветры юго-западной четверти, возможен дождь.

Сегодня утром к нам в сад приходил шарманщик и играл собачий вальс, а потом спёр гамак и убежал.

Я прочёл очень интересную книгу о том, как один молодой человек полюбил одну молодую особу, а эта молодая особа любила другого молодого человека, а этот молодой человек любил другую молодую особу, а эта молодая особа любила, опять таки, другого молодого человека, который любил не её, а другую молодую особу.

И вдруг эта молодая особа оступается в открытый люк и надламывает себе позвоночник. Но когда она уже совсем поправляется, она вдруг простужается и умирает. Тогда молодой человек, любящий её, кончает с собой выстрелом из револьвера. Тогда молодая особа, любящая этого молодого человека, бросается под поезд. Тогда молодой человек, любящий эту молодую особу, залезает с горя на трамвайный столб и косается проводника и умирает от электрического тока. Тогда молодая особа, любящая этого молодого человека, наедается толчёного стекла и умирает от раны в кишках. Тогда молодой человек, любящий эту молодую особу, бежит в Америку и спивается до такой степени, что продаёт свой последний костюм; и, за неимением костюма, он принуждён лежать в постеле и получает пролежни и от пролежней умирает.

На днях буду в городе. Обязательно хочу увидеть вас. Привет Валентине Ефимовне и Якову Семёновичу.

Даниил Хармс
28 июня 1932 года. Царское Село.

32

Курск. 1 августа 1932 г.

Дорогая Тамара Александровна, Валентина Ефимовна, Леонид Савельевич, Яков Семёнович и Валентина Ефимовна.

Передайте от меня привет Леониду Савельевичу, Валентине Ефимовне и Якову Семеновичу.

Как вы живёте Тамара Александровна, Валентина Ефимовна, Леонид Савельевич и Яков Семёнович? Что

поделывает Валентина Ефимовна? Обязательно напишите мне Тамара Александровна, как себя чувствуют Яков Семёнович и Леонид Савельевич.

Я очень соскучился по Вас, Тамара Александровна, а также по Валентине Ефимовне и Леониду Савельев. и Якову Семёновичу. Что, Леонид Савельевич, всё еще на даче или уже вернулся? Передайте ему, если он вернулся, привет от меня. А также и Валентине Ефимовне и Якову Семёновичу и Тамаре Александровне. Вы все для меня на столько памятны что порой кажется, что я вас и забыть не смогу. Валентина Ефимовна стоит у меня перед глазами как живая и даже Леонид Савельевич, как живой. Яков Семёнович для меня как родной брат и сестра, а также и Вы как сестра, или, в крайнем случае, как кузина. Леонид Савельевич для меня как шурин, а так же и Валентина Ефимовна как некая родственница.

На каждом шагу вспоминаю я вас, то одного, то другого и всегда с такою ясностью и отчетливостью, что просто ужас. Но во сне мне из вас никто не мерещится и я даже удивляюсь почему это так. Ведь если-бы во сне мне приснился Леонид Савельевич, это-бы было одно, а если-бы Яков Семёнович, это-бы было уже другое. С этим нельзя не согласиться. А также если-бы приснились Вы, было-бы опять другое, чем если-бы мне во сне показали Валентину Ефимовну.

Что тут на днях было! Я, представте себе, только собрался куда то итти и взял шляпу, что-бы одеть её, вдруг смотрю, а шляпа-то буд-то и не моя, буд-то моя, а буд-то бы и не моя. Фу ты! думаю, что за притча! моя шляпа или не моя? А сам шляпу-то надеваю и надеваю. А как надел шляпу и посмотрел в зеркало, ну вижу шляпа-то буд-то моя. А сам думаю: а вдруг не моя. Хотя, впрочем, пожалуй моя. Ну оказалось шляпато и впрямь моя. А так-же Введенский, купаясь в реке, попал в рыболовную сеть и так сильно опечалился, что, как только освободился, так сразу же пришёл домой и деркал. Пишите и вы, как вы все живёте. Как Леонид Савельевич на даче или уже приехал.

Даниил Хармс

☾, <понедельник> 1 августа, 1932 года. Курск

33

Курск. 2 сентября 1932 г.

Дорогая Тамара Александровна,
как Ваше здоровие? Александр Иванович прочёл Ваше письмо и тут же деркал. Что-же в самом деле с Вашими почками? Я долго думал по этому поводу, но ни к каким положительным результатам не пришёл. Почки, как известно, служат для выделения из организма вредных веществ и с виду похожи на бобы. Чего же особенного может с ними случиться? Во всяком случае, с Вами вышел занятный номер. Что значит смещение почки? Представте себе, для наглядности, на примере, что Вы и Валентина Ефимовна две почки. И вдруг одна из вас начинает смещаться. Что это значит? Абсурд. Возьмите вместо Валентины Ефимовны и поставте Леонида Савельевича, Якого Семёновича и вообще кого угодно, всё равно получается чистейшая бессмыслица. Валентине Ефимовне я послал поздравление. Какая она ни на есть, а всё, думаю, поздравить надо.

Шура, Шура... Как много в этом слове
Для сердца русского слилось*

Даниил Хармс
♀, <пятница> 2 сентября, 1932 года. Курск

34

Курск. 25 сентября 1932 г.

Дорогая Тамара Александровна,
может быть, это очень глупо с моей стороны писать так, но, по моему, Вы всегда были очень красивая. Хотите верьте, хотите не верьте, но это так. Я, даже, убеждён в этом. Да, так я думаю.

Я не хочу быть смешным и оригинальным, но продолжаю утверждать, что Вы сто очков дадите вперёд

*Дата над письмом и текст от слова «Шура» вписан А.И. Введенским (*Сост.*).

любой не очень красивой женщине. Пусть я первый раскусил Вашу красоту. Я не расчитываю иметь своих последователей. О нет! Но пусть я буду одинок в своём мнении. Я от него не отступлюсь.

Это не упрямство. А что обо мне подумают, мне начхать.

Я слышал, из Вашего письма, что Вы раскокали себе нос. Жаль. Всё же урон. Отсутствие симметрии. Вашим мимолётным дефектом могут воспользоваться окружающие.

Валентина Вам под стать. Красивая женщина. Пышные волосы, рот, глаза... Удивительно, почему толпа поклонников не осаждает её дверь. Походка? Фигура? Что тому причиной? Почему всяк нос воротит?

Невежество вкусов?

Леонид не Аполлон, в нём есть множество недостатков. Но всё же, надо признать, его строил ловкий архитектор. Его миниатюрность форм, переходящая в тщедушность, нельзя назвать совершенством. Но совершенство мёртвый лев, а Леонид живая собака. Ваш выбор Леонида приветствую! Вы сумели в навозной яме найти жемчужное зерно!

Яков вызывает к себе тёплые чувства. Это студент подающий кое какие надежды.

Яков! Заклинаю тебя! Грызи гранит!

И Вы Тамара Александровна поддержите его! Влейте надежду в его сознание, которое века хранило мысль о делах, делах чести, долга и сверхморали, о знаниях, которыми переполнено земное существование, долженствующее собой изображать все те человеческие страсти, которые с таким ожесточением вели борьбу с теми человеческими помыслами, которые неослабевающими струями преисполняют наше жилище мысли, воспомоществование которой

Тамара Александровна! Яков это душа самого общества! Восток!

Пусть Николай воспоёт Вашу красоту, Тамара Александровна. И, будь я Голиаф, я бы достал рукой до неба и там бы, на облаках, написал бы Ваше имя.

Пусть! Пусть надо мной смеются и говорят, что у меня тонкая шея и бочкообразная грудь. Порядочный

человек над этим не посмеётся. Я пью теперь рыбий жир!

Я говорю сейчас не о себе, а о Вас, о Вашей красоте Тамара Александровна!

Вы обращаете на себя внимание!

Даниил Хармс
25 сентября 1932 года

35

Б м. Б.д.

Благодарю Вас Тамара Александровна, я арб узы очень люблю. Приезжайте лучше Вы к нам

М. В. Малич

36

<Ленинград?>. 19 ноября 1939 г.

Дорогая Маришенька,

Я пошёл на вокзал, чтобы встретить тебя.

Целую тебя

Даня.
6 ч.
19 ноября 1939 года.

37

<Ленинград>. 19 января 1940 г.

Дорогая Фефюля,

Я пошёл по разным делам. Уходя, я уронил щётку, Вы сразу пошевелились и начали очень смешно улыбаться, растягивая рот и кивая кому-то во сне.

Вернусь домой часов в 5 – 6.

Целую крепко

Даня
19 января 1940 года.
2 ч. 30 м.

38

<Ленинград>. 26 июня 1940 г.

Дорогая Фефюленька, с очень печальным чувством поехал я по своим делам. Очень хочу тебя поскорее увидеть.

Даня
10 ч. ☿ <среда > 26 июня 1940 года.

39

<Ленинград>. 9 августа 1941 г.

Дорогая Марина,
Я пошёл в Союз. Может быть, Бог даст, получу немного денег. Потом к 3 часам я должен зайти в «Искусство».

От 6 – 7 у меня диспансер. Надеюсь, до диспансера побывать дома.

Крепко целую тебя.
Храни тебя Бог.

Даня
♄ <Суббота>, 9 ♏<августа>, 1941 года. 11 ч. 20 м.

Л.Пантелееву

40

Курск. 23 июля 1932 г.

Дорогой Алексей Иванович.
Курск — очень неприятный город. Я предпочитаю ДПЗ. Тут, у всех местных жителей я слыву за идиота. На улице мне обязательно говорят что-нибудь вдогонку. Поэтому я, почти все время, сижу у себя в комнате. По вечерам я сижу и читаю Жюль Верна, а днем вообще ничего не делаю. Я живу в одном доме с Введенским; и этим очень недоволен. При нашем доме фруктовый сад. Пока в саду много вишни.

Простите, что пишу такую пустую открытку, но пока еще на письмо нет вдохновения.

Передайте привет Самуилу Яковлевичу.

Даниил Хармс
♄ <суббота> 23 июля 1932 года Курск, Первышевская 16.

41

Курск. 10 августа 1932 г.

Дорогой Алексей Иванович,
только что получил Ваше письмо. Очень рад, что Вы купаетесь и лежите на солнце. Тут нет ни солнца, ни места, где купаться. Тут все время дождь и ветер, и вообще на Петербург не похоже. Между прочим, настроение у меня отнюдь не мрачное. Я чувствую себя хорошо и спокойно, но только до тех пор, пока сижу в своей комнате. Стоит пройтись по улице, и я прихожу обратно злой и раздраженный. Но это бывает редко, ибо я выхожу из дома раз в три дня. И то: на почту и назад. Сидя дома, я много думаю, пишу и читаю. Это верно, читаю я не только Жюля Верна. Сейчас пишу большую вещь под названием «Дон Жуан». Пока написан только пролог и кусок первой части. Тем, что написано, я не очень доволен. Зато написал два трактата о числах. Ими доволен вполне. Удалось вывести две теоремы, потом опровергнуть их, потом опровергнуть опровержение, а потом снова опровергнуть. На этом основании удалось вывести еще две теоремы. Это гимнастический ход, но это не только гимнастика. Есть прямые следствия этих теорем, слишком материальные, чтобы быть гимнастикой. Одно из следствий, например, это определение абсолютного температурного нуля. Выводы оказались столь неожиданные, что я, благодаря им, стал сильно смахивать на естественного мыслителя. Да вдобавок еще естественного мыслителя из города Курска. Скоро мне будет как раз к лицу заниматься квадратурой круга или трисекцией угла.

Деятельность малограмотного ученого всегда была мне приятна. Но тут это становится опасным.

Для Молодой гвардии я еще ничего не написал, но теперь, может быть, напишу.

Что такое, Вы пишете, с Самуилом Яковлевичем?

Но его натуру не переделать. Если дать ему в день по стишку для прочтения, то он все же умудрится быть занятым целый день и ночь. На этом стишке он создаст теорию, проекты и планы и сделает из него мировое событие.

Для таких людей, как он, ничто не проходит зря. Все, всякий пустяк, делается частью единого целого. Даже съесть помидор, сколько в этом ответственности! Другой и за всю жизнь меньше ответит. Передайте Самуилу Якковлевичу мой самый горячий привет. Я еще не написал ему ни одного письма. Но значит до сих пор и не нужно было. Передайте привет Лидии Корнеевне.

Даниил Хармс
10 августа 1932 года, Курск

Алексей Иванович, спасибо Вам за трогательное участие ко мне. Если сочиню что-нибудь, способное поместиться в письме, пошлю Вам.

Д. Х.

42

<Курск>. 18 сентября 1932 г.

Дорогой Алексей Иванович,

это письмо будет тоже не очень веселым. Вот уже месяц с лищним как я болен. У меня оказался туберкулез. Последнее время стало хуже, каждый день температура лезет вверх. В виду этого, писать в Госиздат сейчас ничего не могу. Тут очень трудно держать правильный режим, а потому положение довольно серьезное.

Очень рад, что Вы повидали Башилова. Афоризмы его мне понравились. Я послал ему письмо, но ответа не получил.

Если Самуил Яковлевич в городе, передайте ему привет.

Привет Тамаре Григорьевне.

Даниил Хармс
18 сентября 1932 года

Б. Л. Пастернаку

43

<Ленинград>. 3 апреля 1926 г.

Уважаемый Борис Леонтьевич,
мы слышали от М. А. Кузмина о существовании в Москве издательства «Узел».

Мы оба являемся единственными левыми поэтами Петрограда, причем не имеем возможности здесь печататься.

Прилагаем к письму стихи, как образцы нашего творчества, и просим Вас сообщить нам о возможности напечатания наших вещей в альманахе Узла или же отдельной книжкой. В последнем случае мы можем выслать дополнительный материал (стихи и проза).

Даниил Хармс
александрвведенский
3 апр. 1926. Петербург.

Р. И. Поляковской

44

<Ленинград>. 2 ноября 1931 г.

Дорогая Раиса Ильинишна,
я ничего не могу сказать Вам о причине почему я не видел Вас с 19 сентября.

Ваш голос я конечно узнал, когда Вы звонили мне по телефону.

Так как, всё равно, я больше Вас не увижу, то могу Вам сказать: я полюбил и люблю Вас.

Я семь лет любил Эстер, а теперь семь лет буду любить Вас.

Где бы я не был, меня не покидает мысль о Рае.

Даниил Хаармс.
2 ноября 1931 года.

А. И. Порет

45

Ленинград. <Середина 1930-х г.>

Алиса Ивановна,
извините, что обращаюсь к Вам, но я проделал всё чтобы избежать этого, а именно в течении года почти ежедневно обходил многих букинистов. Отсюда Вы сами поймёте как мне необходима книга Meyrink «Der Golem» которую я когдато дал Вашему брату.

Если эта книга ещё цела, то очень прошу Вас найти способ передать её мне. Предлогаю сделать это при помощи почты. Ещё раз извините обстоятельства, которые заставили меня обратиться к Вам.

Мой адрес: Ул. Маяковского 11 кв. 8

Даниил Иванович Хармс.

Посетителям своей квартиры

46

**<Ленинград.
Вторая половина 1930-х г.>**

У меня срочная работа.

Я дома, но никого не принемаю. И даже не разговариваю через дверь.

Я работаю каждый день до 7 часов вечера.

К. В. Пугачевой

47

**Среда, 20 сентября, 1933 года,
Петербург.**

Дорогая Клавдия Васильевна,
оказалось не так просто написать Вам обещанное письмо. Ну в чём я разоблачу себя? И откуда взять мне обещанное красноречие? Поэтому я

просто отказываюсь от обещанного письма и пишу Вам просто письмо от всей души и по доброй воле. Пусть первая часть письма будет нежной, вторая — игривой, а третья — деловой. Может быть, некоторая доля обещанного и войдёт в это произведение, но, во всяком случае, я специально заботиться об этом не буду. Единственное, что я выполню точно, это опущу письмо в почтовую кружку 21-го сентября 1933 года.

Часть I (нежная).

Милая Клавдия Васильевна, эта часть письма должна быть нежной. Это и нетрудно сделать, ибо по истине моё отношение к Вам достигло нежности просто удивительной. Достаточно мне написать всё, что взбредёт в голову, но думая, только о Вас (а это тоже не требует усилий, ибо думаю я о Вас всё время), и письмо само собой получится нежнейшее.

Не знаю сам как это вышло, но только, в один прекрасный день, получилось вдруг, что Вы — это уже не Вы, но не то чтобы Вы стали частью меня, или я — частью Вас, или мы оба — частью того, что раньше было частью меня самого, если бы я не был сам той частицей, которая, в свою очередь была частью... Простите, мысль довольна сложная, и, оказалось, что я в ней запутался.

В общем, Клавдия Васильевна, поверьте мне только в одном, что никогда не имел я друга и даже не думал об этом, считая, что та часть (опять эта часть!) меня самого, которая ищет себе друга, может смотреть на оставшуюся часть, как на существо, способное наилучшим образом воплотить в себе идею дружбы и той откровенности, той искренности, того самоотверживания, т.е. отверженья (чувствую, что опять хватил далеко и опять начинаю запутываться), того трогательного обмена самых сокровенных мыслей и чувств, способного растрогать... Нет, опять запутался. Лучше в двух словах скажу Вам всё: Я бесконечно нежно отношусь к Вам, Клавдия Васильевна!

Теперь перейдемте ко второй части.

Часть II (игривая).

Как просто, после «нежной части», требующей всей тонкости душевных поворотов, написать «часть игривую», нуждающуюся не столько в душевной тонкости, сколько в изощрённейшем уме и гибкости мысли. Воздерживаясь от красивых фраз, с длинными периодами, по причине своего несчастного косноязычия, прямо обращаю своё внимание на Вас и тут же восклицаю: «О, как Вы прекрасны, Клавдия Васильевна!»

Помоги мне Бог досказать следующую фразу до конца и не застрять посередине. Итак, перекрестясь, начинаю: Дорогая Клавдия Васильевна, я рад, что Вы уехали в Москву, ибо останься Вы здесь (короче!), я бы в короткий срок забыл (ещё короче!), я бы влюбился в Вас и забыл бы всё вокруг! (Досказал).

Пользуясь полной удачей и не желая портить впечатления, оставленного второй частью, быстро перехожу на часть третию.

Часть III (как ей и пологается быть — деловая).

Дорогая Клавдия Васильевна, скорей напишите мне как Вы устроились в Москве. Очень соскучился по Вас. Страшно подумать, что постепенно человек ко всему привыкает, или, вернее, забывает то, о чём тосковал когда то. Но другой раз бывает достаточно лёгкого напоминания, и все желания вспыхивают вновь, если они когда-то, хоть одно мгновение, были настоящими. Я не верю в переписку между знакомыми людьми, скорей и лучше могут переписываться люди незнакомые друг с другом, а потому я не прошу Вас о письмах написанных по «правилам и форме». Но, если Вы будите, время от времяни, присылать мне кусочек бумажки с Вашим имянем, я буду Вам очень благодарен. Конечно, если Вы пришлёте мне письмо, я буду так же тронут весьма.

У Шварцев Литейных я ещё не был; Но, когда буду, передам им всё, о чём Вы меня просили.

Жизнь-то! Жизнь-то как вздорожала! Лук парей на рынке стоит уж не 30, а 35 или даже все 40 копеек!

Даниил Хармс
Ленинград Надеждинская 11 кв. 8.

48

<Ленинград>. 5 октября 1933 г.

Дорогая Клавдия Васильевна,
больше всего на свете хочу видеть Вас. Вы покорили меня. Я Вам очень благодарен за Ваше письмо. Я очень много о Вас думаю. И мне опять кажется, что Вы напрасно перебрались в Москву. Я очень люблю театр, но, к сожалению, сейчас театра нет. Время театра, больших поэм и прекрасной архитектуры кончилось сто лет тому назад. Не обольщайте себя надеждой, что Хлебников написал большие поэмы, а Мейерхольд — это всё же театр.

Хлебников, лучше всех остальных поэтов второй половины XIX и первой четверти XX века, но его поэмы, это только длинные стихотворения; а Мейерхольд не сделал ничего.

Я твёрдо верю, что время больших поэм, архитектуры и театра когда нибудь возобновиться. Но пока этого ещё нет.

Пока не созданы новые образцы в этих трёх искусствах, лучшими остаются старые пути. И я, на Вашем-бы месте, либо постарался сам создать новый театр, если бы чувствовал в себе достаточно величия для такого дела, либо придерживался театра наиболее архаических форм.

Между прочим, ТЮЗ стоит в более выгодном положении, нежели театры для взрослых. Если он и не открывает собой новую эпоху возраждения, он, всё же, благодаря особым условиям детской аудитории, хоть и засорён театральной наукой, «конструкциями» и «левизной» (не забывайте, что меня самого причесляют к самым «крайне левым поэтам»), — всё же чище других театров.

Милая Клавдия Васильевна, как жалко, что Вы уехали из моего города, и, тем более жалко мне это, что я всей душой привязался к Вам.

Желаю Вам, милая Клавдия Васильевна, всяческих успехов.

Даниил Хармс.

49

Петербург. 9 октября 1933 г.
Понедельник.

Дорогая Клавдия Васильевна,

Вы переехали в чужой город, поэтому вполне понятно, что у Вас нет еще близких Вам людей. Но почему их вдруг не стало у меня у меня с тех пор, как Вы уехали, — мне это не то чтобы непонятно, но удивительно! Удивительно, что видел я Вас всего четыре раза, но все, что я вижу и думаю, мне хочется сказать только Вам.

Простите меня, если впредь я буду с Вами совершенно откровенен.

Я утешаю себя: будто хорошо, что Вы уехали в Москву. Ибо что получилось бы, если бы Вы остались тут? Либо мы постепенно разочаровались бы друг в друге, либо я полюбил бы Вас и, в силу своего консерватизма, захотел бы видеть Вас своей женой.

Может быть, лучше знать Вас издали.

Вчера я был в ТЮЗе на «Кладе» Шварца.

Голос Охитиной, очень часто, похож на Ваш. Она совершенно очевидно подражает Вам.

После ТЮЗа мы долго гуляли со Шварцем, и Шварц сожалел, что нет Вас. Он рассказывал мне, как Вы удачно играли в «Ундервуде». Чтобы побольше послушать о Вас, я попросил Шварца рассказать мне Вашу роль в «Ундервуде». Шварц рассказывал, а я интересовался всеми подробностями, и Шварц был польщен моим вниманием к его пиесе.

Сейчас дочитал Эккермана «Разговоры с Гёте». Если Вы не читали их вовсе или читали, но давно, то прочтите опять. Очень хорошая и спокойная книга.

С тех пор, как Вы уехали, я написал пока только одно стихотворение. Посылаю его Вам. Оно называется «Подруга», но это не о Вас. Там подруга довольно страшного вида, с кругами на лице и лопнувшим глазом. Я не знаю, кто она. Может быть, как это ни смешно в наше время, это Муза. Но если стихотворение получилось грустным, то это уж Ваша вина. Мне жалко, что Вы не знаете моих стихов. «Подруга» не похожа на мои обычные стихи, как и я сам теперь не похож на самого себя. В этои виноваты Вы. А потому я и посылаю Вам это стихотворение. <...>

Ваш чекан обладает странной особенностью: он играет пять минут, а потом начинает шипеть. Поэтому я играю на нем два раза в день: утром и при заходе солнца.

Милая Клавдия Васильевна, не падайте духом, а также не бойтесь писать мне грустные письма. Я даже рад, что Вы нашли Москву, на первых порах, пустой и скучной. Это только говорит, что Вы сами — большой человек.

Даниил Хармс.

50

Петербург. 16 октября 1933 г. Понедельник.

Талант ростёт, круша и строя.
Благополучье — знак застоя!

Дорогая Клавдия Васильевна,

Вы удивительный и настоящий человек!

Как не прискорбно мне не видеть Вас, я больше не зову Вас в ТЮЗ и в мой город. Как приятно знать, что

есть ещё человек, в котором кипит желание! Я не знаю каким словом выразить ту силу которая радует меня в Вас. Я называю её обыкновенно чистотой.

Я думал о том, как прекрасно всё первое! как прекрасна первая реальность! Прекрасно солнце и трава и камень и вода и птица и жук и муха и человек. Но так же прекрасны и рюмки и ножик и ключ и гребешок. Но если я ослеп, оглох и потерял все свои чувства, то как я могу знать всё это прекрасное? Всё исчезло и нет, для меня, ничего. Но вот я получил осязание, и сразу почти весь мир появился вновь. Я приобрёл слух, и мир стал значительно лучше. Я приобрёл все следующие чувства, и мир стал ещё больше и лучше. Мир стал существовать, как только я впустил его в себя. Пусть он ещё в беспорядке, но всё же он существует!

Однако я стал приводить мир в порядок. И вот тут появилось Искусство. Только тут понял я истинную разницу между солнцем и гребешком, но, в то же время, я узнал, что это одно и то же.

Теперь моя забота создать правельный порядок. Я увлечён этим и только об этом думаю. Я говорю об этом, пытаюсь это рассказать, описать, нарисовать, протанцовать, построить. Я творец мира, и это самое главное во мне. Как-же я могу не думать постоянно об этом! Во всё, что я делаю, я вкладываю сознание, что я творец мира. И я делаю не просто сапог, но, раньше всего, я создаю новую вещь. Мне мало того, чтобы сапог вышел удобным, прочным и красивым. Мне важно, чтобы в нём был тот-же порядок, что и во всём мире; чтобы порядок мира не пострадал, не загрязнился от соприкосновения с кожей и гвоздями, чтобы не смотря на форму сапога, он сохранил бы свою форму, остался бы тем же, чем был, остался бы чистым.

Эта та самая чистота, которая пронизывает все искусства. Когда я пишу стихи, то самым главным, кажется мне, не идея, не содержание и не форма, и не туманное понятие «качество», а нечто ещё более туманное и непонятное рационалистическому уму, но понятное мне и, надеюсь, Вам, милая Клавдия Васильевна, это — чистота порядка.

80

Эта чистота одна и таже в солнце, траве, человеке и стихах. Истинное искусство стоит в ряду первой реальности, оно создает мир и является его первым отражением. Оно обязательно реально.

Но, Боже мой, в каких пустяках заключается подлинное искусство! Великая вещь «Божественная Комедия», но и стихотворение «Сквозь волнистые туманы пробирается луна» — не менее велико. Ибо там и там одна и таже чистота, а, следовательно, одинаковая близость к реальности, т.е. к самостоятельному существованию. Это уже не просто слова и мысли напечатанные на бумаге, это вещь, такая-же реальная, как хрустальный пузырёк для чернил, стоящий передо мной на столе. Кажется, эти стихи, ставшие вещью, можно снять с бумаги и бросить их в окно, и окно разобьётся. Вот что могут сделать слова!

Но, с другой стороны, как теже слова могут быть беспомощны и жалки! Я никогда не читаю газет. Это вымышленный, а не созданный мир. Это только жалкий, сбитый типографский шрифт на плохой, занозистой бумаге.

Нужно ли человеку что либо помимо жизни и искусства? Я думаю, что нет: больше не нужно ничего, сюда входит всё настоящее.

Я думаю, чистота может быть во всём, даже в том, как человек ест суп. Вы поступили правильно, что переехали в Москву. Вы ходите по улицам и играете в голодном театре. В этом больше чистоты, чем жить здесь, в уютной комнате и играть в ТЮЗе.

Мне всегда подозрительно всё благополучное.

Сегодня был у меня Заболоцкий. Он давно увлекается архитектурой и вот написал поэму, где много высказал замечательных мыслей об архитектуре и человеческой жизни. Я знаю, что этим будут восторгаться много людей. Но я так же знаю, что это поэма плоха. Только в некоторых своих частях она, почти случайно, хороша. Это две категории.

81

Первая категория понятна и проста. Тут всё так ясно, что нужно делать. Понятно куда стремиться, чего достигать и как это осуществить. Тут виден путь. Об этом можно рассуждать; и, когда ни будь, литературный критик напишет целый том по этому поводу, а комментатор шесть томов о том, что это значит. Тут всё обстоит вполне благополучно.

О второй категории никто не скажет ни слова, хотя именно она делает хорошей всю эту архитектуру и мысль о человеческой жизни. Она непонятна, непостижима и, в то же время, прекрасна, вторая категория! Но её нельзя достигнуть, к ней даже нелепо стремиться, к ней нет дорог. Именно эта вторая категория заставляет человека вдруг бросить всё и заняться математикой, а потом, бросив математику, вдруг увлечся арабской музыкой, а потом жениться, а потом, зарезав жену и сына, лежать на животе и рассматривать цветок.

Эта та самая неблагополучная категория, которая делает гения.

(Кстати, это я говорю уже не о Заболоцком, он ещё жену свою не убил и даже не увлекался математикой).

Милая Клавдия Васильевна, я отнюдь не смеюсь над тем, что Вы бываете в Зоологическом парке. Было время, когда я сам, каждый день бывал в здешнем Зоологическом саду. Там были у меня знакомый волк и пеликан. Если хотите, я Вам когда ни будь опишу как мило мы проводили время.

Хотите, я опишу Вам так же, как я жил однажды целое лето на Лахтинской Зоологической станции, в замке графа Стенбок-Фермора, питаясь живыми червями и мукой «Нестли», в обществе полупомешанного зоолога, пауков, змей и муравьев?

Я очень рад, что Вы ходите именно в Зоологический парк. И, если Вы ходите туда не только с тем, чтобы погулять, но и посмотреть на зверей, — то я ещё нежнее полюблю Вас.

Даниил Хармс.

51

Суббота, 21 октября 1933 года. Петербург.

Дорогая Клавдия Васильевна,

16-го октября я послал Вам письмо, к несчастию не заказным.

18-го получил от Вас телеграмму и ответил тоже телеграммой.

Теперь я не знаю, получили ли Вы моё четвёртое письмо.

Создалась особая последовательность в наших письмах и, чтобы написать следующее письмо, мне важно знать, что Вы получили предъидущее.

Вчера был в Филармонии на Моцарте. Не хватало только Вас, что бы я мог чувствовать себя совершенно счастливым.

Сейчас, как никогда, хочется мне увидеть Вас. Но, не смотря на это, я больше не зову Вас в ТЮЗ и в мой город. Вы настоящий и талантливый человек, и Вы в праве презирать благополучие.

Обо всём этом я подробно изложил в четвёртом письме.

Если, в течении ближайших четырёх дней, я не получу от Вас вести, то пошлю Вам очередное длинное письмо, считая, что четвёртого письма Вы не получили.

Даниил Хармс.

Это письмо внеочередное и имеет своей целью восстановить только неисправности нашей почты.

52

<Ленинград>. 24 октября 1933 г.

«Моя дивная Клавдия Васильевна, говорю я Вам, — Вы видите, я у Ваших ног?»

А Вы мне говорите: «Нет».

Я говорю: «Помилуйте Клавдия Васильевна. Хотите, я сяду даже на пол?»

А Вы мне опять: «Нет».

«Милая Клавдия Васильевна, говорю я тут горячась. — Да ведь я Ваш. Именно что Ваш».

А Вы трясетёсь от смеха всей своей архитектурой и не верите мне и не верите.

«Боже мой! — думаю я. — А ведь вера-то горами двигает!» А безверие что безветрие. Распустил все паруса, а корабль ни с места. То ли дело пароход!

Тут мне в голову план такой пришёл: а ну ка не пущу я Вас из сердца! Правда есть такие ловкачи, что в глаз войдут и из уха вылезут. А я уши ватой заложу! Что тогда будите делать?

И действительно, заложил я уши ватой и пошёл в Госиздат.

Сначала вата в ушах плоха держалась: как глотну, так вата из ушей выскакивает. Но потом я вату по крепче пальцем в ухо забил, тогда держаться стала.

Милая и самая дорогая моя Клавдия Васильевна,

простите меня за это шутливое вступление (только не отрезайте верхнюю часть письма, а то эти слова примут какое-то другое освещение), но я хочу сказать Вам только, что я ни с какой стороны или вернее, если можно так выразиться, абсолютно не отношусь к Вам с иронией. С каждым письмом Вы делаетесь мне всё ближе и дороже. Я даже вижу как со страниц Ваших писем поднимается не то шар, не то пар и входит мне в глаза. А через глаз попадает в мозг, а там ни то сгустившись, ни то определившись, по нервным волоконцам или, как говорили в старину, по жилам бежит, уже в виде Вас, в моё сердце. А в сердце Вы с ногами и руками садитесь на диван и делаетесь полной хозяйкой этого оригинального, чёрт возьми, дома.

И вот я уже сам прихожу в своё сердце как гость и, прежде чем войти, робко стучусь. А Вы от туда: «Пожалста! Пожалста!»

Ну я робко вхожу, а Вы мне сейчас-же дивный винегрет, паштет из селедки, чай с подушечками, журнал с Пикассо и, как говорится, чекан в зубы.

А в Госиздате надо мной потешаются: «Ну, брат, — кричат мне, — совсем, брат, ты рехнулся!» А я говорю

им: «И верно, что рехнулся. И всё это от любви. От любви, братцы, рехнулся!»

24 октября 1933 года.

53

<Ленинград>. 4 ноября 1933 г.

Дорогая Клавдия Васильевна, за это время я написал Вам два длинных письма, но не послал их. Одно оказалось слишком шутливо, а другое — настолько запутано, что я предпочёл написать третье. Но эти два письма сбили меня с тона и вот уже одинадцать дней я не могу написать Вам ничего.

Третьего дня я был у Маршака и рассказывал ему о Вас. Как блистали его глаза, и как пламенно билось его сердечко! (Видите, опять въехала совершенно неуместная и нелепая фраза. Какая ерунда! Маршак с пламенными глазами!)

Я увлекся Моцартом. Вот где удивительная чистота! Трижды в день, по пяти минут, изображаю я эту чистоту на Вашем чекане. Ах если бы свистел он хоть двадцать минут подряд!

За неимением рояля, я приобрёл себе цитру. На этом деликатном инструменте, я упражняюсь на перегонки со своей сестрой. До Моцарта ещё не добрался, но попутно, знакомясь с теорией музыки, увлёкся числовой гармонией. Между прочим, числа меня интересовали давно. И человечество меньше всего знает о том, что такое число. Но почему-то принято считать, что если какое либо явление выражено числами, и в этом усмотренна некоторая закономерность, настолько, что можно предугадать последующее явление, то всё, значит понятно.

Так например Гельмгольц нашёл числовые законы в звуках и тонах, и думал этим объяснить что такое звук и тон.

Это дало только систему, привело звук и тон в порядок, дало возможность сравнения, но ничего не объяснило.

Ибо мы не знаем что такое число.

Что такое число? Это наша выдумка, которая только в приложении к чему либо делается вещественной? Или число вроде травы, которую мы посеяли в цветочном горшке и считаем, что это наша выдумка и больше нет травы нигде, кроме как на нашем подоконнике?

Не число объяснит, что такое звук и тон, а звук и тон прольют хоть капельку света в нутро числа.

Милая Клавдия Васильевна, я посылаю Вам своё стихотворение: «Трава».

Очень скучаю без Вас и хочу видеть Вас. Хоть и молчал столько времяни, но Вы единственный человек о ком я думаю с радостью в сердце. Видно, будь Вы тут, я был бы влюблён по настоящему, второй раз в своей жизни.

Дан. Хармс.
4 ноября 1933 года.

54

<Ленинград. Конец 1933 г.>

Дорогая Клавдия Васильевна, теперь я понял: Вы надо мной издеваетесь. Как могу я поверить, что Вы две ночи подряд не спали, а всё находились вместе с Яхонтовым и Маргулисом! Мало этого, Вы остроумно и точно намекаете мне II-ой частью «Возвращённой молодости» на моё второстепенное значение в Вашей жизни, а словами «Возвращённая молодость» Вы хотите сказать, что мою де молодость не вернешь и что вообще я слишком много о себе воображаю. Я так же прекрасно понял, что Вы считаете, что я глуп. А я как раз не глуп. А что касается моих глаз и выражения моего лица, то во первых наружное впечатление бывает ошибочно, а во вторых, как бы там ни было, я остаюсь при своём мнении.

(Яронея).

55

Петербург. Надеждинская 11, кв. 8.
Суббота. 10 февр. 1934 г.

Дорогая Клавдия Васильевна,
только что получил от Вас письмо, где Вы пишите, что вот уже три недели как не получали от меня писем. Действительно все три недели я был в таком странном состоянии, что не мог написать Вам. Я устыжен, что Вы первая напомнили мне об этом.

Ваша подруга так трогательно зашла ко мне и передала мне петуха. «Это от Клавдии Васильевны», — сказала она. Я долго радовался глядя на эту птицу.

Потом я видел Александра Осиповича Маргулиса. Он написал длинную поэму и посвятил её Вам. Он изобрёл ещё особые игральные спички, в которые выигрывает тот, кто первый сложит из них слова: «Клавдия Васильевна». Мы играли с ним в эту занимательную игру и он кое что проиграл мне.

В ТЮЗе приятная новость: расширили сцену и прямо на ней устроили раздевалку, где публика снимает свое верхнее платье. Это очень оживило спектакли.

Брянцев написал новую пиесу «Вурдалак».

Вчера был у Антона Антоновича: весь вечер говорили о Вас. Вера Михайловна собирается повторить свои пульяжи. Как Вам это нравится?

Ваш митрополит осаждает меня с самого утра. Когда ему говорят, что меня нет дома, он прячется в лифт и от туда караулит меня.

У Шварцев бываю довольно часто. Прихожу туда под разными предлогами, но на самом деле только для того, что бы взглянуть на Вас. Екатерина Ивановна заметила это и сказала Евгению Львовичу. Теперь мое посещение Шварца, называется «пугачевщина».

Дорогая Клавдия Васильевна, я часто вижу Вас во сне. Вы бегаете по комнате с серебряным колокольчиком в руках и всё спрашиваете: «Где деньги? Где деньги?» А я курю трубку и отвечаю Вам: «В сундуке. В сундуке».

Даниил Хармс.

Э. А. Русаковой
56

<Ленинград>. 22 декабря 1930 г.

Дорогая Эстер, посылаю тебе вещь «Гвидон». Не ищи в ней частных смыслов и намёков. Там ничего этого нет. Но каждый может понимать вещь по своему. Это право читателя. Посылаю тебе эту вещь, потому что я тебе её посвятил. Мне бы хотелось, что бы она была у тебя. Если ты не пожелаешь её принять, то верни обратно.

Даниил Хормс
22 декабря 1930

Б. Ф. Семенову
57

<Ленинград>. Б.д.

Борис Федорович, дорогой, что же Вы спрятались? Я искал Вас и под диваном, и в шкафу, но нигде не нашел. Очень жаль.

Д.Х.

Н.И.Харджиеву
58

<Ленинград>. 9 сентября 1940 г.

Дорогой Николай Иванович, уже дольше положенного периода не видел Вас. Обращаюсь к Вам с просьбой: пишите, пожалуйста, не письма и не статьи о Хлебникове, а свои собственные сочинения. Я боюсь, что Вы живете среди свиней, перед которыми даже стыдно писать. Бога ради не считайтесь с ними. Если Ваши сочинения похвалят они, это будет значить, что Вы провалились. Я знаю, что Вам мешает писать Ваше постоянное отношение к литературе. Это очень досадно. Вовсе Вы не литературовед и не издатель Хлебникова. Вы главным образом Харджиев. И я уверен, что Ваше

спасение в количестве. Поверьте, что, в данном случае, я пророк: если Вы, в течение года, напишете 28 вещей (любой величины), Вы выполните Вашу миссию. Есть коллекционеры книг, это библиофилы; есть коллекционеры денег, это богачи; и есть коллекционеры своих собственных произведений, это графоманы и гении. Станьте коллекционером Ваших собственных произведений. Помните, что Вы сделаны из гениального теста, а таких вокруг Вас нет. Если начнете писать, то до одиннадцатой вещи не читайте ничего никому.

К этому могу еще прибавить, что очень хочу повидать Вас, дорогой мой Николай Иванович.

Привет Вам от Марины Владимировны.

Ваш Хаармс
☾ <понедельник> 9 ♎ <сентября> 1940 года, СПб.

59

<Ленинград>. 18 декабря 1940 г.

Дорогой Николай Иванович,
предполагаю, что сегодня* Ваши имянины и потому поздравляю Вас.

Даниил Хармс
☿ <Среда>, 18 ♑ <декабря> 40.

Г. Е. Цыпину

60

<Ленинград. Сентябрь-октябрь 1936 г.>

Дорогой тов. Цыпин.

Получил Ваше письмо. Я согласен на Ваше предложение и в ближайшие дни вышлю текст.

Но должен сказать, что Ваши условия мне не ясны. Разрешите пояснить, в чём неясность. Оболенская

* ♃ <четверг> 19 ♑ <декабя>

прислала мне такую телеграмму: «1000 руб. до 100 строк». А что если строк скажем 175?

Вы пишете 1000 руб. за 100 — 120 строк. И в виде исключения предлагаете заплатить мне 1500 руб. За 120 строк или за всю книжку?

Я ещё не закончил VII главы и не знаю точное количество строк. Но думаю их будет 250, а может быть больше. Из телеграммы Оболенской я понял, что в среднем за строку надо считать 10 руб.

Одним словом я до сих пор не понимаю Ваших условий, но соглашаюсь, ибо получить из Москвы много денег приятнее, чем если получить мало денег, но и мало денег получить приятнее, чем совсем ничего.

Остаюсь Ваш

Даниил Хармс.

И. П. Ювачеву

61

<С.-Петербург>. 25 сентября 1910 г.

Милый Папа!

Крепко тебя целую и благодарю за карточку

Даня.

62

<С.-Петербург. Март 1911 г.>.

милый папочка как твое здоровье я сам пишу очень много писать не могу я устал

ДАНЯ

63

<пос. Тарховка С.-Петербургской губ.>. 26 июня 1912 г.

милый папа. я учусь читать

64

<пос. Тарховка С.-Петербургской губ.?>. 13 июля 1912 г.

милый папа,

я сперва складываю слова на кубиках, а потом пишу их тебе; я катаюсь верхом на мушке, целую тебя.

твой даня

65

<пос. Тарховка С.-Петербургской губ.>. 7 июня 1914 г.

Дорогой папа! У нас хорошо на даче, мы все здоровы, бегаем, играем, катаемся на осле, нам очень весело. утром я учусь с Машей. Оля кланяется тебе, она живет у нас второй месяц. Бабушка кланяется тебе. Настя благодарит тебя за кофту. Все мы тебя целуем. Приезжай к нам скорей.

Твой Даня.
7 июня 1914 г.

66

<Петроград>. 6 февраля 1917 г.

Милый Папа.

Я узнал что ты болен и попрасил Маму чтобы она тебе послала коробку конфет, от кашля и другия лекарства. Ты их принимай как закашлишь. Дети здоровы. Я и Лиза были больны но типерь тоже здоровы. У меня маленький кашель. Мама тоже ничего.

Даня.
$\infty/7$ года. или 19$\frac{6}{II}$17 года.
пишу I год так. Я тебе уже показывал.
Будь здоров

91

Неизвестному
67

<Ленинград. 1933—1934 г.>

Дорогой Доктор, я был очень, очень рад, получив Ваше письмо. Те несколько бесед, очень отрывочных и потому неверных, которые были у нас с Вами, я помню очень хорошо и это единственное приятное воспоминание из Курска. Что хотите, дорогой Доктор, но Вам необходимо выбраться из этого огорода. Помните, в Библии, Бог щадит целый город из за одного праведника. И благодаря Вам, я не могу насладиться поношением Курска. Я до сих пор называю Вас «Доктор», но в этом уже нет ничего медицинского: это скорее в смысле «Доктор Фауст». В Вас ещё много осталось хорошего германского, не немецкого (немец — перец колбаса и т.д.), а настоящего германского Geist'а, похожего на орга́н. Русский дух поёт на клиросе хором, или гнусавый дъячок — русский дух. Это, всегда, или Божественно, или смешно. А германский Geist — орга́н. Вы можите сказать о природе: «Я люблю природу. Вот этот кедр, он так красив. Под этим деревом может стоять рыцарь, а по этой горе может гулять монах». Такие ощущения закрыты для меня. Для меня что стол, что шкап, что дом, что луг, что роща, что бабочка, что кузнечик, — всё едино.

93

Д. ХАРМС

ПРИМЕЧАНИЯ

95

По первоначальному плану настоящее Полное собрание сочинений Хармса должно было состоять из 4-х томов, и включать всё его творческое и эпистолярное наследие и записные книжки. Однако в процессе работы по подготовке к изданию записных книжек писателя выяснилось, что их воспроизведение, которое предполагается сделать максимально приближенным к подлинному, займет значительно больший объем, нежели это представлялось вначале. Таким образом настоящим 4-м томом издание не завершается: записные книжки Хармса, дневники и другие автобиографические материалы составят 5-й том Полного собрания сочинений писателя.

В 4-й том включены трактаты и статьи Хармса, его переписка а также дополнения к 1-3 томам.

Половина всех текстов Хармса, вошедших в основной корпус тома а также приводимых в примечаниях, публикуется впервые.

По поводу наименования «трактаты» приходится говорить то же, что и в отношении жанровых определений многих других произведений Хармса — оно в значительной мере условно. Хотя бы потому, прежде всего, что Хармс придавал характер философского рассуждения многим стихотворным и прозаическим произведениям, которые построены как художественные тексты: «Не́теперь», «Третья цисфинитная логика бесконечного небытия», «Я вам хочу рассказать...» (см. настоящее издание. Т. 1. № 94, 118, 125), «Измерение вещей» и «Сабля» (Т. 2. № 140. 1 и 2). С другой стороны, то, что Хармс считал и называл собственно трактатами, часто приобретало у него едва ли не пародийную (во всяком случае, явно утрированную) форму (см. настоящее издание. Т. 2. № 140. 5; Т. 4. № 5); иной раз, философствование снижается (или прекращается) авторскими репликами: «глупо», «глупо моё рассуждение» и т. п. Наконец, Хармс облекает в форму философского рассуждения письма (Т. 4. № 11–13). Все́ это разнообразное смещение жанров, кажется, стоит отнести на счет осознанного учета Хармсом сформиров-

шейся веками традиции философского трактата в форме дружеского письма, прозаического диалога, поэмы, романа или даже стихотворения (счет примерам необъятен). В завершение отметим, что в этой области хармсовского творчества огромное влияние на него оказывала напряженная интеллектуальная атмосфера систематического дружеского общения с участниками философско-литературного сообщества «чинари» (прежде всего, с Л. Липавским, А. Веденским, Я. Друскиным; см. об этом в примечаниях к текстам настоящего тома).

Письма Хармса отмечены тем же своеобразием, что и его произведения других жанров — это, одновременно, классический эпистолярный жанр, но и художественное произведение, в которое могут совершенно органично включаться вымышленные персонажи и события. Большинство сохранившихся писем Хармса — черновые; мы не можем даже судить о многих из них, были ли они в конце концов посланы адресатам, и это тем более придает его письмам пограничный жанровый оттенок — возможно, сам автор писал некоторые из них не столько в расчете на прочтение адресатом, сколько создавал некий творческий текст в жанре письма.

Значительное количество дополнений к т. 1—3 настоящего собрания сочинений — по преимуществу небольшие фрагменты текстов всех жанров. Многие из них имеют вид заголовков, как можно судить, каких-то задуманных Хармсом текстов; иные носят характер фрагментов из, возможно, не дошедших до нас произведений Хармса. Вместе с тем, учитывая свойства поэтики Хармса (фрагментарность, умышленную незавершенность и т. п.) всякий раз приходится с осторожностью выносить суждение о характере того или иного его текста. В этот раздел включены также произведения, которым, в силу их жанровой специфики, не нашлось места в предыдущих томах настоящего собрания (см. № 196, 207, 212 и др.) а также несколько произведений, пропущенных по недосмотру составителя.

Все тексты Хармса публикуются по его автографам с соблюдением авторской орфографии и пунктуации. Исключение составляют тексты, представленные в копиях в «Сборнике...» в следственном деле Хармса и др. 1931 г. (см. №№ 1, 99, 100): они, по-видимому, переписывались с автографа, но, разумеется, копиист не задавался целью воспроизвести все орфографические и пунктуационные

свойства оригинала а, вместе с тем, вносил в копируемые тексты, в меру собственной образованности и внимательности, характерные черты своей индивидуальности; к этой же группе относятся тексты, автографы которых оказались нам недоступны — их мы воспроизводим по первым публикациям. Особую группу составляют оказавшиеся нам недоступными автографы нескольких произведений, опубликованных в 4-томном первом собрании произведений Хармса, подготовленном М. Мейлахом и В. Эрлем: они находились в период работы названных исследователей в архиве Хармса в частном собрании, но в настоящее время их обнаружить нам не удалось, поэтому такие тексты в примечаниях мы отмечаем: «Автограф неизвестен».

В библиографических примечаниях сокращенно даются ссылки на следующие издания и архивы:

ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский дом) РАН.

Меня называют капуцином — Меня называют капуцином: Некоторые произведения Даниила Хармса / Изд. подг. А. Герасимовой. М., 1991.

Минувшее — Устинов А., Кобринский А. Дневниковые записи Даниила Хармса // Минувшее: Исторический альманах. 11. 1991. С. 417—583.

РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки.

СП-I — IV — Хармс Д. Собрание произведений / Под ред. М. Мейлаха и В. Эрля: В 4 т. K-Presse: Bremen, 1978—1988.

Цирк Шардам — Хармс Д. Цирк Шардам. СПб., 1999

ЧС — Частное собрание.

98

ТРАКТАТЫ

1.

Впервые — De Visu. 1992. № 0. С. 26.

Публикуется по копии, любезно предоставленной Н. М. Кавиным. Настоящий текст хранится в архиве УФСБ по С.-Петербургу и Ленинградской области в «Сборнике контр-революционных произведений нелегальной антисоветской группы детских писателей. Выпуск 1-й». Он составлен работниками ОГПУ в ходе следствия по Делу № 4246-31 г. (само следственное «Дело» опубл. впервые: «Санкт-Петербургский университет». 1991. 1 ноября; наиболее полная и комментированная публ.: «Сборище друзей, оставленных судьбою...»: А. Введенский, Л. Липавский, Я. Друскин, Д. Хармс, Н. Олейников. «Чинари» в текстах, документах и исследованиях: В 2 т. Б. м. <1998>. Т. 2. С. 519–573) и содержит произведения арестованных по этому «Делу» Д. Хармса, А. Введенского, А. Туфанова, П. Калашникова и И. Бахтерева (фигурирующая в оглавлении «Сборника...» «Басня, найденная у п<од>с<ледственного> Воронича», в нем отсутствует; не упоминаются тексты последнего из арестованных по этому делу И. Андроникова). О текстологической достоверности текстов «Сборника...» см. преамбулу к примечаниям. Другие тексты, авторство которых в этом «Сборнике...» приписано Хармсу, см. ниже. № 99–100.

Публикуемый текст несомненно носит характер литературного манифеста и, возможно, составлен Хармсом для того дружеского объединения, о котором рассказано в воспоминаниях Я. Друскина «Чинари»: «В 1922–1923 годах Введенский почти каждый день приходил ко мне — и мы вместе шли к Липавскому или они оба приходили ко мне. У Введенского мы бывали реже. Весной или летом 1925 года <sic! — *Коммент.*> Введенский однажды сказал мне: "Молодые поэты приглашают меня прослушать их. Пойдем вместе". Чтение стихов происходило на Васильевском острове на квартире поэта Евгения Вигилянского. Из всех поэтов Введенский выделил Даниила Хармса. Домой мы возвращались уже втроем, с Хармсом. Так он вошел в наше объединение» (Друскин Я. «Чинари» // Аврора. 1989. № 8. С. 105). Таким образом, мы полагаем возможным относить настоящий текст к разряду многочисленных авангардных

манифестов конца 1910-х — начала 1920-х гг. с характерным авангардным жестом, привлекающим внимание публики (об этом см.: Карасик Н.Н. Манифест в культуре русского авангарда // Поэзия и живопись: Сборник трудов памяти Н.И. Харджиева. М., 2000. С. 129–138) и считать его первой попыткой Хармса манифестировать свои эстетические принципы, которые, как видно, он со своими друзьями намеревался организационно воплотить в форме Ленинградского отделения ЛЕФа. О неудачных тогдашних попытках Хармса (и ближайшего его единомышленника А. Введенского) вступить в контакт с руководителями ЛЕФа в Москве (в частности, с Пастернаком — см. ниже № 43) и о традиции использования мотива сапогов в полемике о соотношении искусства и действительности в XIX в. см. примечания А.К. Герасимовой и И. С. Мальского к первой публикации настоящего текста: Указ. изд. С. 33 (мы бы причислили к этой традиции еще — едва ли не важнейшую для Хармса — пушкинскую, начиная со стихотворения «Сапожник»).

2.

Публикуется впервые.
Автограф — РНБ.

Выше текста стихотворные фрагменты:

вам вам бросаю дерзкий вызов
кто голубых глаз

Между ними зачеркнуто:

принять прошу

Рассуждения о текучести встречаем в текстах Хармса 1930 г.: «Одиннадцать утверждений Даниила Ивановича Хармса» (наст. изд. Т. 2. № 140. 3) и «Радость» (наст. изд. Т. 1. № 101). О важности этого мотива в интерпретации Хармсом свойств времени и связи его идей с положениями трудов П. Д. Успенского, П. Флоренского и А. Бергсона см. примеч. к указанным текстам Хармса.

3.

Впервые — Хармс Д. О явлениях и существованиях. СПб., 1999. Автограф — РНБ.

Об увлечении Хармса математическими вычислениями, нумерологией и связью этого интереса с изучением культуры Древнего Египта и трудов Пифагора см. наст. изд. Т. 1 и 2. Представленную в настоящем тексте абсурдирующую математику ср. с подобной в его тексте «Cisfinitum. Письмо к Леониду Савельевичу Липавскому. Поднятие ствола» (h в геометрии означает высоту; отметим схожесть заглавий обоих текстов: наст. изд. Т. 2. № 140. <6>). Почти одновременно с публикуемым Хармс написал другие квазиматематические тексты «Нуль и ноль» и «О круге» (наст. изд. Т. 2. № 140. <7>, 140. <8>).

В настоящем и других подобных ему текстах Хармс очевидно оперирует новейшими математическими теориями конца XIX в. — бесконечных множеств, трансфинитных («бесконечных») чисел (см., например, его стихотворные тексты: наст. изд. Т. 1. № 118, 119 и примечания). При этом Хармс опирается на новейшее представление о том, что математика — наука не о числах, как считалось ранее, а о логических следствиях из некоторых заданных аксиом. В этом смысле, знакомство Хармса с «Математическим анализом логики» Дж. Буля (см. наст. изд. Т. 1. № 101 и примечание) мотивирует его интерес к математике именно как к части формальной логики, позволяющей, в соответствии с ее (этой математики) современными представлениями, оперировать парадоксами: мнимыми величинами (см.: Флоренский П. Мнимости в геометрии. Расширение области двухмерных образов геометрии: (Опыт нового истолкования мнимостей). М., 1922), понятиями нормальной ненормальности и ненормальной нормальности (Б. Рассел) и т. п.

Сама форма подобных текстов Хармса — очевидная стилизация в духе, например, математической системы числового кодирования, представленной в кн.: Russel B., Whitehead A. Principia Mathematica. Vol. 1–3. 1910–1913.

Последовательная игра Хармса с формулами сводится к тому, чтобы предельно минимизировать бесконечно большие и ничего в сущности не выражающие в физическом мире числа, и представить их в, казалось бы, совершенно реальной и осязаемой, но, по сути, в столь же бессысленной (абсурдной) формуле.

За настоящим текстом следует череда математических вычислений Хармса: определение скорости света в милях в секунду, причем, он использует величину так называемой сухопутной уставной мили; затем Хармс вычисляет скорость света в верстах; после этого Хармс переводит эту скорость в километры в секунду, сажени и т. п., делая при этом некоторые ошибки в вычислениях (благодарю М. Н. Золотоносова за помощь в интерпретации наст. текста и указание на соответствующую литературу по теме).

4.

**Впервые — Cahiers du Monde russe et soviétique. 1985. 26(3-4).
Автограф — РНБ.**

После: *содержащее в себе ничто* — густо зачеркнуты и не читаются 5 строк.

В настоящем тексте Хармс оперирует понятиями бесконечность и равновесие, с которыми встречаемся в многочисленных других его текстах (см. наст. изд. Т. 1 и 2; см. также ниже, в т. ч. «равновесие с небольшой погрешностью»: примеч. 9) и в «Разговорах» Л. Липавского — записях бесед Хармса, Л. Липавского, Я. Друскина, Н. Олейникова, А. Введенского, Н. Заболоцкого, М. Михайлова и Т. Мейер (Липавской), происходивших в 1933—1934 гг. (см.: «...Сборище друзей, оставленных судьбою». Указ. изд. Т. 1. С. 174—254). А. Кобринским отмечена связь понимания Хармсом проблемы «равновесия» человеческого мышления с идеями Р. Эмерсена (см. ниже) — Кобринский А. Хармс сел на кнопку, или проза абсурда // Искусство Ленинграда. 1990. № 11.

Рассуждения о числах, которые «могут распологаться в строгом и вполне определённом порядке», ср.: «Числа не связаны порядком» (№ 6).

5.

**Впервые — Минувшее.
Автограф — РНБ.**

В заглавии перечислены любимые места отдыха Хармса (см. ниже).

Столовая Ленинградской Комиссии по улучшению быта литераторов (*Кублит*) находилась по адресу: пр. 25 Октября (Невский), дом 106 (ср.наст. изд. Т. 1. № 105).

Даниил Протопласт — один из многочисленных псевдонимов Хармса (см. наст. изд. Т. 1. Примеч. 1).

Предмет — встречающееся и в других текстах Хармса архаизированное наименование женщины.

6.

Впервые — Минувшее.
Автограф — РНБ.

Отметим включение в настоящий текст мотива дерева, что встречается у Хармса и в текстах других жанров, но, как и здесь, претендующих на осмысление законов мироустройства (см., например: наст. изд. Т. 1. № 264 и нижеследующие тексты, обращенные к Я. Друскину). Рассуждения о числах у Хармса органично сопрягаются с рассуждениями о круге (колесе, нуле) (см. № 3 и 4).

7.

Публикуется впервые.
Автограф — РНБ.

8.

Впервые — Минувшее.
Автограф — РНБ.

9.

Впервые — Cahiers du Monde russe et soviétique. 1985. 26 (3-4).
Автограф — РНБ.

Понятие «небольшой погрешности» является производным от понятия «равновесия» («ровновесия»), которому посвящены несколько текстов Хармса (см., например, наст. изд. Т. 2. № 31 и примеч., где отмечены источники знакомства Хармса с этим понятием: Платон,

Э. Леви; см. также выше, № 4). По-своему интерпретировал равновесие друг Хармса Я. Друскин (см. ниже) в «Разговорах вестников» (вторая половина 1932–1933; по воспоминаниям Друскина, комментируемый текст — «примеры» к его трактату «Некоторое равновесие с небольшой погрешностью»), где оно понимается как состояние до начала Творения (см. «...Сборище друзей, оставленных судьбою». Указ. изд. Т. 1 С.758–811). Для обозначения явлений нарушения равновесия Я. Друскин ввел понятие «небольшой погрешности»; согласно его толкованию, мир без погрешности — неживой и обретает свойства живого лишь благодаря «небольшой погрешности» (Там же). В 1938 г. Хармс основал Орден равновесия с небольшой погрешностью, в который 18 и 19 июля принял, соответственно, Н. И. Харджиева (см. ниже) и Я.С. Друскина (Хармсиздат представляет: Сборник материалов. СПб., 1997. С. 29 и 33). На обложке билета изображен египетский крест (см. публикуемый текст). См. также: Жаккар Ж. Ф. Даниил Хармс и конец русского авангарда. СПб., 1995.

Как явствует из «Заключения о психическом состоянии следственного заключенного», составленного в тюремной больнице 10 сентября 1941 г., Хармс пропагандировал идеи «небольшой погрешности», которую он, якобы, нашел способ исправить, в беседе с тюремными врачами (см. «...Сборище друзей, оставленных судьбою». Указ. изд. Т. 2. С.597–598).

«В альбом красивой чужестранки» — пародия на стихотворение А. С. Хомякова «Иностранке», завершающееся следующими строками:

Ей гордая душа поэта
Не посвятит любви своей.

У К. Пруткова:

Вокруг тебя очарованье,
Ты бесподобна, ты мила,
Ты силой чудной обаянья
К себе поэта привлекла;
Но он любить тебя не может:
Ты родилась в другом краю,
И он охулки не положит,
Любя тебя, на честь твою!..

(Прутков К. Полн. собр. стихотворений. М.;Л., 1933. С. 97).

Небольшую погрешность выражения *охулки не положит* составляет, по-видимому, его эвфоническая и содержательная двусмысленность, смещающая романтическую стилистику стихотворения Хомякова.

Античная мраморная статуя — по-видимому, плод фантазии Хармса.

Ник. Вас. Свечников — Хармс несомненно имеет ввиду Александра Васильевича Свешникова (1890–1980), хорового дирижера, в 1928–1936 гг. руководителя хора Всесоюзного радиокомитета.

Avertorum — искаж. Aversorum (лат.) — здесь: неправильность; ср. у Хармса с фамилией Вертунов в «Комедии города Петербурга» (наст. изд. Т. 2. № 133).

Quaedam aequilibritas cum peccato parvo — некоторое равновесие с небольшой погрешностью (лат.); т. е. этот рисунок — герб (или знак) «рыцарей» названного Ордена.

10.

Впервые — Литератор. 1990. 20 апреля.
Автограф — РНБ.

Вместо: *Проспект* — зачеркнуто: Передовица.

После: *и покойники* — зачернуто:

и одним из главных и почётных сотрудников будет

После: *почти то же, что склонность к испражнениям* — зачеркнуто:

Великого императора Александра Вильбердата, при виде ребенка, тут же начинало рвать.

По-видимому, одно из неосуществившихся начинаний Хармса — никаких других материалов этого журнала не обнаружено (другого мнения придерживается В. Эрль (см.: Минувшее. С. 576). Между тем, упоминание об объединяющем дружеский круг Хармса журнале встречаем в «Разговорах» Липавского: «Д. Х.: Нам бы нужен был наш журнал, особенно для Н. М. <Олейникова. — *Коммент.*>» («...Сборище друзей, оставленных судьбою». Указ. изд. Т. 1. С. 198).

О составляющей содержание «Статьи» теме «детоненавистничества» у Хармса и ее происхождении см. наст. изд. Т. 2. Примеч. 67; см. также: Токарев Д. В. Поэтика насилия: Даниил Хармс в мире женщин и детей // Russian Studies. V. III. № 3. С. 35—91.

Тапир — животное отряда непарнокопытных. Его Хармс изобразил на одном из рисованных примеров «небольшой погрешности» (наст. изд. № 9).

Тапира встречаем в текстах друга Хармса А. И. Введенского: «Острижен скопом Ростислав» (1926; посвящено Хармсу); «Мир» (1931?) и «Некоторое количество разговоров» (1936—1937). Ср. также «Возражение Тапира», опубл. по машинописной копии, предоставленной В. Эрлем (происхождение копии не указано): Минувшее. С. 576.

Козьма Петрович Прутков — см. примеч. 9.

Густав Мейринк (1868—1932) — австрийский писатель, один из любимых писателей Хармса (см.: Герасимова А., Никитаев А. Хармс и «Голем»: Quasi una fantasia // Театр. 1991. № 11; см. также ниже).

Вильбердат — анаграмма фамилии Вандербильт; знаменитый американский миллиардер, владелец железных дорог и пароходных компаний У. Г. Вандербильт был известен полученным в детстве от отца суровым спартанским воспитанием. Ср. также с гл. XXII («Людоедка Эллочка») в «Двенадцати стульях» И. Ильфа и Е. Петрова (1928), где на обложке французского журнала фигурирует дочь названного Вандербильта.

Давид *Тенирс* Младший (1610—1690) — фламандский художник; дальнейшее рассуждение в связи с этим художником о детях — капризных старичках инициировано, по-видимому, двумя картинами Тенирса: «Деревенский праздник» и «Крестьянская свадьба» (Эрмитаж), где изображенные дети действительно больше похожи на маленьких старичков.

11.

Впервые — Континент. 1980. № 24.
Автограф — РНБ.

Написано в ответ на обращенное к Хармсу философское послание Я. Друскина (такими посланиями, несмотря на регулярные встречи, они обменивались, культивируя своеобразный философский диалог):

Дорогой Даниил Иванович, вестники покинули меня. Я не могу даже рассказать Вам, как это случилось. Я сидел ночью у открытого окна и вестники еще были со мной, а затем их не стало. Вот уже три года, как их нет. Иногда я чувствую приближение вестников, но что то мешает мне увидеть их, а может быть они боятся меня. Мне кажется, надо сделать какое-то усилие, может быть небольшое и вестники снова будут со мной, но с этим усилием связана ложь, надо немного солгать, и появятся вестники. Но это отвратительно: лгать перед собой и перед вестниками.

Раньше я думал: может вдохновение обманывает меня. Ведь я философ, надо писать, когда спокоен и нет желаний. Теперь, когда нет желаний, нет вдохновения и вестники покинули меня, я вижу, что писать и думать не о чем. Но может быть я не прав, может быть сегодня день такой: я чувствую близость вестников и не могу их увидеть.

Я. С. Друскин

(«...Сборище друзей, оставленных судьбою».
Указ. изд. Т. 1. С. 811).

Понятие *вестников*, которые являются главными «персонажами» публикуемого текста Хармса (и Друскина; см. также в примеч. 9 о его тексте «Разговоры вестников») введено в их обиход Л. Липавским: «Соседняя жизнь, соседний мир — темы, интересовавшие Липавского: мы живем в мире твердых предметов, окруженные воздухом, который воспринимаем как пустоту. Как ощущает себя полужидкая медуза, живущая в воде? Можно ли представить себе мир, в котором есть различия только одного качества, например температурный мир? <...> Каковы ощущения и качества существ, живущих в других, отдаленных от нашего, соседних мирах, наконец, в мирах, может быть, даже не существующих, а только воображаемых?

Во мне самом тоже может быть соседний мне мир, — например, при раздвоении личности или при аннигиляции двух соседних миров во мне. <...>

Однажды Липавский даже предложил имя для существа из такого воображаемого мира: вестник (буквальный перевод греческого слова αηγελος). Но с Ангелами вестники

не имеют ничего общего. Вестники именно существа из воображаемого мира, с которыми у нас, может быть, есть что-то общее, может, они даже смертны, как и мы, и в то же время они сильно отличаются от нас. У них есть какие-то свойства или качества, которых у нас нет» (Друскин Я. «Чинари» // «...Сборище друзей, оставленных судьбою». Указ. изд. Т. 1. С. 60–61).

Рассматривая понятие «вестник» — как, впрочем, и многие другие философские понятия и категории, имевшие хождение в этом кругу — надо иметь в виду их принципиальную установку на невозможность (и нежелание) дать окончательную формулировку какому бы то ни было явлению или термину.

12.

Впервые — Литературная газета. 1970. 1 июля.
Автограф — РНБ.

Сохранился черновой вариант этого текста:

Философ!

Пишу Вам в ответ на Ваше письмо, которое Вы собираетесь написать мне в ответ на мое письмо уже написанное Вам. Отвечаю Вам двумя пунктами.

Пункт № 1. Вы не правы. Развить эту мысль к сожалению не могу.

Пункт № 2. Вы правы. И эту мысль тоже к сожалению, развить не могу.

Философ!

Я видел чудо: пожилой человек в длинном старинном сюртуке бегал вокруг дерева. Это было днем, в Летнем Саду.

Философ!

Мы обменялись с Вами письмами и это напоминает мне следующий случай: один скрипач купил магнит и понёс его домой. По дороге он зашёл в магазинчик, где торгуют газированными напитками и спросил себе стакан вишневой воды. Чтобы удобнее было пить, скрипач положил магнит на прилавок, взял стакан двумя руками и поднёс его ко рту. «Пейте на здоровие!», — сказала в

это время барышня-продавщица. «Пью за Ваше здоровие!» сказал скрипач барышне-продавщице и выпил вишневую воду. Эта история мне припомнилась потому, что мы обменялись с Вами письмами, а скрипач и продавщица обменялись любезностями.

С понятием связи, как одной из категорий мира четырех измерений, Хармс мог познакомиться в изучавшейся им книге П. Д. Успенского «Tertium organum: Ключ к загадкам мира». Здесь говорится о том, что самые отдаленные по времени события соприкасаются в четвертом измерении — в сущности они связаны не временем, а внутренней связью времени-пространства, которая по определению бесконечна и универсальна (Указ. соч. Изд. 2-е. Пг., 1916. С. 131). Подобные «случаи» сиязей людей и событий не редки в текстах Хармса. Не исключено, что их происхождению он обязан и некоторым текстам Л. Толстого.

Кондратьев — этот персонаж встречается в тексте «однажды господин Кондратьев. .» (наст. изд Т. 1. № 174 и примеч.)

К черновому варианту:

Бегал вокруг дерева — см. примеч. 6.

В Летнем Саду — см. примеч. 5.

За двумя публикуемыми текстами Хармса, обращенными к Я. Друскину (№ 11 и 12) следует: «Философу. Письмо № 3». Это рисованные цветным карандашом изображения соотношений между элементами, определяющими состояние человека: Бесконечное Божество, Цвет Духа, части Бога, Цвет души, Цвет разума, Цвет низших чувств. Хармс последовательно на 11 «диаграммах» изображает процесс Вознесения, в результате которого все цвета постепенно растворяются, и на 7 «диаграммах» противоположный процесс — «падения или уничтожения», в результате которого все элементы, приобретая свои исходные контрастные цвета, постепенно сводятся к одному ярко красному — «Цвету низших чувств» и в итоге уничтожаются огнем. На отдельных диаграммах Хармс изобразил свое состояние: здесь превалирует «Цвет низших чувств», состояние Л. Липавского: у него преобладает «Цвет разума», а также еще несколько вариантов различных состояний (см.: Театр. 1991. № 11. Цв. вклейки между с. 128 и 129).

13.

Впервые — Soviet Union / Union Sovietique. 1980. 7(1–2).
Автограф — РНБ.

Подобно предшествовавшим (№ 11 и 12), продолжает своеобразный философский диалог с Я. С. Друскиным. Так, заключительный 15 пункт текста Хармса отсылает к началу текста Друскина «Разговор о времени»: «Вот что сказал ученик Фалеса, когда учитель замолчал, так как вдохновение покинуло его» («...Сборище друзей, оставленных судьбою» Указ. изд. Т. 1. С. 750). Но дело не просто в текстуальном повторе: Хармс по-своему (как и в предшествующем № 12) интерпретирует развиваемые Друскиным в названном сочинении идеи о «неслучайной случайности», «мгновении» и «событии» (см. также многообразные проявления этих понятий в наст. изд. Т. 1—3).

14.

Впервые — Cahiers du Monde russe et soviétique. 1985. 26 (3-4).
Автограф — РНБ.

После: *I О подарках* – зачеркнуто:

Подарки приходят сами собой ты не думаешь о подарках. Такие подарки приятны и мы называем их «приятными подаркими».

Вместо: *кубик* — зачеркнуто: квадратик

Первоначальное название гл. II:

Окружение себя правильными предметами (зачеркнуто);

далее следует зачеркнутый текст:

Предположим квартуполномоченный окружает себя предметами

После: *высказал* — зачеркнуто: незаслуживающую внимания

Первоначальные варианты гл. IV (зачеркнуты):

<1>

IV Правильное уничтожение самого себя.

Если бы мне предложили: «хочешь перестать быть самим собой, забыть себя, стать внуком Генри Форда и быть счастливым, хотя правда счастлив будешь уже не ты, а внук Генри Форда?» Я бы отказался от такого предложения, что бы только остаться самим собой, потому что утрата самого себя вызывает во мне сожаление. Если бы мне предложили потерять ногу или самого себя. Я согласился бы потерять ногу.

<2>

IV Мир без предметов

Человек уничтоживший все окружающие его предметы остаётся, голым

Роман Тимофеевич Сушкаревский перебил всю посуду, потом поломал в своей комнате всю мебель, сжёг белье и книги, выдернул себе все зубы, остриг ногти и волосы и лёг на голом полу возле печки, в которой ещё догарали остатки его имущества.

Отдельно записанные друг за другом и зачеркнутые фрагменты:

IV.

Некая дама вывалилась из трамвайного вагона и попала под колёса троллейбуса. Эту даму доставили в клинику, где ей к вечеру ампутировали обе ноги и обе руки.

к III главе.

Мы свободно миримся с потерей предметов, которые нам в сущности не нужны. И если поставить себе целью тратить все свои силы и энергию только на приобретение ненужных предметов, то можно потерять вкус ко всякому приобретению.

Ниже даты записано:

Чёл. Статья глупая.
Хармс

Ралф Уолдо *Эмерсон* (1803–1882) — американский философ и естествоиспытатель, идеи которого были популярны в России в конце XIX — начале XX века. Его высоко ценил Л. Толстой; об Эмерсоне писал первый литературный наставник Хармса А. Туфанов в статье «О жизни и поэзии» (см.: Туфанов А. Ушкуйники. Berkeley Slavic Specialites, 1991. С. 116). В «Трактате о природе» Эмерсон рассуждает о мире, как существующем не для какой-либо конечной цели, но для душевного удовольствия, т. е. без материальной или иной вещественной цели.

У Л. Липавского в «Исследовании ужаса» встретим близкое по смыслу замечание: «Как прекрасна бескорыстная беседа!» («...Сборище друзей, оставленных судьбою». Указ. изд. Т. 1. С. 82). Еще более близким к публикуемому тексту является фрагмент из «Разговоров» того же Липавского, где зафиксировано следующее высказывание Хармса: «Как-то мы шли с Н. М. <Олейниковым. — *Комм.*>, оба мрачные. И я придумал игру: кому что подарил бы, если б мог. Мы сразу развеселились. Это самое приятное — дарить» (Там же. С. 243).

По поводу настоящего текста Хармса Я. Друскин оставил следующий комментарий: «Еще до того, как он написал эту статью, он говорил мне о “совершенном подарке”. Совершенный подарок должен быть бесполезен, говорил он. Пальто нужно мне, потому что защищает меня от холода. Совершенный же подарок практически мне ни для чего не нужен, именно в этом его совершенство: он целесообразен без всякой определенной цели. Это слова Канта из “Критики способности суждения” — первая часть, параграф 10. <...> Бескорыстный интерес, целесообразность без цели — один из моментов, определяющих прекрасное, т. е. эстетическое (Кант). Этот момент определял и Хармса — его жизнь» (РНБ. Ф. 1232. № 16. Л. 3-4).

Таким образом, идеи настоящего «Трактата...» сопрягаются с общей эстетической установкой Хармса на разрушение механических и установление парадоксальных связей между явлениями. Наряду с этим в «Трактате...» встречаем конкретные мотивы, присутствующие в других текстах Харм-

са: свойств голого тела, соотношения смерти и бессмертия и др. Обстоятельное рассмотрение идей «Трактата...» см. в специальной главе «Целлулоидные ящерицы и бессмертие» в кн. Ж.-Ф. Жаккара «Даниил Хармс и конец русского авангарда» (СПб., 1995. С. 142–149).

Альфонс Доде (1840–1897) — французский писатель. Хармс пересказывает слова А. Доде из его «Заметок о жизни»: «Мы привязываемся к окружающим нас предметам, но они не отвечают нам тем же. Это несправедливо» (Новый журнал иностранной литературы, искусства и науки. 1899. № 4. С. 6).

Генри Форд (1863—1947) — американский миллиардер, основатель автомобильной компании — впоследствии одной из крупнейших в мире фирм по производству автомобилей. Парадоксальность этого рассуждения Хармса о «правильном уничтожении самого себя» (случайная?) состоит в том, что внука Генри Форда звали, как и деда, Генри.

15.

Впервые — Cahiers du Monde russe et soviétique. 1985. 26(3–4). Автограф — РНБ.

В настоящем тексте аккумулированы несколько терминов, понятий и идей, которые встречаются в разных произведениях Хармса. Это, прежде всего, «Нéтеперь» (наст. изд. Т. 1. № 94), где впервые у Хармса появляются *это* и *то*; здесь заглавие и само содержание текста отсылают к аристотелевским идеям, воспринятым, очевидно, черед П. Д. Успенского (см. там же, примеч.). С другой стороны, Хармс был знаком с тремя «Исследованиями об этом и том» Я. Друскина. Наконец, в произведении «Пять или шесть» другого участника философско-литературного содружества «чи́нарей» А. Введенского находим следы обсуждения этих понятий.

Своеобразный парафраз рассуждения Хармса в публикуемом тексте о соотношении прошлого, настоящего и будущего находим в другом его произведении: «Я слыхал такое выражение: “Лови момент!”» и т. д. (наст. изд. Т. 2. № 141. IV).

См. также: Жаккар Ж.-Ф. Возвышенное в творчестве Даниила Хармса // Хармсиздат представляет: Сборник материалов. СПб., 1995. С. 8–19.

16.

Впервые — Cahiers du Monde russe et soviétique. 1985. 26 (3–4).
Автограф — РНБ.

Как уже встречалось у Хармса (см. наст. изд. Т. 1 и 2), настоящий текст частично дублирует предыдущий, но в целом является вполне самостоятельным и по-своему развивающим понятия *это* и *то* предыдущего текста.

Публикуемые тексты № 15 и 16 записаны последовательно в одной тетради, в которую вложены отдельные листы, являющиеся первоначальным черновым и неоконченным их вариантом.

СТАТЬИ

17.

Впервые — Минувшее.
Автограф — РНБ.

В настоящем тексте заметна попытка Хармса воспроизвести ритмику «Петербурга» А. Белого. С большой долей вероятности можно предполагать, что именно в 1927 г. Хармс читал этот роман: 1927-м годом датируем неоконченное произведение Хармса с участием Александра Ивановича Дудкина — такую фамилию носит персонаж «Петербурга» (см. наст. изд. Т. 2. № 144); в этом году Хармс завершает работу над «Комедией города Петербурга» (см. наст. изд. Т. 2. № 133) — произведением, по-видимому, создававшимся с учетом особенностей романа А. Белого. Аллюзии на А. Белого находим в различных произведениях Хармса: сравним ситуацию откусывания уха и пришивания его на щеке (см. в публикуемом тексте: «Ухам вместо рта») с навязчивым акцентированием этой детали в романе А. Белого; в «Меня называют капуцином...» Хармса, помимо прочих влияний, вполне вероятны аллюзии на черную стаю капуцинов, с хохотом гоняющихся за Н. А. Аб-

леуховым; метонимической игре с шапкой в рассказе Хармса «Шапка» корреспондируют «косматые манджурские шапки», которые «повысыпали на улицу» в том же «Петербурге» и т. п. Подробное рассмотрение и другие примеры влияния А. Белого на Д. Хармса см.: Кобринский А.А. Поэтика «ОБЭРИУ» в контексте русского литературного авангарда: В 2 ч. М., 1999. Ч. I. С. 31–36.

Появился тот же Невский, каким знали мы его 25 лет — число 25 здесь, очевидно, возникает по ассоциации с новым (с 1919 г.) наименованием Невского пр. — пр. 25 Октября.

Всё — о значении этого слова в финале многих текстов Хармса см. наст. изд. Т. 1. Примеч. 3.

18.

Публикуется впервые.
Автограф — РНБ.

Публикуемому тексту, начало которого не обнаружено, и записанному Хармсом в тетради под заглавием «Строфика», предшествуют записи на нескольких листах, которые воспроизводим:

Тема: Рыцарь просит у дамы вино, дама даёт ему вино. Задание: Смежн. рифмы

10 минут

| — | — | — | рыцарь глупый как дитя
| — | — | — | даме вслух сказал шутя:

| — | — | — | —   «вот мой меч, а вот прореха
| — | — | — | —   дайте мне вина для смеха».

| — | — | рыцарь плюнул в пол
| — | — | дама плюх на стол.

| — | — | — | После встала со стола
| — | — | — | А вино ему дала.

115

Стихотворный текст зачеркнут.
Тема и далее — ср. с примеч. 146.

Задание: Смежн. риф. Свободная тема
1/2 часа

| — | — | — | Льются недра из горы
| — | — | — | гнутся кедры, звон коры
| — | — | — | —   волки скачат, волки воют
| — | — | — | —   волки лапой землю роют

| — | — | — | снег над миром точно дом
| — | — | — | выстрел ветра точно гром
| — | — | — | —   Лёд над речкой точно блюдо
| — | — | — | —   Ах бежимте прочь отсюда!

| — | — | — | —   Ветры слишком тут свирепы
| — | — | — | —   жизнь зла, а сны нелепы
| — | — | — | Ляжешь спать и только стон
| — | — | — | Встанешь — жизнь точно сон.

Строфы 1 и 2 зачеркнуты.

Задание
10 минут

— | — | — | — | Однажды в летнюю грозу
— | — | — | Постиг букашку рок.
— | — | — | — | И муравей стоит в лесу
— | — | — | И лапкой чешет бок

— | — | — | — | трава и мох со всех сторон
— | — | — | — | и треск травы и листьев звон
— | — | — | — | и всюду лес, как страшный сон
— | — | — | стоит и плачет он.

a — b — a — b, c — c — c — c

Тема: Муравей заблудился в траве

Примерная строфика, без смысловой темы.
Образец № 1.

Образец строфики № 1.

I Строф.	6 стр.	a	
1. Фр.	3 стр.		m
II Строф.	6 стр.	в	
2 Фр.	3 стр.		m
III с.	6 стр.	c	
3 р.	2 стр.		n
IV с.	5 стр.	d	
4 р.	3 стр.		m
V с	5 стр.	e	
5 р	2 стр.		n
VI с	6 стр.	в	
6 р.	3 стр.		m
VII с.	2 стр.	f.	
7 р.	1 стр.		1/3 m.

---

6 —	I —	I —	1
3 —	1 —	1	m
6 —	II —	II —	2
3 —	2 —	1	m
6 —	III —	III	3
2 —	3 —	2	n
5 —	IV —	IV	4
3 —	4 —	1	m
5 —	V —	V	5
2 —	5 —	2	n
6 —	VI —	II	2
3 —	6 —	1	m
2 —	VII —	VI	6
1 —	7 —	1.	1/3 m.

Образец № 2.

1	3½ хор.	Куплет.	I строфа.	I группа.
2	3½ хор.			
3	1½ хор.	Рефрен.		
4	"			
5	"			
6	3½ хор.			
7	3½ хор.	К.	II	
8	"			
9	"			
10	1½ хор.	Р.		
11	"			
12	"			
13	3½ хор.			
14	3½ хор.	К.	III	
15	"			
16	1½ хор.	Р.		
17	"			
18	"			
19	4 ямб.	К.	IV	
20	4 ямб.			
21	1½ хор.	Р.		
22	1½ хор.			
23	"			

Образец в 3 группах.

Образец № 3.

a	a
a	a
b	b
b	b
c	c
c	d
d	c
c	c
a	a
b	b
b.	a
a	b
a	c
b	c
a	~~a~~ a
b	~~b~~ a
b	~~d~~ b
a	~~b~~ c
c	~~c~~ b
c	~~c~~ c
a	a
a	a
b	b
b	b
c	c
c	c
d	d
c	d

Образец № 4.

– / – / – / – /
– / – / – / – /
– / – / – – / – /
– / – – / – / – /
– – / – / – / – /
– – / – / – / – /

– / – / – / – /
– / – / – / – /
– / – / – – / – /
– / – – / – / – /
– – / – / – / – /
– – / – / – / – /

Образец № 5.

/ – – / – / – /
/ – / – / – – /
/ – – / – / – /
/ – / – / – – /
/ – / – – / – /
/ – – / – – / – /

Образец № 6.

/ – / – / – – / –
/ – / – / – – /
/ – / – – / – – / –
/ – / – – / – – /

Образец № 7.

/ – / – / – – / –
/ – / – / – – /
/ – / – – / – – / –
/ – / – – / – – /

Песенный. Часто мы с тобою встречались
Много было в жилах огня
Но не долго с тобой обнимались
Разлюбила ты стерва меня.

Образец № 8.

/ – – / –
/ – – / –
– / – /
/ – – / – – / – – / –
– / – /

Образец № 9.

```
     – / – / – / – /      a
     – / – / – / – /      a
     – / – / – / – / –    b
     – / – / – / – / –    b
I    – / – / – / – /      c
     – / – / – / – /      c
     – / [– – /] – / – /  d
     – / – / – / – /      d
-------------------------------
     – / – / – / – /      a
     – / – / – / – /      a
     – / – / – / – / –    b
II   – / – / – / – / –    b
     – / – / – / – /      c
     – / – / – / – /      c
     – / [– – /] – / – /  d
     – / – / – / – /      d
```

Не менее четырёх — пяти строф.

Modus № 10.
(Прозаическое построение).

[illegible]

I тема.

I аналогия.

Развитие I темы.

II аналогия.

Var. I темы.

II тема

III Аналогия.

Двукратный запев.

Соединение тем.

I Кода.

II Кода.

Modus № 11.
(Прозаическое построение).
I тема.
а. развитие.

Построение по modus № 10.
I Тема — Комическая.
II Тема — Героическая.
I Запев — Опредиление места и времяни
героя комического.
II Запев — Первые строки II-ой темы.
I, II и III Аналогия — Одно и то же нравоучение
I Кода — Смерть героя комического.
II Кода — Торжество.

I Запев — Время и место.
I тема.
1. Герой вышел из дома.
2. Описание героя.
3. Остановка.
4. Преодоление препятствия.
5. Торжество.
I Аналогия. Нравоучение.

Развитие I-ой темы.
1. Отголоски препятствия.
2. Неудача героя.
3. Насмешки.
4. Бегство.
II Аналогия. Нравоучение.

Var. I-ой темы.
1. Выход героя.
2. Описание героя (разница).
3. Остановка.
4. Поражение.

II тема.
1. Вступление.
2. Появление II-го героя.
3. Преодоление препятствия.

III Аналогия. Нравоучение.
Двукратный запев.
I. Время и место.
II. Вступление II-ой темы.

Соединение тем.
1. Встреча героев.
2. Борьба.
3. Победа II-го героя.
4. Смерть I-го героя.

I Кода.
Смерть I героя

II Кода.
Торжество II героя.

В связи с этими стиховедческими штудиями Хармса можно вспомнить серию его стихотворений, которые он называл Упражнениями в классических размерах (УКР) (см. наст. изд. Т. 1. № 233, 234, 237, 256).

19.

Впервые — Cahiers du Monde russe et soviétique. 1985. 26 (3–4). Автограф — РНБ.

Эмиль Гилельс (1916–1985) — пианист. В Хронографе концертных выступлений Гилельса этот концерт не учтен (Баренбойм Л. Эмиль Гилельс: Творческий портрет артиста. М., 1990. С. 173–242).

Клуб Писателей — по-видимому, Дом писателей им. Маяковского (ул. Войнова — до 1918 г. и ныне Шпалерная — дом 18).

Помимо публикуемых, к жанру статей у Хармса можно отнести его реферат книги Д. Лондона «Мартин Иден»:

125

Мартин Идэн (Джек Лондон «Мартин Идэн».
Государств. Изд. 1926 года).

Роман обладает ясной схемой. Участвуют три силы: рабочий класс, Мартин Идэн, и буржуазный класс, представителем которого, является Руфь Морз. Мартин Идэн, вышел из среды рабочего класса. Обладая природным умом и могучим телом, Попав случайно в дом Руфи Морз, он был ослеплён увиденной им культуры. Он дал себе слово достигнуть таких же знаний, какими обладали люди высшего класса. Начинается период его занятий. Руфь, казавшаяся ему божеством, начинает становится понятной, как некогда понятны были ему работницы с различных фабрик. Рабочий класс, кажется Мартину грубым и неуклюжим.

<1933>

Наконец, приведем также фрагмент конспекта Хармса книги Г. Мейринка «Голем», которую он, по-видимому, читал в немецком оригинале:

Der Golem
von Gustav Meyrink

Камень как кусок сала.
Атанасиус идёт по руслу высокой реки и собирает гладкие камушки.
Атанасиус — резчик по камням.

Golem — оживший автомат.
Голем живёт в комнате, не имеющей входа.
Кто хочет заглянуть в окно этой комнаты, сорвется с веревки.

Мозг Атанасиуса — запертая комната.
Если бы он хотел заглянуть в свою память, он сошёл бы с ума.

<1930-е>

Об интересе Хармса к роману Г. Мейринка см. № 10 и примеч.

ПИСЬМА

А. И. Введенскому

Александр Иванович Введенский (1904–1941) — один из ближайших друзей Хармса. Об их совместной творческой работе, участии в философско-литературном содружестве «Чинари» и последующей судьбе А. Введенского см. «...Сборище друзей, оставленных судьбою». Указ. изд. Т. 1.

20

Впервые — Новый мир. 1992. № 2. Автограф — ЧС (факсимиле автографа с автопортретом Хармса слева вдоль всего текста письма — Московский наблюдатель. 1992. № 2).

В 1936 г. А. Введенский познакомился в Харькове с Г. Б. Викторовой и переехал вскоре в Харьков; по-видимому, туда и адресовано письмо Хармса, (см. ироническое обозначение провинцией места пребывания Введенского). Здесь в 1941 г. Введенский был арестован и погиб, вероятно, во время этапирования (пересказ этого следственного дела см.: Мейлах М. Б. Гибель Александра Введенского // Тыняновский сборник. Вып. 10: Шестые, седьмые, восьмые Тыняновские чтения. М., 1998. С. 567–582; полную публикацию с обстоятельными комментариями см.: Хармс Д. Собрание художественных произведений: В 3 т. СПб., 2000. Т. III. Приложение III; публикация и примечания А. В. Крусанова и И. С. Мальского).

Содержание этого письма ср. с «Все люди любят деньги...» (наст. изд. Т. 2. № 123).

Фотографии самых ходовых денежных знаков: в рубль, в три, в четыре и даже в пять рублей достоинством — характерное хармсовское смещение: бумажных денег достоинством в четыре рубля не существовало.

Из писем А. Введенского Хармсу сохранилось нижеследующее:

Данька. Я достану эфир сегодня на ночь. Через полчаса пойдем и будем нюхать.

<1927–1928>

О практиковавшемся в дружеском кругу Хармса–Введенского нюхании эфира см. наст. изд. Т. 1. № 39, 44 и примеч.

Е. И. Грицыной

Елизавета Ивановна Грицына (урожд. Ювачева) (1914–1994) — сестра Хармса.

21

Впервые — Новый мир. 1992. № 2.
Автограф — РНБ.

Кирилл — пасынок Е. И. Грицыной.

Домашним

22

Публикуется впервые
Автограф — РНБ.

Б. С. Житкову

Борис Степанович Житков (1882—1938) — писатель. Познакомился с Хармсом в конце 1927 г. на почве создания Ассоциации детских писателей при Доме печати (см.: Черненко Г. «Я ему был рад так же, как и он мне»: (Даниил Хармс в письмах Бориса Житкова) // Хармсиздат представляет: Советский эрос 20-30-х годов. СПб., 1997. С. 15–18; здесь же — многочисленные упоминания в переписке Житкова 1928–1936 гг. о встречах с Хармсом). В 1935 г. Житков уехал в Москву и только изредка приезжал в Ленинград.

23

Впервые — Полет в небеса.
Автограф — РНБ.

Для характеристики творческой работы Хармса над письмами знаменательно, что на поле вдоль

фрагмента: *Один зевнет ∞ не достаёт мне вас, дорогой Борис Степанович* — Хармс написал: «*изменить*».

Николай Макарович Олейников (1898–1937) — один из друзей Хармса. Об их взаимоотношениях и о гибели Олейникова см.: «...Сборище друзей, оставленных судьбою». Указ. изд. Т. 1 и 2.

Николай Андреевич Тимофеев (1906–1978) — композитор, с которым Житков познакомил Хармса: «Он (Хармс. — *Коммент.*) его хвалил, как человека очень верного и прекрасной души» (Хармсиздат представляет. Указ. соч. С. 17). В 1930-х годах Тимофеев работал на Ленинградской кинофабрике.

24

Впервые — Полет в небеса.
Автограф — РНБ.

Садясь за фисгармонию, вспоминаю Вас. — В письме к В. М. Арнольд от 13 июня 1935 г. Житков рассказывал о предстоящей игре на только что купленной Хармсом за 500 рублей фисгармонии. В письме к тому же адресату от 1 ноября 1936 г. Житков описывает вечеринку у Хармса с участием Я. Друскина и Л. Липавского, где он дуэтом с Хармсом под аккомпанемент Я. Друскина на фисгармонии пел Бетховена, Баха и Глинку (Указ. соч. С. 17–18).

Марина — вторая жена Хармса Марина Владимировна Малич (см. ниже).

Верхний голос для скрипки — Житков играл на скрипке.

Бывает Друскин. Но большая рояльная техника — Я. Друскин окончил в 1929 г. экстерном фортепианное отделение исполнительского факультета Ленинградской консерватории (см.: «...Сборище друзей, оставленных судьбою» Указ. изд. Т. 1. С. 30).

...приятель Николая Андреевича — Как установил В. К. Зиборов, речь идет о талантливом дирижере Георгии Ивановиче Благодатове (1905–после 1961), с которым Хармс подружился летом-осенью 1936 г.; после отъезда Г. Благодатова на работу в Чебоксары, Хармс писал ему, но эти письма не сохранились (см.: Зиборов В. Огонек Даниила Хармса // Скрипичный ключ. 2001. № 7. С. 33—34).

Денег из Олейниковского журнала — с января 1937 г. под редакцией Н. Олейникова в Москве стал выходить

детский журнал «Сверчок», где Хармс в № 4 опубликовал стихотворение «Кошки» (наст. изд. Т. 3. № 29); по-видимому, о гонораре за эту публикацию идет речь в письме.

Два дня с едой, а один голодный — ср. с написанным 4 октября 1937 г. стихотворением «Так начинается голод...» (наст. изд. Т. 2. № 142. 27).

Я перевёл Буша для Чижа — здесь и далее речь идёт о стихотворной книге немецкого писателя В. Буша «Плих и Плюх», которая в переводе Хармса печаталась в № 8–12 за 1936 г. журнала «Чиж». Для отдельного издания 1937 г. Хармс существенно переработал и дополнил журнальный вариант перевода. См. также № 60.

Шварц Евгений Львович (1896—1958) — драматург, см. наст. изд. Т. 1 и 2 и ниже.

Оболенская Екатерина Михайловна (1889–1964) — редактор Детиздата.

Введенский А. И. — см. примеч. 20.

Н. И. Колюбакиной

Наталия Ивановна Колюбакина (1868–после 16 мая 1943) — крёстная Хармса, сестра его матери, директор 2-й Детскосельской единой трудовой школы (бывшей Мариинской гимназии), которую Хармс окончил, проучившись здесь в 1922–1924 гг. Н. И. Колюбакина имела большое влияние на племянника и Хармс часто советовался с ней по поводу своего творчества.

Сохранилось следующее письмо Н. И. Колюбакиной Хармсу:

<Ленинград>. 30 октября 1931 г.

Даня, страшно жаль, что тебя не застала, я ничего о тебе не знаю — как живешь, как питаешься. Пожалуйста возьми у Папы денег, чтобы заплатить фининспектору: у меня с собой ничего нет. Ты хоть бы мне написал о себе. Я была у <Маши?>, оттуда заехала к Вам. Привезла тебе твою библию и молитвенник и остаток папирос. — У меня в комнате стало холодно, но это

ничего, а вот в проходную хотят вселить двух рабочих с ребенком. Не знаю, удастся ли отделаться. Целую тебя

Наташа
30/X 31.

Предположительно читаемое имя *Маша* — возможно, Мария Ивановна Колюбакина (1882? – 1943?), другая сестра Колюбакиных.

Возможно, что следствием грядущего (или уже осуществившегося) нежелательного вселения в свою квартиру новых жильцов стало намерение Н. И. Колюбакиной сменить квартиру и переехать в Ленинград. Об этом свидетельствует рукописное объявление, сохранившееся в архиве Хармса:

Меняю прекрасную комнату в Детском Селе (35 м. + веранда 25 м., окна в сад, второй этаж, в квартире все удобства) на комнату в Ленинграде площадью от 17–20 м. Желательно в тихой небольшой квартире. Районы: либо центральный, либо Васильевский Остр. около Академии Наук, либо Петроградская сторона в районе Кировского проспекта. Звонить от 3–9 по телефону Ж-206-65.

25.

Впервые — Новый мир. 1992. № 2.
Автограф — РНБ.

К письму приложено стихотворение «Подруга» (как указано Хармсом - не имевшее в момент отсылки заглавия и не оконченное — см. наст. изд. Т. 1. № 192 и примеч.; см. там же сравнительный анализ приложенного к письму варианта стихотворения с еще двумя; см. также ниже. № 49).

О каком стихотворении поэта *А. М. Жемчужникова* (1821—1908), одного из создателей литературной маски Козьмы Пруткова, идет речь — неизвестно. Очевидно, что Н. И. Колюбакина прислала стихотворение К. Пруткова, что и побудило Хармса к дальнейшим характеристикам, в т. ч. творчества другого поэта и соучастника создания маски К. Пруткова *А. К. Толстого* (1817–1875). Собственноручно переписанный текст «балета» «Комма» имеется в архиве

Хармса в РНБ. Об увлечение Хармса сочинениями Козьмы Пруткова см. выше. Примеч. 9.

О докторе *Шапо*, как о «милом чудаке» вспоминал В. Н. Петров (Петров В. Н. Воспоминания о Хармсе // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1990 год. СПб., 1993. С. 197).

26

Впервые — Новый мир. 1992. № 2.
Автограф — РНБ.

Это письмо, очевидно, черновое, не только вследствие перечеркиваний и вставок фрагментов текста, но и потому, что над письмом — перечеркнутое начало другого, обращенного к К. В. Пугачевой.

Издание Козьмы Пруткова — имеется в виду: Прутков К. Полное собрание сочинений Изд. 8-е. СПб., 1899.

С. Я. Маршак привлек Хармса к работе в детских журналах (см. наст. изд. Т. 3).

«*мамочка моя*» — ср. у любимого Хармсом Гоголя: «Ты заврался, мамочка, Иван Григорьевич» («Мертвые души» Глава 8)

Колпаков — в № 7 и 8 журнала «Чиж» 1933 г. начала печататься серия рассказов о профессоре Трубочкине с участием писателя Колпакова.

Машенька — М. И. Колюбакина (см. выше примеч. к письму Н. И. Колюбакиной Хармсу); по-видимому, сестры жили в это время вместе.

27

Впервые — Новый мир. 1992. № 2.
Автограф — РНБ.

Т. А. Липавской

Тамара Александровна Липавская (урожд. Мейер; 1903–1982) — до 1931 г. гражданская жена А. Введенского; с 1932 — жена Л. С. Липавского; адресат стихотворений Д. Хармса (см. наст. изд. Т. 1); в квартире Липавских (Гатчинская ул., д. 8) происходили встречи участников философского-литературного сообщества «Чинари» (см : «...Сборище друзей, оставленных судьбою». Указ. изд. Т. 1 и 2).

28

Впервые — Новый мир. 1992. № 2.
Автограф — РНБ.

Бобрикова, Рогнедовы — подобно включению в художественный текст имен реальных лиц, Хармс включает в личные письма вымышленные имена.

Валентина Ефимовна Гольдина (в замуж. Каменская; 1902—1968) — художница, подруга Липавской, один из персонажей (вместе с Липавской) стихотворения Хармса «Ревекка, Валентина и Тамара...» (см. наст. изд. Т. 1. № 104).

Ноябрем 1930 г. датируем следующее неоконченное письмо Хармса Липавской, которое сохранилось в виде перечеркнутого и частично размытого черновика в его архиве:

Нет! Нет! Нет!

мне не смолчать.

Пусть! пусть подумают, что хотят, но я скажу. Я скажу Вам Тамара Александровна честно и открыто.

Зачем! Зачем скрывать те чувства, ради которых многие великие люди шли в огонь!

Например:

Павел Догов в 1847 году сгорел со словами: Моё мне!

Анатолий Владимирович Лештуков (имянем которого называется один из наших переулков) сгорел в 1859 году.

Жорж Свиндиминов, в начале нашего века, спалил жену, детей и себя.

Да что там говорить! Вы сами знаете на что способен человек. А великий человек на всё способен.

Я знаю! Я знаю Тамара Александровна Вы думаете я дурак.

Здесь все упоминаемые лица — вымышлены, хотя в Ленинграде действительно был *Лештуков* переулок (до 1952 г.), но он получил свое наименование еще в XVIII в. по фамилии лейб-медика имп. Елизаветы гр. Г. Лестока.

29

Впервые — Новый мир. 1992. № 2.
Автограф — РНБ.

Лидия Алексеевна — по воспоминаниям Т. Липавской — бывшая гувернантка, прислуга в доме Ювачевых.

А. И. Введенский, Л. С. Липавский — см. 20, 11.

Петр Петрович *Калашников* (1893– ?) — приятель Хармса, осужденный по одному с ним делу № 4246-31 г. на 3 года пребывания в Свирских концлагерях (см : « ..Сборище друзей, оставленных судьбою». Т. 2).

Я. С. Друскин — см. 9, 11–13.

Шурка — А. И. Введенский.

30

Впервые — Вопросы литературы. 1973 № 11.
Автограф — ЧС.

Валентина Ефимовна Гольдина — см 28.

Тамара Григорьевна Габбе (1903–1960) — детская писательница.

Леонид Савельевич Липавский — см. 11.

Александр Иванович Введенский — см. 20.

Савельев — литературный псевдоним Л. С. Липавского.

Олейников Н. М. — см. 23.

Левин Борис Михайлович (1904–1942) — детский писатель.

Тетушка — Н. И. Колюбакина (см. № 25–27 и примеч.)

31

Впервые — Вперед (г. Пушкин). 1980.
22 марта.
Автограф — РНБ.

Заметим, что письмо написано через 10 дней после освобождения Хармса из заключения.

Л. С. Липавский — см. 11.

Владимир Бальнис — сотрудник Института сельского хозяйства в г. Пушкине.

Екатерина Павловна — подозрительно «рифмуется» с Екатерининским парком, в котором происходит действие;

если учесть уже не раз отмечавшуюся тотальную инверсию мира хармсовских текстов, эта Екатерина (мыслимая историческим персонажем) должна была превратиться из Алексеевны в Павловну (из матери в дочь). Здесь может играть роль еще и соседство Детского Села с Павловском.

В. Е. Гольдина — см. примеч. 28.

Я. С. Друскин — см. примеч.9, 11–13.

32

Впервые — Вопросы литературы. 1973. № 11.
Автограф — РНБ.

Письмо из ссылки, которую Хармс и Введенский отбывали по решению суда.

В. Е. Гольдина, Л. С. Липавский, Я. С. Друскин — см. примеч. 28, 11, 9.

33

Впервые — Полет в небеса.
Автограф — РНБ.

А. И. Введенский — см. примеч. 20.

В. Е. Гольдина — см. примеч. 28.

Л. С. Липавский, Я. С. Друскин — см. примеч. 11, 9.

34

Впервые — Меня называют капуцином.
Автограф — РНБ.

В. Е. Гольдина — см. примеч. 28.

Л. С. Липавский — см. примеч. 11.

Но совершенство мёртвый лев, а Леонид живая собака — издевательский по отношению к Л. Липавскому парафраз Екклесиаста (Еккл. 9. 4), который в подобной же парадоксальной (перевернутой) форме встречается в стихотворении Хармса «Хню» (см. наст. изд. Т. 1. № 142).

Николай Алексеевич Заболоцкий (1903–1958) — поэт, входивший в эти годы в круг друзей Хармса.

35

Публикуется впервые.
Автограф — РНБ.
Возможно, конец письма утрачен.

М. В. Малич

Марина Владимировна Малич (в третьем браке — Дурново; 1912) — вторая жена Хармса. Посвященные ей стихотворения Хармса (в т. ч. с обращением «Фефюленька») см. наст. изд. Т. 1. № 243–248 и примеч. См. также: Глоцер В. Марина Дурново: Мой муж Даниил Хармс. М., 2000.

36–38

Публикуются впервые.
Автограф — РНБ.

39

Впервые — Глоцер В. Указ. соч.
Автограф — ЧС.

Предваряющие публикацию этого письма пояснения М. Малич (Дурново): «Десятилетия спустя после того как я покинула Россию, я открыла как-то нашу с Даней Библию, и из неё выпала записка. Его записка. Она оказалась почти совсем съедена старостью, вся в желтых пятнах. Но это была его рука» (Указ. соч. С. 187). Отметим, что принадлежавший Хармсу Новый Завет, с владельческими пометами и указанием даты его приобретения: 18 апреля 1936 г., сохранился в библиотеке С.-Петербургской Духовной Академии.

Л. Пантелееву

Л. Пантелеев (псевд.; наст. имя и фамилия: Алексей Иванович Еремеев; 1908–1987) — писатель, один из друзей Хармса. См. его воспоминания о Хармсе: «Новый мир» 1965. № 5).

40

Впервые — Михаил Кузмин и русская культура XX века: Тезисы и материалы конференции 15–17 мая 1990 г. Л., 1990. Автограф — ЧС.

А. И. Введенский — см. примеч. 20.
С. Я Маршак — см. примеч. 26.

41

Впервые — Михаил Кузмин и русская культура XX века: Тезисы и материалы конференции 15–17 мая 1990 г. Л., 1990. Автограф — ЧС.

«Дон Жуан» — см. наст. изд. Т. 1. № 310.

Два трактата о числах — см. наст. изд. № 4; другой трактат, по видимому, неизвестен.

Смахивать на естественного мыслителя — так Хармс называл нескольких своих знакомых, не имевших специального образования, но склонных формулировать разнообразные фантастические (квазинаучные) теории (то же, что «малограмотный ученый» — см. ниже). Отзвуки общения с ними см. в прозаических сочинениях Хармса (наст. изд. Т. 2. № 4, 147) и в «Разговорах» Липавского («...Сборище друзей, оставленных судьбою». Т. 1. № 9).

С. Я. Маршак — см. примеч. 26.

Л. К. Чуковская (1907—1996) — писательница, в эти годы редактор Детгиза.

42

Впервые — Михаил Кузмин и русская культура XX века: Тезисы и материалы конференции. Л., 1990. Автограф — ЧС.

Башилов — один из «естественных мыслителей» (см. выше).

С. Я. Маршак — см. примеч. 26.

Т. Г. Габбе — см. примеч. 30.

Б. Л. Пастернаку

Борис Леонидович (в письме ошибочно: Леонтьевич) *Пастернак* (1890–1960) — писатель. По-видимому, в этот период своей творческой деятельности Пастернак был для Хармса (и Введенского) символом «левого» направления в литературе. См. также наст. изд. Примеч. 1. Впоследствии, как можно предполагать, Хармс изменил свое отношение к творчеству Пастернака (см. наст. изд. Т. 2. № 35).

43

Впервые — Введенский А. Полное собрание сочинений: В 2 т. Ардис: Анн-Арбор, 1984. Т. 2.
Автограф — ИМЛИ.
Печ. по первой публикации.

С писателем *Михаилом Алексеевичем Кузминым* (1872–1936) Хармс познакомился, вероятно, через Н. А. Клюева, с которым в середине и второй половине 1920-х гг. неоднократно встречался. Кооперативное издательство «Узел» существовало в Москве в 1926–1928 гг. Приложенные к письму стихотворения не сохранились. Неизвестно также, ответил ли Пастернак на это письмо.

Р. И. Поляковской

Сведения о *Раисе Ильиничне Поляковской* отсутствуют. По содержанию письма (см. ниже) можно лишь предположить, что она жила в доме напротив окон комнаты Хармса.

44

Впервые — Меня называют капуцином.
Автограф — РНБ.

Этому краткому письму (неизвестно, посланному ли), по-видимому, предшествует датированный тем же числом его пространный вариант, сохранившийся в черновом виде (также ничего неизвестно о его отправке адресату; в архиве Хармса сохранился надписанный на имя Поляковской — без адреса — конверт):

138

<Ленинград>. 2 ноября 1931 г.

Дорогая Раиса Ильинишна, может быть к лучшему как всё получилось. Ведь я полюбил Вас. И если бы, я увидел Вас ещё раз, я признался бы Вам во всём. Это было бы нехорошо. Вы не забыли значки на стенах в моей комнате. Очень часто попадается такой значёк, , я называю его «окно». В том зеркальце, которое я подарил Вам лежит записка, на ней нарисов<ано> «окно» в разных варияциях. А так же помните надпись над моей кроватью:

Мысль о Рае.

Так вот Раиса Ильинишна, можете считать это за шутку, но до Вас я любил понастоящему один раз. Это была Эстер (в переводе на русский звезда), я любил её семь лет. Она была для меня не только женщиной, которую я люблю, но и ещё чем то другим, что входила во все мои мысли и дела. Я называл её окном сквозь которое я смотрю на небо и вижу звезду. А звезду я называл раем, но очень далёким. Мы разговаривали с Эстер не по русски и её имя я писал латинскими буквами E S T H E R. Потом я сделал из них монограмму и получилось .

И вот однажды я увидел что значёк и есть изображение окна.

Потом мы с Эстер расстались. Я не разлюбил её, и она меня не разлюбила, но я первый пожелал расстаться с ней. Почему — это мне трудно объяснить. Но я почувствовал, что довольно смотреть «в окно на далёкую звезду».

И вот однажды я не спал целую ночь. Я ложился и сразу вставал. Но встав я понимал, что надо лечь. Я ложился опять, но сейчас — же вскакивал и ходил по комнате.

Я садился за стол и хотел писать. Я клал перед собой бумагу, брал в руки перо и думал. Я знал, что мне надо написать что-то, но я не знал что.

Я даже не знал должны это быть стихи, или рассказ, или какоето рассуждение, или просто одно слово. Я

смотрел по сторонам и мне казалось что вот сейчас, что то случится. Но ничего не случалось. Это было ужасно. Если бы рухнул потолок было бы лучше чем так сидеть и ждать не известно чего.

Уже ночь прошла и пошли трамваи, а я всё ещё не написал ни одного слова.

Я встал и подошёл к окну. Я сел и стал смотреть в окно. И вдруг я сказал себе: Вот я сижу и смотрю в окно на...

Но на что же я смотрю? Я вспомнил: «окно сквозь которое я смотрю на звезду». Но теперь я смотрю не на звезду. Я не знаю на что смотрю я теперь. Но то, на что я смотрю и есть то слово, которое я не мог написать.

Тут я увидел Вас. Вы подошли к своему окну в купальном костюме. Так я впервые увидел Вас. Увидел Вас сквозь окно.

Вам смешно Раиса Ильинишна о чём я пишу Вам?

Но я и не прошу Вас относиться к этому серьёзно.

Но теперь слушайте дальше. Я познакомился с Вами и узнал, что Вас зовут Рая. Я стал много думать о Вас, о Рае. Мысль о Рае стала моей главной мыслью. И я повесил надпись над моей кроватью:

Мысль о Рае.

Моя главная мысль, по мимо Вас, это мысль о рае, и Вы понимаете, что Вы стали для меня не только женщиной, которую я полюбил, но вошли во все мои мысли и дела.

Здесь дело не в каламбуре Рая и рай.

Всё это очень не современно и я решил не говорить Вам этого. Я както пришёл к Вам, (Вы обедали) и сказал: Вы знаете Рая, сегодня ночью со мной была страшная вещь, и вы спасли меня.

Но потом я Вам ничего не сказал.

Потом гуляя с Вами у Буддийской паггоды и гуляя на островах, я чувствовал, что я должен сказать Вам всё, но что то удерживало меня и я не говорил. Я ходил

и говорил глупости. И Вы даже обиделись под конец. И так стало всякий раз когда я Вас встречал.

Я должен был либо сказать Вам всё, либо расстаться.

Я и теперь, в письме, не сказал Вам почти ничего. Только совсем чуть чуть.

Да и то Вы решите, что я либо шучу, либо я сумасшедший. И я пишу Вам это всё только потому, что решил с Вами не встречаться, что бы не тревожить Вас.

Сегодня Вы позвонили мне по телефону, когда я начал писать Вам это письмо.

Конечно я сразу узнал Ваш голос, но не зная что Вам сказать всё время спрашивал· кто говорит?

После завта Вам это письмо передаст Борис Михайлович Левин.

Да хранит Вас Бог милая Рая.

Даниил Хаармс
2 ноября 1931 года.

В обоих вариантах письма фигурирует первая жена Хармса *Э. А. Русакова* (1909–1943), которой посвящено множество произведений Хармса, в т. ч. обозначенных значком (см. наст. изд. Т. 1 и 2). Вместе с тем, в черновом варианте письма присутствуют мотивы рассматривания мира через окно и невозможности писать, которые присутствуют в стихотворных и прозаических текстах Хармса, создававшихся чуть ранее или параллельно с этим письмом (нагляднее всего эту синхронность можно видеть в составленном по хронологическому принципу собрании произведений Хармса: Хармс Д. Цирк Шардам. СПб., 1999). Сопоставление этого текста с другими его произведениями и с интересом Хармса к роману Г. Мейринка «Голем» (см. № 10, 19, 45): Герасимова А., Никитаев А. Хармс и «Голем»: Quasi una fantasia // Театр. 1991. № 11. С. 39, 47—48.

Буддийская пагода — Приморский пр., д. 91, против Петровского острова, сообщающегося с Крестовским островом (см. ниже: *острова*); одно из любимых мест прогулок Хармса (см. наст. изд. Т. 2. Примеч. 132).

Б. М. Левин — см. примеч. 30.

А. И. Порет

Алиса Ивановна Порет (1902—1984) — художница, подруга Хармса, автор воспоминаний о нем (см. наст. изд. Т. 1. № 173).

45

Впервые — Театр. 1991. № 11.
Автограф — РНБ.

Письмо написано, очевидно, после замужества А. Порет в 1935 г. Об интересе Хармса к «Голему» Г. Мейринка и интерпретации влияния этого романа на творчество Хармса см. примеч. 44.

Посетителям своей квартиры

46

Публикуется впервые.
Автограф — РНБ.

Точнее было бы назвать этот текст не письмом, а объявлением, которое висело на дверях комнаты Хармса.

К. В. Пугачевой

Клавдия Васильевна Пугачева (1907–1997) — актриса Ленинградского Театра юного зрителя, затем, по переезде в 1933 г. в Москву, — актриса московских театров. Хармс и Пугачева познакомились в начале 1933 г. на традиционном тюзовском «четверге» (см.: Краснянская М. Капа Челлини // Московский наблюдатель. 1997. № 3–4. С. 47). Письма 1, 3–5 и 9 сохранились у адресата, в архиве Хармса — черновики всех писем, кроме 3.

47

Впервые — Новый мир. 1988. № 4.
Автограф — ЧС.
Печ. по фотокопии с автографа.

В черновике иное начало:

Дорогая
Клавдия Васильевна,
пришло время разоблачить себя самого и Вас. Между прочим написав эту фразу я с прискорбием увидел, что даже тут в письменной форме, я остаюсь косноязычным по отношению к Вам. Там, сидя около Вас, я просто знал, что бесконечно нежно отношусь к Вам. Это я знаю и теперь, но больше прибавить ничего не могу.

Шварцами Литейными Хармс называл Е. Л. Шварца (см. примеч. 24) и его жену Екатерину Ивановну (1902–1963), живших на Литейном пр.

48.

Впервые — Новый мир. 1988. № 4.
Автограф — РНБ.

Велимир Хлебников (1888–1922) — один из почитаемых Хармсом поэтов (см. наст. изд. Т. 1. 95; Т. 2. 140. 2).

Мейерхольд Всеволод Эмильевич (1874–1940) — режиссер и актер (см. наст. изд. Т. 2. № 66).

49.

Впервые — Новый мир. 1988. № 4.
Автограф — ЧС.
Печ. по первой публикации.

Первое представление пьесы Е. Шварца *«Клад»* состоялось на сцене ТЮЗа 8 октября 1933 г.

Александра Алексеевна Охитина (р. 1905) — актриса, исполнительница роли Птахи в пьесе Шварца.

«Ундервуд» — первая пьеса Е. Шварца, поставленная в ТЮЗе в открытие сезона 21 сентября 1929 г. К. Пугачева исполняла роль пионерки Маруси. Стихотворение *«Подруга»* опускаем (см наст. изд. Т. 1. № 192).

Чекан — правильно: чакан (czakan), чешская прямая флейта; в комментариях к первой публикации приведены воспоминания К. Пугачевой о том, что на этом музыкальном инструменте, напоминавшем флейту или гобой, актриса играла в спектакле по пьесе Н. Жуковской «Дети Индии»; по ее словам, Хармс смотрел этот спектакль.

50.

Впервые — Новый мир. 1988. № 4.
Автограф — ЧС.
Печ. по первой публикации
с правкой орфографии и пунктуации
по черновому автографу РНБ

В черновом письме зачеркнуто окончание:

Как только я почувствую тяжесть привязанности, скажу честно, как подабает честному человеку, в честном поединке. И Вы уйдёте, убежите за тысячу вёрст. — Это уже Ваше личное дело, и Вы ответите за него.

(Если Вы помните хорошо, конец Вашего письма).

В этом письме Хармс высказывает ключевые для его эстетики суждения, в данном случае выражаемые категориями «чистоты» и «порядка» Интерпретацию некоторых аспектов этих понятий см.: Jaccard J.-Ph. «Чистое»/«Нечистое» в русском авангарде // Studia Litteraria Polono-Slavica, 4. SOW, Warzawa, 1999. Суждения Хармса о *первой реальности* возможно также сопоставить со статьей Блока «О современном состоянии русского символизма» (Аполлон. 1910. № 8).

И я делаю не просто сапог — ср. наст. изд. № 1 и примеч.

Н. А. Заболоцкий — см. примеч. 34. Рассуждения о благополучии/неблагополучии в связи с поэмой Заболоцкого (как предположил В. Глоцер, утраченной поэмой «Облака») косвенно поясняют причины, по которым «чинари» настороженно относились к самому Заболоцкому.

Замок графов Стенбок Фермор — в пос. Лахта под Ленинградом.

Нестле — фирма-изготовитель пищевых продуктов.

51.

Впервые — Новый мир. 1988. № 4.
Автограф — ЧС.
Печ. по фотокопии с автографа.
На черновом варианте дата: 20 октября.

52.

Впервые — Новый мир. 1988. № 4.
Автограф — РНБ.

53.

Впервые — Новый мир. 1988. № 4.
Автограф — РНБ.

С. Я. Маршак — см. примеч. 26.

наперегонки со своей сестрой — Е. И. Грицыной (см. № 21 и примеч).

Г. Л. Ф. Гельмгольц (1821–1894) — немецкий ученый. О значении его идей для творчества Хармса (и М. Матюшина) см: Жаккар Ж.-Ф. Даниил Хармс и конец русского авангарда. СПб., 1995. С. 293; Он же. «Оптический обман» в русском авангарде: О «Расширенном смотрении» // Russian literature. XLVIII (1998). С. 249—250.

Стихотворение «Трава» — В комментариях к первой публикации приводятся два фрагмента этого не найденного стихотворения, которые запомнила художница Е. В. Сафонова (находилась в ссылке в Курске с Введенским и Хармсом):

Когда в густой траве гуляет конь,
она себя считает конской пищей.
Когда в тебя стреляют из винтовки
и ты протягиваешь к палачу ладонь,
то ты ничтожество, ты нищий...

Когда траву мы собираем в стог,
она благоухает.
А человек, попав в острог,
и плачет и вздыхает,
и бьется головой и бесится,
и пробует на простыне повеситься...

54.

Впервые — Новый мир. 1988. № 4.
Автограф — РНБ.

Владимир Николаевич Яхонтов (1899–1945) — чтец.

Александ Осипович Моргулис <так! — *Коммент.*> (1898–1938) — переводчик, друг О. Мандельштама и адресат его, так называемых, «моргулет» — шуточных стихотворений.

Повесть М. Зощенко «*Возвращенная молодость*» печаталась в это время в двух номерах журнала «Звезда» — № 8 и 10. Последний, вероятно, Хармс и имеет ввиду.

Яронея — искаж : ирония.

55.

Впервые — Новый мир. 1988. № 4.
Автограф — ЧС.
Печ. по фотокопии с автографа.

А. О. Моргулис — см. примеч. 54.

Брянцев Александр Александрович (1883–1961) — режиссер, основатель ТЮЗа.

Шварцы — см. примеч. 47.

Э. А. Русаковой

Эстер Александровна Русакова — первая жена Хармса. О ней см. примеч. 44.

56.

Впервые — СП-II.
Автограф — РНБ.

После: *я тебе её посвятил* — зачеркнуто:

Почему — не знаю сам.

Посылаю тебе вещь «Гвидон» — см. наст. изд. Т. 1. № 134 и примеч. Обратим внимание на то, что Хармс уклоняется от обозначения жанра; ср. также с заглавием «Вещь» прозаического текста (наст. изд. Т. 2. № 2).

Верни обратно — так, вероятно, и случилось, поскольку автограф «Гвидона» находится в архиве Хармса (так же как и публикуемое письмо).

Б. Ф. Семенову

Борис Федорович Семенов (р. 1910) — художник, мемуарист. Работал в тех же детских журналах, что и Хармс.

57.

Впервые — Семенов Б.
Время моих друзей: Воспоминания. Л.,1982
(по автографу из своего архива).

Н. И. Харджиеву

Николай Иванович Харджиев (1903–1996) — искусствовед. «Харджиев познакомился с Хармсом в 1928 году. Их связывали не только общие литературные вкусы и пристрастия, но и глубокая взаимная симпатия. Каждый раз, приезжая в Москву, Хармс в первую очередь отправлялся в Марьину Рощу к Николаю Ивановичу, а Харджиев, приезжая в Ленинград, всегда останавливался у Хармса» (Эрль В. Примечания // Хармсиздат представляет. СПб., 1995. С. 37). Здесь же приведен текст билета № 1 «Ордена равновесия с небольшой погрешностью» (см. наст. изд. Примеч. 9).

58.

Впервые — Хармсиздат представляет.
СПб., 1995.
Автограф — ЧС.

Не письма и не статьи о Хлебникове — Н. И. Харджиев занимался изданием сочинений В. Хлебникова и исследованием его творчества. Настоящее письмо Хармса, вероятно, инициировано выходом в свет кн.: В. Хлебников. Неизданные произведения. М., 1940, подготовленной Н. Харджиевым и Т. Грицем. В примечании 22 в тексте «От редакции» Харджиев выражает «особую благодарность» лицам, предоставившим ценные материалы, в том числе Д. И. Хармсу. По устному свидетельству очевидца, в некоем

частном собрании ныне хранится хармсовский экземпляр одной из книг Хлебникова.

есть коллекционеры денег — ср. с № 20.

коллекционеры своих собственных произведений — несомненно Хармс идентифицировал себя с таким коллекционером.

М. В. Малич — см. примеч. 36.

59.

Впервые — Хармсиздат представляет. СПб., 1995.
Автограф — ЧС.

Г. Е. Цыпину

Григорий Евгеньевич Цыпин (1899–1938) — директор Детиздата.

60.

Публикуется впервые.
Автограф — РНБ.

В настоящем письме обсуждается издание отдельной книгой перевода произведения В. Буша «Плих и Плюх» (см. № 24 и примеч).

Оболенская — см. № 24 и примеч.

И. П. Ювачеву

Иван Павлович Ювачев (1860–1940) — отец Д. Хармса. Публикуемые письма относятся к детским годам Хармса, когда его отец, служа ревизором в Управлении государственными сберегательными кассами (1903—1917), подолгу бывал в командировках и вел интенсивную переписку с семьей. Можно сказать, что письма сына к отцу были одной из форм освоения им навыков письма. Некоторые из этих писем утрачены.

61, 63—66

Впервые — Новое литературное обозрение. 1996. № 6.
Автографы — Государственный архив Тверской области.

Как отмечено в комментариях к первой публикации настоящих писем, они являются приписками или дополнениями к письмам его матери к И. П. Ювачеву (Строганова Е. Н. Из ранних лет Даниила Хармса // Указ. изд. С. 78–79).

62

Впервые — Литературная Россия. 1991. 22 февраля.
Автограф - Государственный архив Тверской области.

При первой публикации приводится также письмо И. П. Ювачева к сыну:

Вильно. <Март 1911 г.>.

Милый Даня! Получил твое большое письмо и в ответ на него напишу тебе маленькое.

Узнал, что ты облил себе лицо духами, отчего у тебя была сильная боль в глазах и ты много плакал. Потом узнал, что ты вертелся на стуле, упал на пол и сильно ушиб голову. Еще я узнал, что ты простудился, заболел и слег в постель. Все это очень огорчает меня, и я не придумаю, как бы так сделать, чтобы ты никогда не шалил и не болел.

Посылаю тебе и Лизе десять разноцветных яичек. Если у тебя есть лоточек, то хорошо их катать с лотка. В пятницу, 11 марта, ты должен получить посылку. Маме посылаю пряников, а тебе небольшую, но толстенную книжечку. Читай её на здоровье каждый день, но понемножечку. Сразу всю не прочитывай. Если понравится тебе эта книга, то пришлю вторую. Только будь здоров и не шали.

Поцелуй за меня твою сестрицу Лизу и пожелай ей доброго здоровья. Каждый день, утром и вечером, когда молишься, проси у Бога здоровья ей и себе.

Да хранит Вас Бог, мира и любви! Крепко тебя обнимаю и много раз целую.

Твой папа.

Отметим в первой фразе письма отца характерную для будущего творчества сына инверсию: на самом деле, письмо отца во много раз обширнее сыновнего.

Лиза — см. № 21 и примеч.

Мира и любви — аллюзия на псевдоним Миролюбов, под которым печатал свои религиозно-нравственные сочинения И. П. Ювачев.

64

Верхом на мушке — т. е. на Мушке, собаке, о ней пишет Н И. Ювачева мужу в своих письмах (Указ. соч. С. 79)

65

Маша — возможно, М. И. Колюбакина (см. примеч. 25).

Настя — в примеч. к первой публикации указано, что это «мамка Даниила, помогавшая растить и остальных детей Ювачевых (Указ. соч. С. 79).

66

В первой публикации отмечены эксперименты Хармса с графикой: «стремление писать не по правилам» (Указ. соч. С. 79).

Лиза — см. выше.

Неизвестному

Письмо адресовано доктору, который лечил Хармса во время его пребывания в ссылке в Курсе во второй половине 1932 г. Выскажем предположение, что это директор туберкулезного диспансера Шейндельс, с которым, судя по дневниковым записям Хармса, он беседовал о Гете.

67

**Впервые — Минувшее.
Автограф — РНБ.**

Geist — по-видимому, отзвук чтения Хармсом в 1933 г. «Разговоров с Гёте» И. П. Эккермана, где Гёте неоднократно обращается к этому емкому и трудно переводимому на другие языки понятию, означающему, одновременно, дух, сознание, разум.

151

Д. ХАРМС

ДОПОЛНЕНИЯ

СТИХОТВОРЕНИЯ

68

Медная ...

В медный таз ударю лапой,
Со стены две капли капнут,
Звонко звякнут
И иссякнут.

Тучи рыжих тараканов
Разбегутся со стаканов —
От пивных,
От пустых.

Ты посмотришь в тишину,
Улыбнешься на луну,
Углынешься на углу,
Покосишься на стену...

На щеке мелькнет румянец
вышитый
Догорает свечка бледная...
Тараканы рыжие,
Песня — красно — медная.

12 июня 1924
Daniel

Впервые — Русская литература. 1992. № 3. С. 156–157 (по списку Б. Ф. Семенова). Автограф — неизвестен.

А. Александров соотнес наст. ст-ние с «трилистниками» «Кипарисового ларца» И. Анненского (Александров А. А. О первых литературных опытах Даниила Хармса // Русская литература. 1992. № 3. С. 156–157).

69

мехом лисичьим
глаз поволокло́

вы́женец горький
золото имбирь
с горки на горку
вся Сибирь

крутится холмик
синим полачём
а глазки от холода
жмутся в кулачёк

ДаНиил Хармс
22 дек. 1925 г.

Впервые — Wiener Slawistischer Almanach. Band 27 1991. S. 217. Автограф — ИРЛИ (среди стихотворений, представленных Хармсом при вступлении в Союз поэтов — см. наст. изд. Т. 1. № 3—14).

70

Она как печь или баранок
На солнце высоком шестая
и в окна темного барака
четыре посоха довольно

Ночь на 1 мая <1926>

Впервые — СП-1. Автограф — РНБ (зачеркнут). В ст. 1 — над: *печь* - вариант: мех. Неясно, относится ли к ст-нию «В репей закутанная лошадь... » (наст. изд. Т. 1. № 15), над которым записано.

71

Свечка темень озори
бей кадилом вкруг лица
запестрели пузыри
на рубахе беглица

<Май 1926>

Публикуется впервые. Автограф — РНБ.
Над этим текстом зачеркнуто:

стало в городе темно
Низко туча. Скуден парус.
Грозен Витязь.

Правее публикуемого ст-ния записано:

Задовали ножи тона
бежит она.

Последняя запись, обведенная рамкой:

Май, день 7-ой.

откудо ты красавица?
из леса иль полей

72

лицо рахитика мне знакомо
за ушами неведомый страх
удивлённого рта осколок
поклоняется у креста
распухает глазное яблоко
отворачивается лицо
зарождается

<1927>

Публикуется впервые. Автограф — РНБ.
Правее записано:

уста горели в день по часу
А выме шлялось по груди
Он сторонился дуя часто
Там на соленый берег тот

Против ст. 3 — вопросительный знак.
Под этим текстом зачеркнуто:

И нет его когда проснулась
глухая рыбина в сетях
сперва просунулась головка
язык плечо рука и <1 нрзб>

Все эти тексты отделены горизонтальной линией от нижеследующего:

Вот она по берегу коровушку пасёт
Оля сокола для барина
стапориком лежит

73

Лик меня ежегодно робок
Меж людей и людских планет,
Но держусь я как держутся 1000
пробок
с морем в дружбе снуют не плывя
каждый раз говорю я нет
если мне полюбить велят
вымый рыбу вынь глаз
поговори один час
аз золот
——— сочен.

<1927>

Публикуется впервые. Автограф — РНБ.
Над текстом запись:

Написать Зосиму Четырёхспального.

74

А где же Рюрика забота
и белый запах кустарей
Уже дома грызёт забава
Власы пытаясь отогнать
Но как-то вдруг на землю пал
текучего Борея пыл

цыгаркой пень тая его
холодным парусом виясь

<1927>

Публикуется впервые. Автограф — РНБ.

75

Хлоп Хлоп Хлоп
прибежали дети
кричат они: гроб
слова кричат эти
то тихо то громко.
Одного звать Ромка,
другого Шурка
а третьего щурка.

Бабушка Рута
сказала круто:
прочь прочь
и темень и ночь
и глупые тени
и звезды олени.

на руках она ходила
из разбитого окна
с кавалером выходила
и садилась у окна.
Зарывала ребятишек
продавала огурцы
приходили без штанишек
недоростки молодцы.
И дарили саблю, ножик
но один кричит: не может,
а другой поет: зачем
эту саблю мне зачем
и садится в тарынтас
мы кричим ему Тарас.

<1927>

Впервые — СП-I. Автограф неизвестен.

В первой публикации датируется апрелем (с вопросом) и отмечено предположительное чтение слова «щурка».

76

Приказ от Римского владыки — Рыцарям Лохании

Всем рабам и купчихам
и другому подчиненному люду
собраться в село Кандуру <?>

<Май 1927>

Впервые — СП-I. Автограф — РНБ. Зачеркнуто над началом текста «Третий акт “Комедии Города Петербурга”»

77

спали турки угасая
руки под голову сложив.
тут выходит лугь косая
день без облачный прожив
Гроза! и в небо кулаком
деревню комкает брамин
ресницы падают клоками
в глаза воткнулся корабин

1927 года
Ночь с 21 на 22 мая
2 1/2 часа

Впервые — СП-I. Автограф — РНБ. В ст. 2: *под голову* — вместо зачеркнутого: кренделем; рядом записан вариант всего ст.:

дым под небо заложив

В ст. 3: *тут* - вместо зачеркнутого: в путь

В ст. 4: *день* - вместо зачеркнутого: дня; рядом записан вариант всего ст.:

кто проснется — будет жив

Выше ст-ния зачеркнут его первоначальный вариант·

валялись турки под балаганом
забыв труды небрежный дней
их думы вьются по Балканам
где воздух туп и холодней
держись! и в небо кулаками
деревню комкает брамин
ресницы падают клоками
в глаза воткнулся корабин

В ст. 2: *небрежных дней* — вместо зачеркнутого: и взяв жену

рядом со ст. 5—8 другой вариант:

дыра и боль под кулаками
и решито от злых дробин
ресницы падают клоками
в глаза воткнулся корабин

Наконец, над этим первоначальным вариантом записан, повидимому, самый первый набросок:

раскинув ноги и рты осклабив
труды забыв

78

Лежала наука в чудесных местах
Наука валяется в блеске листа
Ложатся в мох трескучие Мартыны
Под голову кладут амбар
Ужастный вдох. открыты рты

<Конец мая 1927>

Публикуется впервые. Автограф — РНБ.
Возможно, ст. 1—2 и 3—5 независимые фрагменты, но воспроизводим их так, как они записаны в автографе.

79

во фраке
во фраке

варьянты делали во мраке

<1927>

Впервые — СП-I. Автограф неизвестен.
В первой публикации датируется сентябрем (с вопросом).

80

тра та та та тра та та
растворились ворота
и от туда из ворот
вышел маленький народ.
один дядя вот такой
другой дядя вот такой
третий дядя вот такой
а четвёртый вот такой
одна тётя вот такая
а вторая вот такая
третья тётя вот такая
а четвёртая такая.
Стали дяденьки в кружок
Стали тётеньки в кружок
Стали дяденьки плясать
Стали тётеньки плясать
Но устали дяденьки
но устали тётеньки

<1929>

Впервые — СП-I. Автограф — РНБ.
Текст перечеркнут. Против ст. 5—12 ремарка:

Показывать рукой от пола.

Вероятно, одна из детских игр, написанием которых занимался Хармс (см. также № 149). Еще одно свиде-

тельство аналогичной работы Хармса — сохранившаяся в его архиве недатированная и неподписанная записка (вероятно, телефонограмма):

8 апреля к 5 часам просят явиться пр. 25 Октября 91 Горлит утверждены игры посланные Вами
Ж – 8 –18 – 49

81

Два конца
удалого гонца
его ус пузырь на щеке у носа

<Апрель — май 1929>

Публикуется впервые. Автограф — РНБ.
Ниже за горизонтальной линией записано:

На дому висела простыня белого цвета.

82

Ехал в тачке молодой
барин барин молодой
разговаривал с тобой
крутил светлой бородой.
Ты катался на санях
на подкове на дубине
держал в руцех копие
тыкал кучера Ивана
дергал возжи за усы
кричал сыну ————

<Май 1929>

Впервые — СП-I. Автограф — РНБ.
Текст зачеркнут. Слева записан также зачеркнутый вариант, отличающийся ст. 4:

барин барин Пантелей.

Выше подчеркнутый текст:

Ну давай бревно писать
Давай буквы составлять

— идентичный ст. 18–19 в наст. изд. № 100 (см. там же примеч.).

О необычайной популярности имени Иван в текстах Хармса см. в наст. изд. Т. 1. № 2 (примеч.). Здесь впервые у Хармса появляется имя Пантелей, которое встретим впоследствии в стихотворном (Т. 1. № 106) и нескольких прозаических текстах.

83

Вот мы сели на скамейки
растегнули пиджаки

<Вторая половина 1929>

Публикуется впервые. Автограф — РНБ (зачеркнут). Ниже, за горизонтальной чертой:

Все слова должны быть обязательны.

84

К о н д у к т о р (хору)

Вы чего распелись!
тут не место.
Где картонные билеты?

Х о р:

Вот билеты!
Вот конфеты!
А вот звонкие кларнеты!

К о н д у к т о р — Я на ближней
остановке высажу вас

<Сентябрь 1929>

Впервые — СП-I. Автограф — РНБ.

По-видимому, место действия этого фрагмента — трамвай; о популярности этого мотива в прозе Хармса см.: наст. изд. Т. 2. Примеч. 7.

85

Ветер в поле.
Ветер в небе
Вихрь в уши
воит песни
дождик в окна

<24 октября — 6 ноября 1929>

Публикуется впервые. Автограф — РНБ (зачеркнут).

86

и цветочек одноликий
закачался как тросник
над холмами закачался
закачался и поник.

<октябрь 1929>

Впервые — СП-I. Автограф — РНБ.

Поверх текста надпись: «Дрянь!»

Возможно, фрагмент варианта к тексту «Тюльпанов среди хореев» (наст. изд. Т. 1. № 63)

87

шаман стоял на двух ногах,
а дом стоял на четырёх ногах.

<Конец 1920-х>

Впервые — СП-II. Автограф — РНБ.

88

Г р и н ь — Забыл повеситься.
М а р ь я — Маппа, Каппа,
веревку на
Г р и н ь — Мачта! Забыл урок.
М а р ь я — Ныш. пыфа. кыфа. тум
Г р и н ь — Что-то туг на ухо стал
в ухо тухо кука.

<1930>

Впервые — СП-II. Автограф — РНБ.
В ст. 2: *веревку* — вместо зачеркнутого: верву.

На следующем листе записной тетради — другой вариант:

Г р и н ь — Забыл повеситься.
(*все разводят руками*)

Г р и н ь — Мачта была. А я
брат мачты.
Ел хлеб и читал Библию.
А вы что делали?
(*все молчат*).

Г р и н ь — Сознаюсь я забыл урок.

М а р ь я — Маппа, каппа
давень бес
лодки лезут
каждый нес
всю пеахонь мне поверь
я сторожила дома пверь
глядела я конды, а тот
меня жибую смахал дот

Г р и н ь — Забыл повеситься — цитата из «Дейма» А. Крученых (отмечено: Сигей С. Заумь — Абсурд — Драма // Литературное обозрение. 1994. № 9/10. С. 56).

89

Буквы складывать приятно

<1930>

Впервые — СП-III. Автограф — РНБ (зачеркнут).

90

О Че! О чело! О челоче!
восемь дырок в твоём плече.
ты поставь из глины кран
сам реке

<1930>

Публикуется впервые. Автограф — РНБ. Ст. 3–4 зачеркнуты.

После следующего на этом листе автографа текста «Скавка» (наст. изд. Т. 1. № 115) записан однострок:

Селó сéло

Ст. 1 ср. с прозаическим текстом того же 1930 г.

«Давайте посмотрим в окно... »:

Графин сказал:
- О Че! О Чело! О Челоче! скажи мне как у вас живут? Что делают?»
(наст. изд. Т. 2. № 9).

91

В шкапу стояла мать моя
над ней сюртук висел
Я сам в душе кровать тая
задумчивый сидел
Но вдруг приходит новый год
и первое число

ко мне ложится на живот
я чувствую весло.

4 янв. 1930 года.

Впервые — СП-II. Автограф — РНБ.
Между текстом и датой записано: «опять затмение».

92

в грязи доволен жить сохой
в близи румяного профессора
на встречу кланялся сухой

4 янв. 1930.

Впервые — СП-II. Автограф — РНБ.

93

Набегали в дом два татарина
все шкапы они перевёртывали
клали золото на дно кабуры

<Февраль 1930>

Публикуется впервые. Автограф — РНБ.
Выше записан, по-видимому, первоначальный вариан

Набегали в дом тучи камушев
укрывалися

94

не подойти к реке.
в реке воды нет.
Сухое дно покрыто мхом.
Кто взор к Богу подымет
ангел верхом.
в лодку сядем
лодка мели

<1930>

Впервые — СП-II. Автограф — РНБ.

Справа записан, по-видимому, связанный с публикуемым текст:

Площадь Ку покрыта мхом
кто поднимет Бога план
ангел верхом
долго Богу не зволан.

Ку — ср. в наст. изд. Т. 1. № 50 и примеч.

95

мы знаем то и это.
мы знаем фыр
и кыр из пистолета
мы знаем памяти
столбы,
но в книгу прятаться
слабы.

д. х.
<август 1930>

Впервые — Чукоккала: Рукописный альманах Корнея Чуковского. М., 1979. С. 391. Автограф — ЧС.

То и это — ср. наст. изд. № 15 и примеч.

96

Нука триста раз покой

<19 августа 1930 года>

Публикуется впервые. Автограф — РНБ.

97

довольно в берлоге
ворочился бобр
голодные боги
планету вертели
как рыба дышали

168

как пчёлы летели
как мысли бежали
тряслись как рогожи.
тряслись как рогожи
блондины гвардейцы
скакали. О Боже!
стрелки как индейцы
но в нашем картоне
не дремлют капланы
и к небу ладони
бросают уланы

<Декабрь 1930>

Впервые — СП-II. Автограф — РНБ (зачеркнут). После ст. 7 вычеркнут ст.:

худые недели

В ст. 14: *капланы* — вместо зачеркнутого: уланы

98

скакала конница. бандуры
в каждом доме слишком выли
были кони слишком буры
скакуны в кольчугах были
вдруг проскачет конь. рубашка
вдруг проскачет. слишком резко
над конём взовьётся шашка
рухнет конь. мелькнёт железка
то то бились наши деды.
пикой легкою владея
битвы прочь под гром победы
конь уносит Чародея

<Конец 1930>

Впервые — СП-II. Автограф — РНБ (зачеркнут).

Ниже зачеркнуто:

169

Хохлов -

Моя ноёт ранка
посмотриш туда
ноет рана

Персонажа с фамилией *Хохлов* у Хармса встречаем лишь в «Цирке Принтинпрам» 1940 г. (наст. изд. Т. 3. № 52); *моя ноёт ранка* — ср. с «Моя рана горит... » в тексте 1929 г. «История Сдыгр Аппр» (наст. изд. Т. 2. № 1 и примеч).

99

Отрывок

По дорогам и пустыням
Ходит смерть и всех зовет
Небо стало бледно-синим
Солнце по небу плывет
Люди плачут
Люди молят
Небо молят
И зовут.
И молчит сияет небо
Люди также страшно мрут
Днем прекрасным
Ночью страшной
Также тихо и темно
Настигает смерть
несчастных...
Я строю башню на скале
И прячусь в ней.
Что мне до ужасов людских
До смерти, до людей
И в башне я живу один
Я всех людей умней.
Мечты и смерти господин
Моя поет свирель
И день провожу у окна и гляжу
И песнь я громко и смело пою

И люди смешные
Всю башню долбят
И дети их плачут
И жены кричат.
Потом убедившись
Уходят они.
И громко клянутся
Погибнешь и ты.
Но нет уж старших
И нет людей
И только слышу
Я вопль детей
И слышу громкий
протяжный вой
Пусти нас милый, пусти
родной.
И им в окошко
Кричу я сам
Идите дети
Все по домам
Идите дети
Не надо вас.

<1925—1931>

Впервые — De Visu. 1992. № 0. С. 26 (по копии ОГПУ). Автограф неизвестен.

Настоящее ст-ние (как и следующее) сохранилось в копии в «Сборнике контр-революционных произведений нелегальной антисоветской группы детских писателей. Выпуск 1-й». О текстологической достоверности текстов «Сборника... » см. преамбулу к примечаниям. По мнению А. Г. Герасимовой и И. С. Мальского текст распадается «на два отдельных куска»: до многоточия и после него (De Visu. 1992. № 0. С. 33).

100

Забавное деление мира попалам

... Вторая половина
Стихи лежащие перед тобою
написаны моей рукой

полны бессмысленных творений
законом всех стихотворений
куда красавица Мария
летит проснувшись как пчела...
Тебя родили смыслоплет
твоих мечтаний переулки
и быстрых нянек самолет
Когда тукна дверь стояла
Ветром настежь по бокам
Лампа тухла и воняла
небо липло к облакам
шкап нагнулся
милый шкап
в ухо принялся кричать:
Ну давай бревно писать
давай буквы составлять
давай дергать за веревку
смыслы разные сплетать.
Надо мной плывет Мария
души гонит хворостиной
лбы высокие сараи
тихо в воздухе почиют
девы пламенные ляли
в небо смутное глядят
а внизу простые люди
на скамеечках сидят

Первый человек:

Будет в нынешнем году
Не хорошая зима
Снега множество корзин
Весь усыпет магазин.

Второй человек:

МНОГО НЯНЕК ПЕРЕМРЕТ
ПТИЦЫ ВЫТОПЧУТ ЗЕРНО
ТО-ТО БУДЕТ ПЕРЕПЛЕТ
Коль до нянек все равно

П е р в ы й ч е л о в е к:
Ты когда-нибудь скакал

В т о р о й ч е л о в е к:
Даже небо протолкал

П е р в ы й ч е л о в е к:
Я это так и полагал

В т о р о й ч е л о в е к:
А я вовсе не скакал

Оба человека встают со скамеечек и смотрят друг на друга

Над ними легкая, простая
Летает птиц крестьянских стая
и дева пламенной ляли
стоит в красивом отдалении
И маленькие люди
Гуляют мрачно, как поленья
И хрупкие тележки по комнатам
бегут
А люди как полешки, как камушки
встают.

Д. Хармс.
<1925—1931>

Впервые — De Visu. 1992. № 2. С. 28 (по копии ОГПУ — см. примеч. к № 98). Автограф неизвестен.

Наст. ст-ние имеет множество несомненных признаков принадлежности Хармсу: двусмысленный каламбур в заглавии; фрагмент: *Ну давай бревно писать ∞ смыслы разные сплетать* — с незачительным вариантом см. в наст. изд. Т. 1. № 76. Ст. 34–36; *Мария* — одно из самым популярных женских имен среди персонажей Хармса; няня, лампа, шкап, дева и др. — популярные и устойчивые мотивы его произведений.

101

сняв шляпу англицкого фетра
чтоб не бояться силы ветра

Стоит она моя столица
моя прозрачная царица.

<1931>

Впервые — СП-III. Автограф — РНБ.

Весь этот текст заключен Хармсом в круг. Справа записано:

Приходит мысль тогда
а ныне правит человечество.

102

Куда взгляну
Кому поверю
Кому открою дверь страницу

<1931>

Впервые — СП-III. Автограф — РНБ (зачеркнут).

Записан над текстом «Роберт Мабр — Ну с начинаю... » (наст. изд. Т. 1. № 306), но невозможно уверенно утверждать связь этих двух текстов.

103

Я встретил своего друга.
Я едва узнал его.

<1931>

Впервые — СП-III. Автограф — РНБ.

104

Вот растворилось окно
в доме напротив.
Девушка в чёрном платье
с белым воротником
глядит на меня

<1931>

Публикуется впервые. Автограф — РНБ (зачеркнут).

Написано одновременно с еще несколькими аналогичными по содержанию текстами (см. наст. изд. Т. 1. № 162–165).

105

чего бы нам не говорили
хозяины холмов
мы не поверим и не покажем
стада козлиных голов

<1 января 1931>

Впервые — СП-III. Автограф — РНБ.

106

лыжа — добегу-ли?
вейка — докачусь-ли?
мын — докамую-ли?
вофа — где счеты?

<Вторая половина 1931>

Впервые — СП-III. Автограф — РНБ.

107

вашими вашими
словами изображу конец
тридцать первого года.
На линейке ваших лет нанесу
крупные насечки
мысленных бурь

<Вторая половина 1931>

Впервые — СП-III. Автограф — РНБ.

108

На сиянии дня месяца июня
говорил Даниил с окном
слышанное сохранил
и тким образом увидеть думая свет
говорил солнцу: солнце посвети в
меня
проткни меня солнце семь раз
ибо девятью драми жив я
следу злости и зависти выход низ
пище хлебу и воде рот мой
страсти физике язык мой
ве и дханию ноздрями путь
два уха для слушания
и свету окно глаза мои.

<Вторая половина 1931>

Впервые — СП-III. Автограф неизвестен.

Соотносится с несколькими стихотворными молитвами Хармса (см. наст. изд. Т. 1. № 138, 241). Отметим стилизацию текста под древнерусское (сокращенное, под титлами) письмо.

109

вода внизу отразила всё то,
что наверху.
Вход закрыт. Только тому кто
вышел из воды и чист,
откроется вход.
Путник идёт по зелёному саду.
Деревья, трава и цветы
делают своё дело.
И во всём натура.
Вот огромный камень кубической
формы. А на камне сидит и
повелевает натурой.
Кто знает больше чем этот
человек?

<1930—1933>

Впервые — Минувшее. Автограф — РНБ.
Под текстом за чертой запись:

неправильно

Связан с мотивом воды в других многочисленных текстах Хармса.

110

Трава

<1>

Однажды девушка плела
свою прекрасную косу.
Вдруг видит — молния-стрела
попала в дерево в лесу.
И в щепки дерево летит.
В испуге девушка сидит,
раскрыв широкие глаза.
И вот уж кончилась гроза.

<2>

Когда в густой траве гуляет конь,
она себя считает конской пищей.
Когда в тебя стреляют из винтовки,
и ты протягиваешь палачу ладонь,
то ты ничтожество, ты нищий.

Когда душистую траву сбирают в стог,
она благоухает.
А человек, попав в острог,
и плачет, и вздыхает,
и бьётся головой, и бесится,
и пробует на простыне повеситься.
Но только он вкушает лук,
он вспоминает дивный луг.

<1931—1933?>

Впервые — СП-III. Записано по памяти: <1> — В. Н. Петровым (о нем см. наст. изд. Т. 2. № 143 <26>); <2> — Е. В. Сафоновой (о ней см. наст. изд. Т. 2. № 21).

111

Я начинаю разговор,
поднимаю семафор,
звоню в маленький звонок,
люди скачут со всех ног

<1931—1933?>

Впервые — СП-III. Автограф неизвестен.

112

А ноль божественное дело.
Ноль — числовое колесо.
Ноль — это дух и это тело,
вода и лодка и весло.

<1933?>

Впервые — СП-IV. Автограф неизвестен.

При первой публикации пояснение: «Отрывок предоставлен нам Н. И. Харджиевым со следующим примечанием: “Записано мною по памяти в 1933 г. Хармс часто повторял эти стихи (отрывки?!) вслух. По всей вероятности, они тогда же и были написаны. Н. Харджиев”».

Этот текст связан, с одной стороны, с размышлениями Хармса о свойствах чисел и ноля (нуля), с другой — с такими как «О водяных кругах» (наст. изд. Т. 1. № 190) с характерной и там и тут связью ноля и воды.

113

От знаков кружится сознанье,
все вещи выглядят иначе,
кто человек, души созданье,
тот изменяется тем паче.

<Осень? 1933>

Впервые — СП-IV. Автограф неизвестен.

114

День превращается в ночь как вода
сутки вертятся, проходят года
люди растут словно листья травы
одни ошибались, другие правы
когда утверждали, что время — река
ребёнок достигнув умом старика

<Осень? 1933>

Впервые — ПС-IV. Автограф неизвестен.

Характерное и уже отмечавшееся соположение ребенка и старика (см. № 10 и примеч.).

115

Я многое тебе сказал
а ты обрезала ножом
Я подбегал к тебе четыре дня
в окно заглядывал прищуря глаз
я брови строго сдвинув
стоял у косяка.
в моих костях в то время шла
работа
а в легких воздух вентилировал

<1933>

Впервые — СП-III. Автограф — РНБ.
Вместо ст. 6 зачеркнуто:

смотрел в твои зрачки
стоял годами неподвижно
я прислонясь к дверному косяку
обдумывал свои дела
я называл

Прислонясь к дверному косяку — отметим удивительную параллель со 2 ст. «Гамлета» Пастернака со схожими мотивировками: «обдумывал свои дела» у Хармса и «Я ловлю в далеком отголоске / Что случится на моем веку» у Пастернака.

116

но мною ноль в траве замеченный
лежал с горизонтальной
поперечиной

<1933>

Впервые — СП-IV. Автограф — РНБ (под серией портретных зарисовок пером и изображением буквы фиты, которую Хармс использовал при письме в 1933 г. и которую в публикуемом ст-нии он называет нолем с горизонтальной поперечиной).

117

я сделал шаг и вдруг назад
бегом пустился в Летний сад.
в саду поднявшись со скамейки
девица шла в берете белом
прямая в верх как по линейке
она играла своим телом.

<1933>

Впервые — Цирк Шардам. Автограф — РНБ.
Ниже текста — зачеркнутое продолжение:

Её догнать моя забота
бегу вперёд изныв от пота.
А солнце греет мозжечёк
и все прохожие распарены.
и даже старый старичёк
сидел на солнце в виде
человеческой развалины.

Над текстом:

Наш мастер <?> Соколов
умней и выше всех голов

Пропущенное слово в ст. 1 не читается ввиду повреждения листа; в ст. 2: *умней* - вместо зачеркнутого: летает.

Справа от публикуемого текста:

И сталь и блеск послушных глаз
предназначаю лишь для вас

Летний сад — одно из излюбленных мест прогулок Хармса; фигурирует в нескольких текстах (см. примеч. 5).

118

смотрел в окно красивый Пятаков
и все смотрели на него и говорили
— вот он каков

<1933>

Впервые — ПС-III. Автограф — РНБ (зачеркнут).

Пятаков — персонаж нескольких текстов Хармса (см. наст. изд. Т. 1 и 3).

119

Г е р а с и м (входя и тот час же
выходя)

М а к а р о в (надсаживаясь поёт):

Я несу в руках тарелку
воздух воздух не звенит.
время быстро водит стрелку
и часы возьми. взгляни.

<Август 1933>

Впервые — Цирк Шардам. Автограф — РНБ.

Макаров — персонаж еще трех текстов Хармса (см. наст. изд. Т. 2. № 96, 143 <17> и <20>), отсылающий, возможно, к псевдониму Николай Макаров друга Хармса Н. М. Олейникова.

120

Вот в эту дверь
Я постучу
Сердитая Фортуна
Меня быть может в дверь
пропустит

<1933>

Публикуется впервые. Автограф — РНБ.
После ст. 2 зачеркнуто:

Быть может строгая Фортуна

Выше зачеркнуто:

Вот в эту дверь
Уже пол века
Никто не входит.

121

Старец, что сына убил,
назывался Патреем
Год проходил и тогда

<1933>

Впервые — СП-III. Автограф — РНБ.

Патрей — возможно, каламбур от лат. Pater: отец, т. е. старец назывался отцом.

122

Жил однажды мистер Том
он свистел как птица ртом

<1933>

Впервые — СП-III. Автограф — РНБ.

123

О н :

Я тут.

О н а :

Я тоже.

183

О н :

Я плут

О н а :

и что же?

О н :

влюблён.

О н а :

в кого же?

О н :

в тебя в тебя

О н а :

О Боже!

О н :

Кувшин с водой
мне ночью снился
Я ждал тебя
Я так бесился

<1933>

Впервые — СП-III. Автограф — РНБ.

124

К тебе Тамара мой порыв
назрел и лопнул как нарыв

<Январь 1933>

Впервые — СП-III. Автограф — РНБ.

Тамара Александровна Липавская — см. примеч. к 28. В связи с изучением и использованием Хармсом в своем творчестве идей А. Бергсона (см. наст. изд. Т. 1. Примеч. 261) заметим, что жизненный порыв (Elan vital) — одно из основных понятий его философии.

125

Писатель Шварц и писатель Бабасов

Пис. Шварц:

Едва открою только рот

Пис. Бабасов:

А я как раз наоборот

<1933>

Впервые — СП-III. Автограф — РНБ.

Характерное сочетание реального лица — писателя, драматурга Евгения Львовича *Шварца* (см. примеч. 24) с вымышленным персонажем.

126

Я бегал всю ночь
во всю прыть, во всю мочь.

<Апрель 1933>

Впервые — СП-III. Автограф — РНБ.

127

цыган с мохнатыми бровями
сидел на лошади верхом
он трубку чёрную курил

он был суров и молчалив
его лица прямые складки
пугали

<Август 1933>

Впервые — СП-III. Автограф — РНБ.

Этому неоконченному тексту предшествуют еще два наброска:

<1>

цыган, с косматой бородой,
летел красиво над водой
он растопырев мускулистые руки
летал по правилам летательной
науки.

<2>

цыган с косматой бородой
летал над светлою водой.

128

осень быстро наступает
в небе солнце не блестит
в окна муха не влетает
в рощах птица не свистит

17 окт. 1933

Впервые — Цирк Шардам. Автограф — РНБ.

Ниже подряд записано и зачеркнуто (предположительно делим на отдельные тексты):

<1>

ветры с севера задуют
с неба будет падать снег
вот и в речке скоро струи
свой оставят быстрый бег.

186

Что случилось? На дорожке
дети больше не кричат
и в стеклянные окошки
целый день дожди стучат.
возле речки кустик бедный
головой к земле поник
сверху дождик надоедный
льётся нам за воротник.
Я хожу поднявши ворот.
ветер треплет галстук мой.
Значит завтра едим в город
мы из лагеря домой.

<2>

Мы ребята едим в город
скрылся лагерь наш давно.
мы глядим, поднявши ворот,
из вагона, сквозь окно.

вон в дали идут гурьбою
люди из лесу домой,
вон завод мелькнул трубою
значит скоро город мой.

<3>

Я охотник, в эту сумку
на два дня гладу еду
взяв ружьё и крикнув «Пумку»
на тетёрку в лес иду.

<4>

По дороге еле еле
старичок идёт пешком
в старой трёпаной шинели
подпоясан ремешком.

На другом листе повторен публикуемый текст и за ним зачеркнуто:

только дождик надоедный
целый день из тучи льёт.

По дороге путник бедный
в город Колпицын идёт.

129

ноты вижу
вижу мрак
вижу лилию дурак
серде кокус
впрочем нет
мир не фокус
впрочем да

<1933>

Впервые — СП-III. Автограф — Ч.С.

О символическом значении *лилии* см. наст. изд. Т. 1 Примеч. 64.

130

Граматики точный конь
арифметики плямба
ножом бы разрезать щёки твои
топором отрубить бы твой хвост
заманить бы тебя в лес
заманить бы тебя в лес
о дяденька друга моего.

Впервые — СП-III. Автограф — РНБ.

В ст. 1: *Граматики* — исправлено вместо: грамоты

В ст. 5-6: *лес* — вместо зачеркнутого: сарай

После ст. 7 зачеркнуто:

Или хочешь кисточку подарю тебя
или чашечку из

131

Рыба свой бросала взор
на солдата. Но судья
громко крикнул: Это вздор
тем солдатом был ведь я
тут присяжный ряд сидело

<1933>

Впервые — СП-III. Автограф неизвестен.

В комментарии к первой публикации указано, что текст зачеркнут.

132

Слетели мы с беспечной вышки
я пил вино, ты ела пышки,

<1933>

Впервые — СП-III. Автограф неизвестен.

Ниже зачеркнуто:

Моя фигура слишком пресна
а ты всегда всегда красна

133

Как хотите
как хотите
но надо согласиться
что в наших мыслях
живут особые люди.

<Май 1934>

Впервые — СП-III. Автограф — РНБ.

134

Случилось так, что кто то, раз
Упал на мельницу как раз.
А мельник выбежал к реке
С дубинкой толстою в руке.

<1933—1935>

Впервые — СП-III. Автограф — РНБ.

Ниже записан парафраз:

Случилось так, что кто-то раз
Упал под лестницу как раз.

Публикуемый текст можно соотнести с «мельничными» ст-ниями Хармса, писавшимися в 1930—1931 гг. (о параллели с аналогичным циклом Гете и прямых цитатах из него у Хармса см.: Цирк Шардам. Примеч. 201).

135

В одном прекрасном садоводстве
Кассир играл всегда на сходстве
Себя с директором всего
роскошного садоводства.
Кассир над мелкими служащими
чувствовал своё превосходство.

<1933—1935>

Впервые — СП-III. Автограф — РНБ.

136

Месяц в окна светом бил
Петр Палыч водку пил

<Январь 1935>

Впервые — СП-IV. Автограф — РНБ.

Петр Палыч — см. также наст. изд. Т. 1. № 178 и примеч; Т. 2. № 1.

137

Жену ударив молотком он в двери
выскочил стремглав
Жена от злости почернев, схватила
книгу со стола

<Январь 1935>

Публикуется впервые. Автограф — РНБ.

138

Антон Болгарин

Антон Болгарин в грудь
толкнул Петра Хвостова
Свалился Петр. Вздрогнул дом.
Взмахнул рукой
Антон Болгарин снова

<Январь 1935>

Впервые — СП-IV. Автограф — РНБ (зачеркнут).

Имя *Антон* — одно из самых популярных среди персонажей Хармса (см. наст изд. Т. 1—3).

139

Господи, накорми меня
телом Твоим
Чтобы проснулась во мне
жажда движения Твоего.
Господи напои меня
кровью Твоею

191

Чтобы воскресла во мне сила
стихосложения Моего.

13 мая <1935>

Впервые — СП-IV. Автограф — РНБ.

Относится к комплексу молитв Хармса (ср. с еще одной, написанной в тот же день: наст. изд. Т. 1. № 241; см. также Т. 1. № 138).

140

Что стоишь ты возле дома
Что глядишь в моё окно
Мне лицо твоё знакомо
Всё то тонкости давно

<Август 1935>

Публикуется впервые. Автограф — РНБ.

141

Солнце грянуло с небес.
Покачнулся твёрдый лес
Птицы громко заголосили
Приступая к тысячи мелких дел
Им в ответ, но в малой силе
Хор жуков и мух пропел
Пар от рек поехал в небо
Славя тем начало дня
Стайки рыбок славят Феба
Зайцы славят столп огня
Толпой на холм взобравшись
грозно
Прицелившись в солнце кулаком
Дикари стоят серьозно
Смех им вовсе не знаком
Лишь наполнив солнцем нутро
Прекращают свой обряд

192

Так они встречают утро
Много много много много
Много сотен лет подряд

<Август 1935>

Впервые — СП-IV. Автограф — РНБ.
Ст. 2 вместо зачеркнутого:

На земле проснулся лес

В ст. 6: *пропел* — написано над зачеркнутым: *громко* — и оставшимся незачеркнутым: *загудел*

После ст. 8 зачеркнуто:

Секретарь колхоза глобус
Вдруг размазал мёд по хлебу
Съел его. И сел в автобус
На щеке убив слепня

(Здесь в ст. 2: *размазав мёд* — вместо ранее зачеркнутого: рассыпав соль)

После ст. 14 зачеркнуто:

Так они встречают утро

В ст. 15: *Лишь* - вместо зачеркнутого: Своё

После ст. 17 зачеркнуто:

Много сотен лет подряд

142

с плечь по бедрам прямо в землю
льются реки дивных кос

<Первая половина 1930-х>

Публикуется впервые. Автограф — РНБ.

143

Л е п е с т к о в:

Это вы ко мне стучали
эту ночь?

С а м б а к о в:

Да, томился я в печали.
Вы могли бы мне помочь.

Л е п е с т к о в:

Я конечно вам помог бы
Если сам бы не промок бы

С а м б а к о в:

Вы мне точно помогли б
Если только бы могли б

<Первая половина 1930-х>

Публикуется впервые. Автограф — РНБ.

144

1. На крыше дома
больше видно
чем внизу
на камнях дома
сверху видно до Кронштата
снизу дальше рук ни зги.

2.

<Первая половина 1930-х>

Впервые — СП-III. Автограф — РНБ.
Искаженное *Кронштадт* — город вблизи Ленинграда.

145

Сколько в небе светлых точек,
Столько в поле твёрдых кочек.

<Первая половина 1930-х>

Публикуется впервые. Автограф — РНБ.

146

Иван Петрович падал в воду.
Упал, исчез, но нет, пока
Виднелись там всему народу
Затылок, руки и бока.

<Середина 1930-х>

Впервые — Цирк Шардам. Автограф — РНБ.

Под текстом запись:

Тема. Рыцарь просил у дамы вина, дама дала вино.

Иван Петрович — наименование персонажа нескольких текстов Хармса (см. наст. изд. Т. 1—3).
Тема и далее — ср. примеч. 18.

147

Джек Бильдербай из Померси

Джек Бильдербай из Поммерси
Надевает шляпу с пером.
Джек Бильдербай из Поммерси
Садится на быстрого коня.

Кэт Сонджертрю из Кэпчертауль
Напряжённо смотрит в окно
Кэт Сонджертрю из Кэпчертауль
С дороги не сводит глаз.

<Середина 1930-х>

Публикуется впервые. Автограф — ИРЛИ.

Между заглавием и текстом записаны, по-видимому, варианты заглавия и первых ст.:

Весёлый господин
Джек Бильдербай из Поммерси
Одиныжды один

Кэт Сонджертрю из Кэнгертауль
Весёлая Вдова
Кэт Сонджертю из Кэпчертауль
Родился Майкль Джингельтроп
Джингельтроп
В Кэмпольдертри
В кэмпольдертри

148

Молодец — испечец

Намешу в бадье муку
Да лепешку испеку.
Положу туда изюм,
Чтобы вкусно стало всем.
Гости к вечеру пришли
Им лепешку подали.
Вот вам, гости, ешьте, жуйте,
В рот лепешку живо суйте.
И скорей скажите нам:
Наша лепешка вкусна вам?
Гости хором мне в ответ:
«Второй лепешки такой нет,
Потому лепешка та
Не плоха, а вкуснота!»
– Вот какой я молодей!
Вот какой я испечец!

<Середина 1930-х>

Впервые — Нева. 1988. № 2. С. 204. Автограф — ЧС.

Примечание при первой публикации: «Сочинено для розыгрыша редакции «Чижа», устроенного Д. И. Хармсом и Н. В. Гернет»

149

Сценарий елочной песни для К. Н. Шнейдер

Мы скачем и пляшем
Вокруг елки
Мы скачем и пляшем
А на елке висит картонный
барашек
Мы скачем и пляшем
А на елке горит 158 свечей!
На елке горит 158 свечей!
А мы то скачем и пляшем
И хлопаем в ладоши
И поём такую песню:

Мы скачем и пляшем
Вокруг ёлки
Мы скачем пляшем
И так трясём пол
Что на елке картоный барашек
Качается во все стороны
И 158 свечей
Трещат и мигают.
158 свечей трещат и мигают.
А мы то скачем и пляшем
И хлопаем в ладоши
и поём такую песню:

Мы скачем и пляшем
Вокруг елки
Мы скачем и пляшем
И топаем ногами.

И картонный барашек
Свалился с ветки и упал на пол,
И вот одна свеча уже потухла,
А мы-то всё скачем и пляшем
И хлопаем в ладоши
И поём весёлые песни.

<Середина 1930-х>

Публикуется впервые. Автограф — РНБ.

Ксения Николаевна Шнейдер (1900–1971) — драматург, прозаик; в 1930-е гг. — автор сценариев представлений для школьных театральных кружков (см.: Школьный театр первой ступени: Методический репертуарный сборник / Под ред. Н. Гернет и К. Шнейдер. Л., 1933).

150

Куда исчезла тишина
Холма зелёного и леса

<Середина 1930-х>

Впервые — СП-IV. Автограф неизвестен.

151

Вот говорят земля имеет форму
шара
Позвольте вам задать вопрос:
Мы дышем. Из ноздрей выходит
облак пара
Мы говорим: на улице мороз.
Среди валов

<Середина 1930-х>

Впервые — СП-IV. Автограф — РНБ (зачеркнут).

152

Настала ночь. Рукой блудливой
Старик несёт ко рту стакан
Младого сына взгляд пытливый

<Середина 1930-х>

Впервые — СП-IV. Автограф — РНБ.

153

В окно гляжу на суету людскую
И думаю: зачем спешить
В покое сладостно тоскую
Мне право так приятней жить.

<Середина 1930-х>

Впервые — Цирк Шардам. Автограф — РНБ.

154

Часть I (1)

Что за люди там и тут
Во все стороны бегут?
Что за гром и беготня,
Крик и треск и толкотня?
Может в дом ударил гром,
И на площадь рухнул дом?
Или солнца треснул шар?
Иль на месяце пожар?

Отвечает мне народ:
Нет, как раз наоборот:
Этот грохот от восторга,
Потому что там и тут
В магазины Ленскупторга
Люди толпами бегут.

199

Широко раскинул сети
Магазинов Ленскупторг,
Потому-то в целом свете
Ликованье и восторг.
Даже маленькие дети
Восклицают: «Ленскупторг!»

В Ленскупторге принимают
На комиссию товары
Продают и покупают
Лампы, чашки, самовары,
Стулья, кресла и картины,
Чемоданы и корзины,
Платье, обувь, шапки, шубы,
Пианино, флейты, трубы,
Бронзу, фотоаппараты
И бухарские халаты,
И хрусталь любой игры,
И роскошные ковры.
Тут же мебель обивают,
Полируют, обновляют
И, улучшив в сорок раз,
Выставляют напоказ.

Удивитесь вы таланту
Ленскупторговских работ,
Платит он по прейскуранту
Тут же сразу, без хлопот.
Агентура Ленскупторга
Помогает людям жить,
По квартирам ходит бодро,
Предлагает услужить.
Потребитель Ленскупторга
Просто ходит сам не свой,
Просто скачет от восторга
И бормочет сам с собой:
Ленскупторг!
Ленскупторг!
Ты привел меня в восторг!

Хармс
<1935—1938>

Впервые — Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1990 год. СПб., 1995. Автограф — ИРЛИ. Ввиду недоступности автографа, печ. по первой публикации. Имеются две редакции настоящего текста:

Часть II (1/2)

Чтобы было очень радо
Ленинграда населенье,
В каждой части Ленинграда
Ленскупторга отделенье,
В отделеньях принимают

Далее следует публикуемый текст со ст. 22.

Часть III (1/4)

Ст. 1–4 Части II
Затем следует:

Там и мебель, и фарфоры,
Там и бронза, и ковры,
И научные приборы,
И хрусталь любой игры.
Там и обувь, там и платья,
Приводящие в восторг —
Нет, не в силах рассказать я,
Как прекрасен Ленскупторг.
Там и купишь и продашь,
И получишь и отдашь,
А насмотришься такого,
Что забудешь Эрмитаж!

Цифрами в скобках, по-видимому, обозначено соотношение объемов текстов относительно друг друга, и не исключено, что это три варианта стихотворной рекламы, написанной Хармсом для Ленскупторга.

Несомненной рекламой Ленскупторга являются также несколько текстов, написанных Хармсом, видимо, в 1940 г. (автографы находятся в ИРЛИ в записной тетради среди черновиков детского стихотворения «По реке плывет кораблик...», опубл.: «Чиж». 1940. №5):

<1>
Ленскупторг
Входите смело не товары,
а восторг

<2>
Ленскупторг да Эрмитаж
Прославляют город наш.

<3>
Искал по свету но в восторг
Меня привел лишь Ленскупторг.

<4>
Зоосад — все дети в раже!
Взрослым — радость в Эрмитаже.
Все вы будете в восторге
Только в нашем Ленскупторге.

<5>
Будьте счастлив, гражданин!
Ленскупторга магазин
Даст вам все на свете,
Взрослые и дети!
Предоставит в тот же час
Все, что надобно для вас!

<6>
Взять от жизни все что надо!
В Лен-скуп-торге — вся отрада.

К этому стихотворчеству, как видно, приобщился и доктор Шапо (см. примеч. 25), поскольку среди приведенных текстов Хармса есть и подписанный им:

Я старый брак расторг.
Все вещи в Ленскупторг.

У Хармса имеются дневниковые записи о посещении комиссионных магазинов. По-видимому, и последний его арест 23 августа 1941 г. был произведен на пути Хармса в

такой магазин. Об этом можно судить по протоколу его личного обыска в НКВД: «... 16) Кольцо белого металла с большим желтым камнем. 17) Кольцо желт. металла. 18) Три стопки и одна рюмка белого металла... 21) Две медные и одна дер. иконка. 22) Брошка формы восьмиугольника с разноцветными камнями и с надписью “Святый Иерусалим (Апок. XXI гл.) 22 апр. 1907 г. СПБ” желтого металла, одна... » («... Сборище друзей, оставленных судьбою». Указ. изд. Т. 2. С. 594).

155

О надоедливой Фирфафусе Гоминой

Ни одна в меня красотка
Не бывала влюблена.
Вдруг нежданная находка:
Фирфафуся Гомина!

Сам не знаю, что случилось,
И не знаю, кто она,
Только знаю, что влюбилась
Фирфафуся Гомина.

То письмо ко мне напишет,
То летит ко мне сама.
В ухо мне желаньем дышит
Фирфафуся Гомина.

Опустив устало веки,
Шепчет в ухо мне она:
«Я твоя, твоя навеки
Фирфафуся Гомина!»

Я же мощною рукою
Отстраняю прочь ее,
Прикрываю х.. ногою,
Восклицая: «Не твое!»

А она: «Ты мне отрада!
Я твоя, твоя навек!»

Я кричу: «Отстань! Не надо!
Я женатый человек!»

А она: «Женат! Авось ли?
На! Возьми! Употреби!»
Я кричу: «Возьмешь, а после
Не докажешь alibi!

Ну тебя! Пошла в болото!»
И, поддав ее ногой,
Прямо в дверь без поворота
Вышиб вон. Вот я какой!

Да, я вел себя примерно,
Выше страсти и толпы,
Я скажу, и будет верно:
«Мы супружества столпы».

Но я требую ответа
На вопрос мой: чья вина,
Что в меня влюбилась эта
Фирфафуся Гомина!

18 февр. 1936

Впервые — Литератор. 1991. № 42 (94). Октябрь. Автограф — ЧС. Печ. по первой публикации.

Имеется также вариант, в котором после первых пяти строф следует:

Кто ты мне: сестра подруга
Враг ли хитрый иль жена
Моего ль ты дева круга
Фирфафуся Гомина?

Ты как будто бы нарочно
Не даешь себя словить
Но по слухам и заочно
Я не в силах полюбить.

И зовут тебя паскудно
Есть же лучше имена
Даже выговорить трудно:
Фирфафуся Гомина.

В публикуемом тексте рядом со ст. 28 записано: *Var: не воротишь*

Рядом со ст. 35 записано: *Var: и это верно*

Впервые публикуя наст. текст А. А. Александров указал, что он написан для В. В. Стерлигова и Т. Н. Глебовой — семьи художников.

156

Каждый шаг ему забота
Каждый миг идёт работа

<Август 1936>

Публикуется впервые. Автограф — РНБ.

Последнее слово ст. 1 надписано над незачеркнутым: работа.

Записано под прозаическим текстом из четырех зачеркнутых и размытых строк с датой: 23 авг. 1936 года.

157

Я жизнию своей останусь
недоволен,
Коль многих радости небес не
научу

<1936—1938>

Публикуется впервые. Автограф — РНБ.

Выше записан первоначальный пространный вариант:

Я жизнию своей останусь
недоволен,
Коль многих радости сердечной в
тусклый час
Для вдохновенья подвигов
могучих
И для души побед не научу

205

Зимы жестокий свист,
И грозный треск огня,
И бури медных волн
расплавленной руды

Здесь после ст. 5 зачеркнуто:

Иль жаркий треск огня

158

Иль ревьендра за никё
миранонон мираненон
мирнелиенё

<Март 1938>

Публикуется впервые. Автограф — РНБ.

По-видимому, Хармс превращает в заумный текст рефрен французской песни, известной по-русски с XVIII в. в нескольких вариантах (самый популярный: «Мальбрук в поход собрался»); в оригинале: «Mironton, mironton, mirontaine» (благодарю С.И. Гольденберг за помощь). Кстати, имея в виду обширный объем гоголевских аллюзий у Хармса, отметим, что названный русский вариант песни играет шарманка Ноздрева в главе 4 «Мертвых душ».

159

Гремит вина фиал,
Упав из рук нетвёрдых.
Умолкло всё вокруг
В смущеньи мы встаём
Поникнув головой, умолкнул
председатель
И гости, замолчав, не смотрят на
него

206

Густая влага плещет в пол
И в миг смолкает шум и говор.
Тогда со скрипом председатель
Встаёт из кресла. Перед нами,
Главу седую преклонив,
Он говорит: «Разбита чаша
Застольной дружбы многих лет
наша
нет

29 июня 1938 года

Впервые — СП-IV. Автограф — РНБ.

В ст. 3: *Умолкло* — вместо зачеркнутого: и стихло

После ст. 6 зачеркнуто:

Гремит вина фиал, на доски
брошенный рукой

После ст. 7 зачеркнуто:

Встаёт смущённый председатель

Справа от текста записано:

Это плохо.

Ст. 3–6 обведены и зачеркнуты, затем перечернут весь текст. Возможны разные текстологические интерпретации этого неоконченного ст-ния.

160

От свиста ненавистных пчёл
Я лечь в коробку предпочёл.
Закрылся фартуком,
А в уши сунул пробки
Лежу задумчив и суров
А в это время, около моей коробки
Гулял с красавицей Антон Перов.

207

«Да, – говорил Перов красавице, –
вот эта местность
Вполне пригодна для гуляющих
вдвоём.
Отсюда видно всю окрестность
И речки быстрой водоём».
«Да, — говорит красавица, —
прекрасная прогулка,
Но только для чего здесь эта
глупая шкатулка?»
Перов, не зная что ответить,
сказал: «О чём ведёте речь?
Я не могу того заметить,
но предлогаю тут прилечь».

<Июнь 1938>

Впервые — СП-IV. Автограф — РНБ (зачеркнут).

В ст. 2: *коробку* вместо зачеркнутого: корыте.
После ст. 2 зачеркнуто:

Но так лежать без всякого дела
Не в силах молодое тело.

Под текстом запись:

Не хочу продолжать сочинять эту гадость!

161

О камень юбку разорвав
Мария Бам сидит меж трав
Чтоб вид разорванных нарядов
Сокрыть от любопытных взглядов

<1938-1939>

Впервые — Цирк Шардам. Автограф — РНБ.

Выше записаны варианты:

208

<1>

Цветочки желтые нарвав,
Она и он сидят меж трав

<2>

Цветочки желтые нарвав
Мария Бам сидит меж трав

Персонаж с такой фамилией встречается еще только в пьесе Хармса «Елизавета Бам» (наст. изд. Т. 2. № 134).

162

Польто и кепочку надев
Идёт он в цирк. Навстречу дев
Ночных волшебниц милый рой
Летит. Один потом другой

Все легче, ярче! То каварно
Глазами кружатся, то вдруг
Втроем, отдельно и попарно
Мелькают ножками вокруг

<1938—1939>

Впервые — Цирк Шардам. Автограф — РНБ.

Справа от текста варианты:

<1>

Подруг весёлых милый рой
Его пленил своей игрой.
Игра велась таким манером:
Одна одевшись кавалером

<2>

Когда один средь пышных дев
Гулял я шапочку надев
Стучал в груди моей тапор
Я жизни чувствовал напор

В ст. 1: над *пышных* надписано: *милых*

В ст. 2: над *шапочку надев* надписано: *шапку на бок вздев*

163

В Паульдергамовском порту
Ково-то хлопнули по рту.

<Вторая пловина 1930-х>

Впервые — СП-IV. Автограф — РНБ.

164

Понять порой не в силах
Мужчин я милых
Уже не первый год
Мужчины против мод.
Их моды раздражают
И унижают
И портят многих многих храм

Я же обожаю моды
всей дущой
Поверте ж из за моды
прекрасны и уроды
Моды для бабёнок
Это шанс большой
источник красоты
лишь мода ты

Ругали все тюрнюры
лишь только дуры
способных их носить
за что хочу спросить
Ведь часть так бывало
что не хватало
у дамы сверх гостей
частей

Скрашивал фигуру
всех худых тюрнур

из за него халеры
ходили как венеры
У коко то мало с зади черезчур
тюрнюр их превращался
в идеал

Вот юбки шантоклерки
лишь изуверки
их могут одевать
мужья давай кричать
обтянут бабы ноги
точь в точь миноги
связав как колбасу внизу.

Я как муж законный
но не изувер
стою за шантоклерки
возможно узкой мерки
Женам в них не страшен
наглый кавалер
любви а ля фуршет.

И юбку клёшь ругали
непонимали
что этот самы клёш
для нас мужчин хорош
и даже бесподобен
весьма удобен
для очень быстрых всех
измен
Изменить захочет
дама тут как тут
бежит она в алею
а муж следит за нею
для измен у дамы
только пять минут
вот тут широкий клёш
весьма хорош

Ругали креналины
всегда мужчины
и только я один
стоял за кринолин

211

лишь ветер поднимался
он надувался
над головой у дам
о срам

Снизу открывался
дивный уголок
вернее понарама
всё что скрывала дама
каждый мог бесплатно
видеть прелесть ног
и прочь его тревожно
свет волок

<Вторая половина 1930-х>

Впервые — Amour et érotisme dans la littérature russe du XXe siècle. Bern... 1991 (Slavica Helvetica. Vol/Band 41). Автограф — РНБ.

На отдельном листе варианты:

<1>

в них места нет

<2>

Из за этих юбок
масса наших мод

По-видимому, куплеты для исполнения с эстрады ресторана.

165

По реке бежит фантом
С широко раскрытым ртом

<1940>

Впервые — СП-IV. Автограф — ИРЛИ.

166

Я рыбак молодой.
Ходят рыбки под водой
Наловлю побольше рыбок
И пойду тогда домой.
Вот ещё одна пятёрка
Вот и полное ведёрко.

Публикуется впервые. Автограф — ИРЛИ.

Над этим детским стихотворением записано:

Снова удочку закинул
Да ведёрко опрокинул.

Ниже публикуемого стихотворения несколько набросков:

<1>

Я на камушке сижу
Рыбок удочкой ужу.

<2>

Сяду я да посижу
В речке рыбок поужу...
Что-то рыбка не плывёт
Не плывёт и не клюёт

<3>

Я рыбак сижу на камне
Мне бы рыбок половить
Я закинул в воду удочку.

<4>

Я закинул поплавок
Вдруг залаяла волчица
Волк ягнёнка поволок
А в банке <1 нрзб.> корчится

167

Дым от месяца валит
Дом на месяце горит.
Ставь скорее самовар
Заливай скорей пожар

Дым дым дым валит
Дом на месяце горит
Едет грузный самовар
Заливать водой пожар

А на небе кутерьма
Зайцы спятили с ума
Так по небу и летят
Люди с ужасом глядят!

<1940>

Публикуется впервые. Автограф — ИРЛИ.

Отметим возвращение Хармса в этом детском стихотворении к двум своим ранним мотивам: пожар и самовар.

168

Возвращаю сто рублей
И благодарю.
И желаньем видеть ВАС
Очень раскалён.

Хаармс
♂ <вторник> 13 ♏ <августа> 1940. С.-П.-Б.

Впервые — Крокодил. 1989. № 36. Автограф — РГАЛИ. Печ. по первой публикации.

Обращено к А. И. Шварцу (1896–1954), артисту эстрады, чтецу.

169

Всё для нас
Всё для нас
Повторим мы много раз!
Повторяем каждый раз!

<Неизвестных годов>

Впервые — СП-II. Автограф — РНБ.

170

Много разных происшествий
Приключилось с Ранчучом
Сорок восемь путешествий
И скандал со сюргучом.

<Неизвестных годов>

Публикуется впервые. Автограф — РНБ.

171

воин боин бакаля
люки мяки пупугу
стрелы

<Неизвестных годов>

Впервые — СП-II. Автограф — РНБ.

172

дас циммер

в цимре дяденька гадал
варвар дяденька вандал

<Неизвестных годов>

Впервые — СП-II. Автограф — РНБ.

дас циммер — комната (нем.). Возможно, это признак, по которому можно предположить датировку настоящего текста январем 1931 г. — временем написания Хармсом двух текстов, содержащих немецкоязычные признаки (наст. изд. Т. 1. № 130 и 134).

173

— Это дело не для нас! —
так воскликнул Карабас
— Это дело для иного
не составит затрудненье.

<Неизвестных годов>

Публикуется впервые. Автограф — РНБ.

Возможно, фрагмент предполагавшегося стихотворного переложения сказки Ш. Перро «Кот в сапогах».

174

Был выстроен дом.
И въехали в дом жильцы.
Окна раскрылись, двери
раскрылись.

<Неизвестных годов>

Публикуется впервые. Автограф — РНБ.

175

точно птичка твой цветочек
на окне твоём дрожит
а в руке твоей платочек
взгляд сторожит.

Если он пройдёт не взглянет
Упадёт платочек твой

А цветочек твой завянет
И поникнет головой.

<Неизвестных годов>

Публикуется впервые. Автограф — РНБ.
Против ст. 7 помета: (*вар. — молча глянет*).
Под текстом помета: *Плохо*

176

Шли мы в гости боком боком,
Подошли и видим дом.
Посмотрели оком оком
Да конечно это дом.

Посмотрели оком оком
Дом как дом! Ну просто дом!
Подошли мы к дому боком
Снова смотрим. Видим дом.

Обошли мы дом вокруг.
Увидали двери вдруг.
Подошли мы к двери боком
Постучали тук тук тук.

Дверь открыла нам хозяйка
И сказала: «Мне сегодня
Ровно двадцать пять лет
исполнилось!»

Мы сначала помолчали,
А потом подошли к столу:
Ели много, ели долго
Воздавая кушаньям
Эх! от всей души хвалу
И всё время поздравляли хозяйку.

<Неизвестных годов>

Впервые — Крокодил. 1989. № 36. Автограф — РГАЛИ. Печ. по первой публикации.

В первой публикации откомментировано как посвященное жене А. И. Шварца (см. примеч. 168) Н. Б. Шварц-Шанько, но ее 25-летие приходилось на 1926 г., когда она еще не являлась женой А. И. Шварца; скорее наст. стихотворение могло быть посвящено младшей сестре А. Шварца Маргарите Исааковне (1912–1996), балерине; в этом случае датой текста является 1937 г.

Коллективное

177

Петр Великий, на том свете,
Зуб точит на Ильича.
В светлом ангельском совете
Все кидает сгоряча.
Ильич бороться с ним не в силах,
Проклинает Ленинград.
Дрожат все ангелы на виллах,
С небес валит из тучи град.
Да, Петербург был город пышный,
Видал министров и царей,
Теперь же тихий стал, неслышный,
На улицах растет пырей.
Где ты, величие и слава?
Где ты, былой придворный шум?
Теперь вонючая канава
Иль политический самум.
Теперь Зиновьев лишь ярится,
Или Сафаров яд свой шлет.
Измена первому все снится.
Второй же козни все плетет.
На Троцкого все зубы точат:
В Сухум-Кале его опять!
А Троцкий наш туда не хочет.
«Обтроцкил» всех и ну вонять.
Никак не хочет согласиться,
Что он не прав, а прав Ильич.
И он решил тогда взбеситься,
Решил, что надо бросить клич.

<Январь — май 1924>

218

Впервые — Русская литература. 1992. № 3 (по тексту: Баринова Л. А. Воспоминания о Данииле Хармсе (Дане Ювачеве) // Музей истории г. Пушкина.

По свидетельству Л. А. Бариновой, ст-ние написано Хармсом вместе с однокашниками по 2-ой Детскосельской советской единой трудовой школе.

Григорий Евсеевич *Зиновьев* (1883—1936) — политический деятель; в это время — Председатель Ленсовета.

Георгий Иванович *Сафаров* (1891 — 1942) — соратник Зиновьева.

Лев Давидович *Троцкий* (1879—1940) — политический деятель; в это время — председатель Реввоенсовета; к 1923 г. относится активное участие Троцкого в дискуссии по вопросу о партийном строительстве.

В Сухум-Кале его опять — здесь Троцкий лечился в январе 1924 г.

Приписываемое

178

За дам по задам задам

<1925>

Впервые — Воздушные пути. 1963. № 3 (без указания источника текста).

В воспоминаниях Н. Зегжды о Хармсе воспроизводится иной вариант: «Он поступил в мой класс, кажется, за год до окончания и окончил с нами школу. Он уже писал стихи и на вечере-встрече на след. году читал некоторые из них, напр. «Задам по задам за дам» и проч. в этом роде к ужасу своей тети» (Александров А. Краткая хроника жизни и творчества Даниила Хармса // Хармс Д. Полет в небеса. Л., 1988. С. 539)

219

Д. ХАРМС

ПРОЗА И СЦЕНКИ

179

Гателл бежал спасаясь от большой птицы. Вдруг его лицо ушло в слизистое углублеие. Ему было приятно. Но было очень мокро и сильно пахло. Это враки, никуда он не попал.

<1930>

Публикуется впервые. Автограф — РНБ (зачеркнут).

Слизистое углубление — ср. с рассуждениями о страхе «консистенции» в «Исследовании ужаса» Л. Липавского («... Сборище друзей, оставленных судьбою». Указ. изд. Т. 1. С. 76–92). Сопутствующие суждения Липавского об эротическом также сопрягаются с хармсовскими (см., например, наст. изд. Т. 2. № 116).

180

В е л я — Меня зовут веля.

М р к о к о в — Подожди, этоли надо было сказать?

В е л я — Сядем сядем и подумаем.

(М р к о к о в садится и В е л я садится.)

М р к о к о в — Ну?

В е л я — Ты ел сегодня труху?

М р к о к о в — Я очень обижен. Почему я должен есть труху?

В е л я — Я не то хотела сказать. Я хотела сказать: ты видел сегодня паходу?

М р к о к о в — Как можешь ты так говорить. Ты знаешь ведь, что я редька.

В е л я — Редька Мркоков. Вот это странно.

М р к о к о в — Я был сегодня в магазине
там было много огурцов
они лежали все в корзине
и только восемь на полу
Я сосчитал их было восемь
и два прикащика
Ты веришь или нет?

<1930–1931>

Впервые — Цирк Шардам. Автограф — РНБ.
Мркоков — ср. в наст. изд. Т. 1. № 143.

181

Моя фамилия Кисилёв, а зовут меня Антон. А моего приятеля зовут Кузьма, а по фамилии Судаков.

Вот уже четвёртый день ни я ни Кузьма ничего не ели.

<1930—1931>

Публикуется впервые. Автограф — РНБ (зачеркнут).
Антон — см. примеч. 138.

182

Земля стоит на трех китах. Кит стоит на черепахе. Черепаха плавает в море. Так ли это? Нет не так. Земля просто имеет форму чашки перевёрнутой кверху дном и сама плавает в море. А над землей колпак небесного свода. По своду движется солнце, и Луна и подвижные звезды — планеты. Неподвижные звезды прикреплены к своду и вращаются вместе со сводом.

<1931>

Впервые — Минувшее. Автограф — РНБ.
Схожие тексты того же 1931 г. см. наст. изд. Т. 2. № 17, 18.

183

Я влез в окно которое было <край листа оторван. - *Комм.*>. Руками я ухватился за ветви дерева, асватоваго дерева.

<1931>

Публикуется впервые. Автограф — РНБ.

184

Когда знаменитого генерала
Петракова спросили:

<1930–1933>

Публикуется впервые. Автограф — РНБ.

Фамилию *Петраков* носят персонажи нескольких текстов Хармса (см. наст. изд. Т. 1—3), но нигде не фигурирует генерал Петраков.

185

Рассказ о жене, которая нагадила
у себя в комнате

<1930–1933>

Публикуется впервые. Автограф — РНБ.

Пример текста, который, имея вид заголовка, вероятно им одним и ограничивается (подобно стихотворному одностроку).

186

В Мадриде жили два испанца, дон Дирего и дон Балбеу. Дон Дирего любил больше всего варёное мясо, а дон Балбеу пшённую кашу.

<1933>

Публикуется впервые. Автограф — РНБ.

После: *два испанца* — зачеркнуто несколько подряд записанных вариантов:

один высокий и в очках, а другой низенький, толстенький и очень толстый, а другой низенький и очень тоненький.

После: *любил больше всего* — зачеркнуто: жаренное

Этот набросок предшествует другому неоконченному тексту, но с участием американцев (см. наст. изд. Т. 2. № 166).

187

Диего Ривейра изобрёл фото — капкан. Он ставит фотоаппарат на траве у водопоя. Животное наступает на шнурок с пружиной, и аппарат снимает его. У нас напечатан снимок неизвестного до сих пор в России животного. Это животное очень трудно проследить и поймать. Но аппарат Ривейра снял его. Сейчас послана экспедиция поймать это животное и посадить в клетку.

<1933>

Публикуется впервые. Автограф — РНБ.

По-видимому, написано для детского журнала «Чиж». Один из многих примеров использования в художественном тексте имени реального лица — мексиканского живописца *Диего Риверы* (1886 — 1957).

188

Изобретатель Антон Павлович Шилов сел на скамеечку в Летнем саду. (Это в Ленинграде есть такой сад, он так называется, а событие о котором я сейчас буду писать, происходило зимой 1933 года).

— Хорошо, сказал Антон Павлович. Допустим что рычаг прикреплен правильно и тянет бомбу в верх.

<1933>

Публикуется впервые. Автограф — РНБ.

Антон — см. примеч. 138. *Летний сад* — см. примеч. 5.

189

Сначала мальчики стали мне показывать все окрестности, а потом предложили осмотреть подземный лаз.

<1933>

Публикуется впервые. Автограф — РНБ.

190

Я

Вот какой я ловкий!

О н

Ну нечего нечего сюда
засматривать проходи пока в шею
не наклали

О н а.

Ну ступай ступай, нечего стоять тут.

<13 апреля 1933>

Публикуется впервые Автограф — РНБ.

191

Пётр Петрович
(*показывая на дверь*):
Прошу вытти!
Фофанов:

<Сентябрь 1933>

Публикуется впервые. Автограф — РНБ.

Среди многочисленных персонажей по имени Петр у Хармса только А. И. Дудкин (см. наст. изд. Т. 2. № 1) первоначально именовался *Петром Петровичем* (типичная хармсовская двойчатка).

Фофанов — как нередко у Хармса, используется фамилия популярного в конце XIX – нач. XX в. поэта К. М. Фофанова (1862–1911).

192

Ольга Тимофеевна
(*подходя боком к сыру*):
Так или этак мне этот сыр по вкусу

<Сентябрь 1933>

Публикуется впервые. Автограф — РНБ (зачеркнут).

193

Разница в росте мужа и жены

Муж: — Я выпорол свою дочь, а сейчас буду пороть жену.

Жена и дочь: (*из за двери*): — бэ бэ бэ бэ бэ! Мэ мэ мэ мэ мэ!

Муж: Иван! Камердинер Иван!

(*входит Иван. У Ивана нет рук*).

Иван: Так точно!

Муж: — Где твои руки Иван?

Иван: — В годы войны утратил их в пылу сражения!

<1933–1934>

Впервые — Театр. 1991. № 11. Автограф — РНБ.

Иван — об уникальной частоте этого имени среди персонажей Хармса см. наст. изд. Т. 1. Примеч. 2.

194

Американская улица. По улице ходят американцы. На право касса, над кассой надпись «Мюзик-Холл, Джаз-оркестр М-ра Вудлейга и его жены баронессы фон дер Клюкен». Рекламы. К кассе стоит очередь американцев. На сцену выходит Фенoров и озирается по сторонам. Все американцы довольно обтрёпанные.

Ф е н о р о в — Это вот значит и есть Америка!.. Да! Ну и Америка!.. Вот это да-а!.. Эй, послюшайте!.. Вы!.. Это Америка?

А м е р и к а н е ц — Ies, Америка.

Ф е н о р о в — Город Чакаго?

А м . — Ies, Чикаго.

Ф е н о р о в — А вы будите Американец?

А м . — Американец.

Ф е н о р о в — (*басом*) Вот ето да!.. А вон они, это тоже американцы?

А м . — Американцы.

Ф е н о р о в — (*фальцетом*) Ишь ты!.. (*ниже*) Американци!.. (*осматриваясь*). А что скажем для примера милиáрдеры здесь тоже есть?

А м . — Этого, друг мой, сколько угодно.

Ф е н о р о в — А почему вот для примера скажем вы милиáрдеры и американцы, а ходите вроде как бы все ободранные?

А м . — А ето всё по причине так называемого кризиса.

Ф е н о р о в (*фальц.*) — Ишь ты!

А м . — Право слово, что так!

Ф е н о р о в (*бас.*) — Вот ето да — а!..

А м . — А позвольте вас спросить, кто вы сами-то будите?

Ф е н о р о в — Да моя фамелия Феноров, а социальное происхождение — я хрюнцуз.

А м . — Хм... И что же, парлэ ву франсе?

Ф е н о р о в (*фальцетом*) — Чиво это?

А м . — Да по французски то вы калякаете?

Ф е н о р о в — Чиво не можем, того не можем. Вот по американски, етого сколько хош. Это мы умеем!.. А ты мне, добрый человек, скажи лучше зачем эта вот очередь стоит, и чего такое интересное выдают?

А м . — Не зачем эта очередь не стоит и ничего такого интересного не выдают, а стоит эта очередь за билетами.

Ф е н о р о в (*фальцетом*) — Ишь ты!

А м . — Это, видишь ли ты, Мьюзик — Холл, и выступает там сегодня джаз-оркестор знаменитого

мистера Вудлейга и его жены, дочери барона фон дел Клюкен.

Феноров (*басом*) — Вот ето да — а! . Спасибочки вам!.. Пойду тоже билетик куплю.

(*Идет к очереди*).

(*Длинная очередь американцев к мюзикхольной кассе*).

Феноров — Кто тут последний?

Субъект — Куда лезишь!.. Изволь в очередь встать!..

Феноров — Да я вот и спрашиваю, кто тут последний...

Субъект — Ну ты не очень то тут разговаривай!

Феноров — Кто тут последний?.. (трогает за логоть барышню).

Барышня — Оставте меня в покое, я вот за этим субъектом стою!..

Субъект — Я вам не субъект, а король мятных лепёшек!..

Феноров (*фальцетом*) — Ишь — ты!

Барышня — Ну, вы полегче, полегче! Я сама королева собачей шерсти!

Феноров (*басом*) — Вот это да — а!

Субъект — Хоть ты и королева собачей шерсти, а мне плевать на это!

Барышня — Подумаешь тоже, мятная лепёшка!

Субъект — Ах ты собачья шерсть!

Цирковой номер.

Драка в очереди. Королева собачей шерсти расправляется с королём мятных лепёшек Другие американцы скачат вокруг и кричат:

— «Держу парей: Он — её!»

— «Держу парей: она — его!»

Внутренность Мьюзик–Холла. Видна эстрада и зрительный зал. Двери распахиваются, и в зал врываются ободранные американцы, с криком и гвалтом занимают

свои места. Заняв свои места все застывают и наступает полная тишина.

На эстраду выходит конферансье-американец.

Конф. — Лэди и джентльмэны! Мы, как есть американцы, то знаем, как провести время. Вот мы тут все собравшись, чтобы малéнько повеселиться. А как вас чертей рассмешишь! Жуете свой табак и резинки и хоть бы хны!.. Нéшто вас рассмешишь!.. Куда там!... Нипочём не рассмешишь!..

Американцы — Ы — ы — ы!.. Ы — ы — ы!.. Смеяться хотим!

Конф. — А как это сделать? Я знáю?

Американцы (*жалобно*) — Ы — ы — ы! .

Конф. — Ну хотите я вам смешные рожи покажу?

Американцы — Хотим! Хотим!

Конф. — (*Показывает рожу*).

Американцы (*громко хохочат*) — Хы — хы — хы!.. Ой умóра! Ой ой ой умора!

Конф. — Довольно?

Американцы — Ещё! Ещё!

Конф. — Нет, хватит! Сейчас выступит джаз — оркестр под управлением мистера Вудлейка...

Американцы (*хлопая в ладоши*) — Браво! Браво! Урра! Урра!

Конф. — В джазе участвует жена мистера Вудлейка, баронесса фон дер Клюкен, и их дети!

(*Аплодисменты*).

Конферансье уходит. Занавес.

Голос Фенорова из зрительного зала:

Феноров — Это чего такое будет?

Король мят. леп. (*вскакивая со стула*) — Братцы, да ведь это опять он!

Королева собачей шерсти — Опять мятная лепёшка крик поднимает!..

(*Король быстро садится на своё место*).

Королева (*угрожающе*) — Я тебя!

Занавес вновь поднимается.

<1934>

Впервые — В мире книг. 1987. № 12. Автограф — РНБ

В автографе имеется правка ремарок, указывающих на тональность голоса Фенорова, что свидетельствует о принципиальной для Хармса важности этой детали. Написание фамилии руководителя джаз-оркестра и его жены варьируется. Возможно, написано для предполагавшегося к открытию в нач. 1935 г. Театра марионеток (см. поставленную здесь пьесу Хармса «Цирк Шардам» наст изд. Т 3. № 78) Во всяком случае, нельзя не отметить именно марионеточную условность американцев.

195

Сад при замке барона фон дер Бундер-Хангель-Хингель. Направо забор, за забором дача профессор Татаринмана. Жена Барона сидит в кресле, а Барон стоит перед своею женой. По саду проходят петухи и курицы и время от времяни покрикивают.

Барон — Он профессор?

Жена Барона — Профессор.

Барон — Его фамилия Татаринман?

Жена — Татаринман.

Барон — Он купил этот дом?

Жена — Купил.

Барон — Рядом с моим домом?

Жена — Рядом.

Барон — В нашем округе, я барон фон дер Бундер-Хангель-Хингель занимаю первенствующее положение?

Жена — Положение.

Барон — А этот выскочка купив себе дом рядом с моим домом, сделал мне визит?

Жена — Сделал.

Барон — Как сделал!

Жена — Ах нет не сделал! не сделал!.. Возьми конфетку.

Барон (*берёт конфетку*) — Именно, что не сделал! Вот именно! А я-то! Я-то! Могу я это терпеть?

Жена — Нет.

<1934>

231

Публикуется впервые. Автограф — РНБ.

Первоначальное имя Барона: Бундер-Хангель-Бум.

Этот набросок драматического произведения имеет зачеркнутое продолжение:

Барон — Мог ли так поступить истый германец?..

Жена — Нет.

Барон — Истый германец у которого в крови заложено почтение к истенно германскому древнему роду, который... ну... который... который... ну... насчитывает своих предков... эээ... ну... ну... как винты в сложнейшей машине! Именно! Как винты в сложнейшей машине!

Жена — Нет!

Барон — Что нет?

Жена — Не мог.

Барон — Кто не мог?

Жена — Гебгарт, возьми лучше конфетку...

Барон — Не могу больше! Этот человек доведёт меня до исступления.

Здесь вместо последней реплики Барона первоначально было (зачеркнуто):

Барон — Помяни мои слова Луиза, (указывая пальцем), этот проходимец... он не германец!

На отдельном листе имеется фрагмент, по-видимому, одной из сцен этой пьесы:

вместе { Жена — Что случилось!
Барон — Э... Э... ... Э... Что случилось!

Эммерих — Здравствуй папочка! (*Барон падает в кресло*). Здравствуй мамочка! (*Жена барона падает в кресло*).

Барон (*поднимаясь*) — Ты сын дворянина чистейшей, германской рассы, а кричишь... э э... ну... как сапожник.

Эммерих — Я папочка, сначала...

Барон — Довольно! Ты сын ээ... ээ... дворянина чистейшей германской рассы а кричишь именно как сапожник.

Эммерих — Я папочка...

Барон — Именно как ээ... ээ... сапожник. Что ты хочешь сказать?

Эммерих — Я папочка хотел бы жениться...

Барон — Довольно. Я буду спрашивать, а ты отвечай на мои вопросы. Что бы ты хотел сделать?

Эммерих — Жениться.

Барон — Так. Это хорошо. Я давно хочу этого, что бы род баронов фон дер Бундер-Хангель-Хингель мог иметь потомков столь же кристально-чистой германской рассы как и их предки. Кто отец твоей невесты?

Эммерих — Полковник фон Кукиш.

Барон — Фон Кукиш? Фамилия мне знакома, я где то её слышал. Кукиш... Кукиш... Оо! Я слышал эту фамилию довольно часто при дворе кайзера Вильгельма. Так это интересно.

Антон (*входя*) — Господин Барон! Фазаны приехали!

Барон — О! очень приятно! Вели их немедленно выпустить сюда-же в сад.

В приведенном здесь зачеркнутом продолжении характерны рассуждения о чистоте германской расы и т. п. — отголоски укрепившегося в 1933 г. в Германии фашизма.

Антон — см. примеч. 138.

Среди автографов Хармса имеется написанный, по-видимому, одновременно с предыдущими текстами фрагмент с участием Эммериха (см. предыдущий текст), но имеющего здесь титул барона:

Эммерих (*громко, радостно*): Эльза!.. милая, дорогая Эльза!.. Смеюли я верить? Да? Да? Да?

Эльза (*опуская глаза*): Да...

Эммер.: Правда?.. Значит вы меня любите? Хоть немного любите?

Эльза: Немного?.. Неправда... Я вас ужасно люблю... ужасно...

Эммер.: А я то вас как люблю!... Ура!.. (бросается к ней и обнимает её). Эльза!.. Дорогая моя! (*Целует её*).

У л ь р и х (*входит справа и вскрикивает при виде целующихся*): Ба!.. Это что такое?

Т у с н е л ь д а (*слева; та же игра*): Эльза!.. Г-н барон... Что это значит?

Э л ь з а (*бросается на шею матери*): Ах, мамочка!..

Э м м е р.: Мы любим друг друга, и если бы вы дали согласие на наш брак...

У л ь р и х: Согласие на ваш брак!.. Согласен ли я?!... . ... ..Да конечно согласен! Дорогой сыночек!..

Э м м е р (*бросается в обьятия*): Папаша!

Э л ь з а: Папочка! (*обнимает его*).

Т у с н е л ь д а: Погоди Ульрих... Нельзя-же так скоро... Г-н барон, знаетели вы что такое брак? Брак — это...

У л ь р и х: О, старуха моя! Ради Бога не говори ему что такое брак... А не то он, пожалуй, ещё передумает и удерет отсюда без оглядки!..

Э м м е р.: О нет! (*обнимая Эльзу*). Я прикован...

(*Туснельда бросается к телефону*).

У л ь р и х: Куда ты?

Т у с н е л ь д а: Надо объявить всем нашим знакомым... Алло!.. Алло!.. Ну!... Алло!.. Ну что же не гудит?

У л ь р и х: Должно быть опять испортился...

Т у с н е л ь д а: Алло!.. Алло!

У л ь р и х: Да брось ты! Всё равно телефон испорчен! Потом успеешь порадовать наших знакомых... (*Приглашая всех жестом сесть*).. Дорогой барон! Всё это вышло так неожиданно, так быстро... Мы ещё так недавно познакомились...

Э м м е р.: Да, но уже успели вполне узнать друг друга... Не правда ли, Эльза!

Э л ь з а: О да, вполне!..

196

«Спасение»
Кантата для четырёх голосов

IA

Сопрано	I	Блестит вода		Блестит вода и мы вдвоём	влезаем в воду	
Контр-Альт	II		Блестит вода	Блестит вода и мы вдвоем	влезаем в воду	
Тенор	III					
Бас	IV					

влезаем в воду	Плывём к большому пароходу	Волна качает пароход,	
влезаем в воду,	Плывём к большому пароходу	Волна качает пароход, Волна	

Волна качает пароход	Волна качает пароход	Волна качает пароход	
качает пароход Волна	качает пароход, Волна	качает пароход, Волна	
	Волна качает	пароход, Волна качает	
		Волна	

Волна качает пароход,	качает пароход	качает пароход	качает пароход	
качает пароход, Волна	качает пароход	качает пароход	качает пароход	
пароход, Волна качает	качает пароход	качает пароход	волна волна	
качает пароход, Волна	качает пароход	волна волна	волна волна	

	качает пароход	волна волна	качает пароход				
	волна волна	волна волна	качает пароход				
	волна волна	волна волна	качает пароход		А-а-а	а — ах!	
	волна волна	волна волна	качает пароход	О-о-о	о-о	останови	

	останови волна	качанье	волна качанье	Дай разглядеть кто плывет	
	волна качанье	останови	волна качанье	Дай разглядеть кто плывет	

	А-ах!	Останови	волна качанье	останови	волна качанье	Дай доплыть до парохода	
			останови волна	качанье	волна качанье	Дай доплыть до парохода	

IB

I	жен					
II						
III	мужск	Две девы плывут по волнам	Две девы плывут по волнам	Две девы, две девы	Плывут по волнам	
IV	Бас	Две девы плывут по волнам	Две девы плывут по волнам	Две девы, две девы	Плывут по волнам	

	Спаси-ите!	Спаси-ите!		
	Спаси-ите!	Спаси-ите!		
Две девы плывут по волнам			Две девы плывут по волнам	
Две девы плывут по волнам			Две девы плывут по волнам	

Спаси-ите!	Спаси-ите!	Спасите спасите, мы воду глотаем	Зеленые рыбы танцуют кругом	
Спаси-ите!	Спаси-ите!	Спасите спасите, мы воду глотаем	Зеленые рыбы танцуют кругом	

Две девы плывут по волнам	Две девы плывут по волнам	Две девы, две девы	Плывут по волнам	
Две девы плывут по волнам	Две девы плывут по волнам	Две девы, две девы	Плывут по волнам	

	Спасите спасите, мы воду глотаем	и рыбы зеленые пляшут кругом	
	Спасите спасите, мы воду глотаем	и рыбы зеленые пляшут кругом	
Две девы плывут по волнам			
Две девы плывут по волнам			

Спаси-и-и-те!	Спаси-и-и-	-те! Спаси-	-и-те! Спаси-и-	
Спаси-и-и-	-те! Спаси-те!	Спаси-ите!	Спаси-и-те!	
Две девы плывут по волнам	Две девы плывут по волнам	Две девы, две девы	Плывут по волнам	
Две девы плывут по волнам	Две девы плывут по волнам	Две девы, две девы	Плывут по волнам	

-те! Спаси-и-и-те!	Спаси-ите!			
Спаси-и-и-те!		Спаси-ите!		
Две девы плывут по волнам			⊢—⊣	
Две девы плывут по волнам				⊢—⊣

II

III *Мужской*	Замолкни, ветер не вой	Вода не ходи волной	Проносится птица по тусклому небу						
	И рыбы плывут под водой	И в шлюпку глядится волна	и шлюпка водой полна						
	Над нами молчит неподвжное небо	А с низу грохочет волна							
	Звонарь бей по колоколу на все лады.	Нами вынуты две девы из воды							
	И молнии вдруг озарили	и молнии вдруг озарили	капитана с трубкой во рту						
	И двух спасенных дев	И двух спасенных дев	на борту	О-о	о-о	и-и	а-а	о-о	у-у

III

I	жен		Благодарю вас капитан	Мы вами спасены	Спасены спасены
II		Благодарю вас капитан	Мы вами спасены	Благодарю вас капитан	Мы вами спасены
III	мужск				
IV	Бас				Я выполнил свой долг

Спасены-ы-ы!	Мы вами спасены-ы!	Спа — се — ны!
Спа-се-ны-ы!	Благодарю вас капитан!	Мы вами спа-се-ны!
Я выполнил свой долг	Я выполнил свой долг, я выполнил свой долг.	Я выполнил свой долг, я выполнил свой долг

Спасены! Спасены! Спасены!	Спасены ——— !	
Спасены! Спасены! Спасены!	Благодарю вас капитан!	
Утихла буря!	Утихла буря ——!	
Я выполнил свой долг, я выполнил свой долг	Не надо благодарности, я выполнил свой долг	

Спа-се-ны ——	Спасены ——			Спа-се-ны!	
Мы вами спасены!	Спасены ——			Спа-се-ны!	
Утихла буря!	У — у — у — у	Утихла буря!			
Я выполнил свой долг	Я выполнил свой долг		Я выполнил свой долг		

I				
II				
III	Журчит вода клю-клю клю-клю	и я шепчу: люблю люблю!	люблю вас, Анна!	
IV				

Благодарю вас капитан			
Люблю вас Анна Люблю вас	Анна!	Люблю вас Анна!	
Я выполнил свой долг	Я выполнил свой долг		

Море холодная ванна!			
	Но я люблю вас, капитан!		
		Я выполнил свой долг	

Мо-ре хо-лод-ная ванна — !	Море	холодная ванна	
Лю-блю вас ка-пи-тан!			
Люблю вас, Анна!	Люблю вас, Анна!	Люблю	
Я выполнил свой долг, я выполнил свой			

Море холодная ванна	Море хо —	— лодная ванна	
вас, Анна! Люблю	вас Анна!	Люблю вас Анна!	

III	Анна Анна!	Ты как Венера	Ты как Венера	как Венера	как Венера	вышла из воды	

Все люди смертны	Все люди смертны	Ибо смерть летает по небу	и глядит из воды	

	И глядит из воды	Не надо нам воды!	Не надо нам воды!	Мы будем пить вино пока живем

				Несите нам вино!
				Несите нам вино!
III	Мы будем пить вино пока живём!	Пока живём.	Пока живем.	Мы будем пить
				вино!

I	Несите нам вино!			
II		Несите нам вино!		
III			Несите нам вино!	
IV				Несите нам вино!

Будем лить вино ручьем	Будем пить пока живём	Будем лить вино ручьем
		Будем лить вино ручьем

	Будем лить вино	ручьём	Будем пить
	Будем лить вино	ручьём	Будем пить
будем пить пока живём	Будем лить вино ручьём		Будем пить
будем пить пока живем	Будем лить вино ручьём		Будем пить

Пока живём	Будем ли-и				вино ручьем		
Пока живем		и-и				Будем пить пока живем	
Пока живем			и-и		вино ручьем		
Пока живем				и-ить		Будем пить пока живем	

Будем ли-и				вино-о				Ру-у-чьём	Клю-клю	
	и-и				оо			Ру-у-чьём	Клю-клю	
		и-и				оо			Ру-у-чьём	
			и-ить				оо		Ру-у-чьём	

Клю-клю	клю-клю, клю-клю, клю-клю!	Будем пить пока живём	Будем пить пока живем	
Клю-клю		Будем пить пока живём	Будем пить пока живем	
		Будем пить пока живём	Будем пить пока живем	
		Будем пить пока живём	Будем пить пока живем	

Пока живем,	Пока живем	Пока живем ——— !	Пока живем	Пока живем	Пока живем !	
Пока живем,	Пока живем	Пока живем ——— !	Пока живем	Пока живем	Пока живем !	
Пока живем,	Пока живем	Пока живём ——— !	Пока живем	Пока живем	Пока живем !	
Пока живем,	Пока живем	Мы будем пить пока живем	Пока живем	Пока живем	Пока живем !	

Даниил Дандан
31 октября — 8 ноября 1934 года

Впервые — СП-IV.
Автограф — РНБ.

242

Имеется первоначальный вариант под тем же заглавием, но с жанровым обозначением «Квартет», с участием баритона вместо тенора, короче и с датой: 31 октября — 4 ноября.

В предварительных набросках есть строфы, отсутствующие в окончательном варианте:

<1>
будем лить
вино рекой
будем пить
вино с тобой

<2>

будем лить
вино в бокалы
будем пить
как пьют шакалы

<3>

Женщина

Налейте мне стакан вина
Зачем вино жалеть
Друзья смотрите я пьяна
Теперь давайте петь

Мужчина

будем лить
вино ручьём
будем пить
пока живём

<4>

Глядя на воду видишь дно
Зачем на дно глядеть
С утра до ночи пей вино
Зачем вино жалеть

Четырехголосное строение текста ср. у Хармса в «Словесной партитуре» в «Цирке Шардам» (см. наст. изд. Т. 3. № 78).

197

Жила была девочка по имяни Катя. И была у девочки собачка которую звали Гынмынфынбын.
Вот однажды девочка Катя купила виноград.

<1935>

Публикуется впервые. Автограф — РНБ.

198

Одна жена, ложась в постель, не засыпала до тех пор, пока её муж не коснётся своей рукой до её пяток.

<1935>

Публикуется впервые. Автограф — РНБ.

Ср. со словами Коробочки в главе 3 «Мертвых душ» Гоголя: «Да не нужно ли еще чего? Может, ты привык, отец мой, чтобы кто-нибудь почесал тебе на ночь пятки? Покойник мой без этого никак не засыпал».

199

1. Однажды умная Маша, играя с бабушкиными очками, забросила их на самую верхушку дерева.

2. Бабушка полезла на дерево, да и застряла там.

3. Вот на дерево полез дедушка помогать бабушке и тоже застрял там на дереве.

<1935>

Публикуется впервые. Автограф — РНБ.

Умная Маша придумана Хармсом для детского журнала «Чиж» и впервые появилась там в начале 1934 г. (см. наст. изд. Т. 3. № 67). Впоследствии рассказы и стихи о ней писались разными авторами журнала. Настоящий текст, вероятно, неосуществленный рассказ с картинками.

200

Один умный человек сказал: «Пойду в лес, срублю хороший пень и сделаю из этого пня табуретку».

Умный человек взял топор и пошёл в лес.

В лесу он увидел пень и сказал: «Вот хороший пень, я его срублю и сделаю из него табуретку».

Умный человек взмахнул тапором, но тапор вылетел у него из рук и упал в кусты.

— Хорошо, — сказал умный человек. — Мне не надо табуретки. Лучше я поломаю вот этот прутик и сделаю из него удочку.

Умный человек обломал прутик и понёс его домой.

<1935>

Публикуется впервые. Автограф — РНБ (зачеркнут).

Выше этого текста зачеркнуты несколько вариантов первых двух предложений. Здесь же: вариант другого текста с подобным началом:

Один умный человек пошёл в лес и там заблудился.

Долго ходил он по лесу и кричал ау. Наконец он устал и сел под дерево отдохнуть.

201

Жил был умный человек. Звали его Василий Васильевич Колпаков. Он вставал в 7 часов утра и сразу садился на кресло, брал в руки книгу и читал.

<1935>

Публикуется впервые. Автограф — РНБ.

Василий Васильевич — характерная хармсовская двойчатка.

Колпаков - у Хармса встречаются еще два персонажа с такой фамилией (в т. ч. Колпакоп).

202

Метро

В Москве построили метро. Вот что сказал по этому поводу известный писатель Н Н Никитин:

Садись и поезжай!

Даниил Хармс.
<1935>

Впервые — Минувшее. Автограф — РГАЛИ. Печ по первой публикации.

Первая линия *метро* начала действовать в Москве в 1935 г.

Николай Николаевич Никитин (1895—1963) — писатель; Хармс встречался с ним, по-видимому, в Детском Селе (г. Пушкине).

203

Адам и Ева.
Водевиль в четырёх частях.

Цена 30 рублей.

Часть первая

Антон Исаакович. Не хочу больше быть Антоном, а хочу быть Адамом. А ты, Наташа, будь Евой.

Наталия Борисовна (*сидя на кардонке с халвой*). Да ты что: с ума сошел?

Антон Исаакович. Ничего я с ума не сошел! Я буду Адам, а ты будешь Ева!

Наталия Борисовна (*смотря налево и направо*). Ничего не понимаю!

Антон Исаакович. Это очень просто! Мы встанем на письменный стол, и, когда кто-нибудь будет входить к нам, мы будем кланяться и говорить: «Разрешите представиться — Адам и Ева».

Наталия Борисовна. Ты сошел с ума! Ты сошел с ума!

Антон Исаакович (*залезая на письменный стол и таща за руку Наталию Борисовну*). Ну вот, будем тут стоять и кланяться пришедшим.

Наталия Борисовна (*залезая на письменный стол*) Почему? Почему?

Антон Исаакович. Ну вот, слышишь два звонка! Это к нам Приготовься.

В дверь стучат.

Войдите!

Входит Вейсбрем

Антон Исаакович и Наталия Борисовна (*кланяясь*). Разрешите представиться: Адам и Ева!

Вейсбрем падает как пораженный громом.

Занавес

Часть вторая

По улице скачут люди на трех ногах. Из Москвы дует фиолетовый ветер.

Занавес

Часть третья

Адам Исаакович и Ева Борисовна летают над городом Ленинградом. Народ стоит на коленях и просит о пощаде. Адам Исаакович и Ева Борисовна добродушно смеются.

Занавес.

Часть четвертая и последняя

Адам и Ева сидят на березе и поют.

Занавес

23 февраля 1935 года

Впервые — Юность. 1987. № 17. Автограф — РГАЛИ. Печ. по первой публикации.

Посвящено А. И. Шварцу и его жене Н. Б. Шварц-Шанько (см. № 168).

Вейсбрем Павел Карлович (1899–1963) — режиссер; А. И. Шварц еще в начале 1920-х годов играл в «Театральной мастерской» Ростова-на Дону в спектаклях, поставленных П.К. Вейсбремом.

204

«Стойте! Остоновитесь и послушайте, какая удивительная история. Я даже не знаю, с какого конца начать. Это просто невероятно!»

<Первая половина 1930-х>

Публикуется впервые. Автограф — РНБ.

205

Муж — Нечего подхихикивать! Дура!
Жена — Что! Дура?.. А это вот видел?
Муж (*отбегая в сторону*) — Ответишь по закону.
Жена — А вот я тебя сейчас!
Муж (*исчезает за дверью*).
Жена — Ничтожество!

Занавес.

26 марта <Первая половина 1930-х>

Публикуется впервые. Автограф — РНБ.

Очевидное окончание какой-то сценки, но у Хармса эта очевидность может быть обманчивой и невозможно исключить, что публикуемый фрагмент представительствует текст во всей его полноте.

206

Лиза — Вы знаете что случилось! Нина Тимофеевна пошла купаться, а у неё все украли! Она вылезла

из воды, а ничего и нет. Журнал только и лежит на земле, а больше ничего нет

<Середина 1930-х>

Публикуется впервые Автограф — РНБ

Вместо. *Нина* — зачеркнуто Мария

Марьей Тимофеевной зовут обезьянку в другом тексте Хармса (см наст изд Т 3 № 73)

207

Жил был у бабушки Серенький козлик	Показана бабушка Жил был у бабушки
Вот как Вот как Серенький козлик	Бабушка бежит к сараю У бабушки лицо делается озабоченным и очень серьезным.
Бабушка козлика Очень любила Бабушка козлика Очень любила	У бабушки лицо делается очень ласковым, расплывается в улыбку и делается очень приторным. Бабушка подбегает к козлику
Вот как Вот как	Бабушка и козлик откидываются головами в разные стороны Бабушка и козлик соединяются головами и легаются ногами в противоположные стороны
Очень любила	Бабушка бежит вокруг козла, мелькая пятками
Вот как Вот как	Бабушка выглядывает из за козлика с другой стороны
Очень любила.	Бабушка бежит вокруг козлика в другую сторону
Бабушка козлика Боксу учила	

<Середина 1930-х>

Автограф — РНБ.

Возможно, сценарий рисованного кинофильма В основе текста — популярная с XIX в детская песня, имеющая множество вариантов

208

Один человек зевнул, да так неудачно, что обратно закрыть рта уже и не мог

И случилось это в очень неудобном месте, в трамвае.

<Середина 1930-х>

Публикуется впервые. Автограф — РНБ

В трамвае — см. примеч 84

209

Вот описание комнаты, в которой Лев Николаевич Толстой подрался с астрологом А Ф Запрягаевым Этот астролог предсказал себе слепоту

<Середина 1930-х>

Публикуется впервые Автограф — РНБ (зачеркнут).

Один из «анекдотов» Хармса с участием реальных персонажей. Л. Толстой присутствует еще в двух текстах Хармса (см. наст. изд. Т. 1. № 259 и Т. 2 № 78) Астролог В Н <sic!> Запрягаев — автор нескольких книг, в числе которых Основы астрологии или Связь души со звездами <Б м и б г>; Астрология: Вторая практическая часть (составление гороскопа). <Б м.>. 1908 О его знакомстве с Л Толстым сведений не обнаружено.

210

Диалог

I. Здравствуйте! Не говорите мне о дожде.

II. Хорошо. Мы поговорим о птицах.

I. О птицах, это можно. Но только, что о них говорить?
II. Вот что: во-первых, почему птицы летают?

<Середина 1930-х>

Публикуется впервые. Автограф — РНБ.

211

Действие I.

На сцене сидит Микосов привязанный к креслу. Леонидов стоит с ножём в руках.

Леонидов: Я привязал вас к этому креслу для того, что бы рассказать вам всю низость вашего поведения, а потом убить.
Микосов: Как убить?
Леонидов: Убить, да ещё с секретным предписанием.
Микосов:

<Середина 1930-х>

Впервые — Цирк Шардам. Автограф — РНБ.
Другая неоконченная сценка с участием Леонидова записана ниже публикуемого текста (см. наст. изд. Т. 2. № 167).
Вся эта сценка — очевидный парафраз начала «Ревизора» Гоголя.

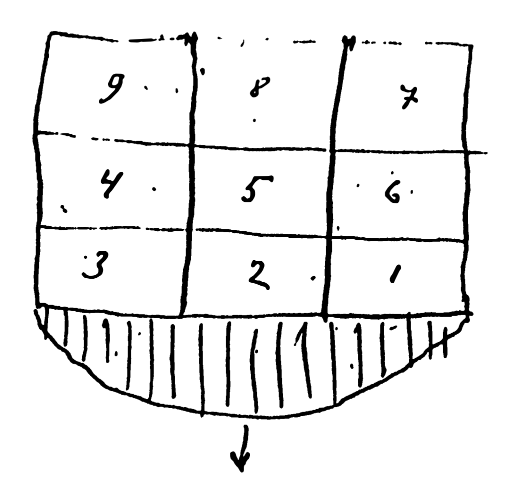
212

Балет Трёх Неразлучников

Музыка.

вохотят три.
три на клетке 8, стоят в положении лицом
в публику. Подготовительные движения
ног, рук и головы.
Три бегут по диагонали на клетку 3.
Движение вдоль прасцениума на клетку 1.
(Взаимное положение всё время сохроняется).

251

С клетки один судорожно идут на клетку 5.
Движение прямое 5-8-5-2-5-8.
Движение прямое 8-9-8.
Три падают косо в клетку 4
Поднимаются в клетку 8.
Бег на месте
Танец голов.
Три ползут на четверинках в клетку 3.
В клетке 3 ложатся навзнич, ногами к зрителю.
Три встают.
Три меняют взаимное положение на
Движение прямое 3-2-1.
Пятятся задом и садятся в клетке 6 на стул.
Три встают.
Движение 6-5-8-7.
Три стоят.
Три на четверинках идут на клетку 1.

Занавес.

<Середина 1930-х>

Впервые — Вечерний звон: (Информационно-просветительский листочек «Самиздат»). Париж, 1986. № 1.
Автограф — РНБ.

Первоначальное заглавие: «Балет Трёх, с одной, взаимного отношения одного от другого, мезансценой »
(зачеркнуто).

Также зачеркнут первоначальный рисунок.

Один из писавшихся Хармсом сценариев игр для массовых представлений.

Возможно, следует соотнести с игрой в шахматы на пароходе в «Детях Выдры» Хлебникова.

213

Николаев добежал до стоянки ночных автобусов Там уже стояли две темные машины 5-ый и 9-ый номера

<Середина 1930-х>

Публикуется впервые Автограф — РНБ (зачеркнут).

Первые ночные маршруты автобусов были введены в Ленинграде в 1935 г

214

Ямкин задумался.

— Хорошо, думал Ямкин. — Земля это большая лепёшка. Там где лепёшка кончается, там начинается море. А там где море кончается там уж неизвестно что.

<Середина 1930-х>

Публикуется впервые. Автограф — ИРЛИ.

215

Жила была Собачка, и звали ту Собачку «Кулбышка». Кулбышка была очень бедная собачка: у нее ничего не было кроме деревянной палочки, с которой собачка «Кулбышка» играла. Когда собачке хотелось есть, она шла в булочную и там садилась около двери, внимательно глядя не уронит ли кто чего ни будь.

253

Если действительно кто ни будь что ни будь ронял, то собачка зубами поднимала этот предмет, даже если там был кусочек хлеба, и подавала его обронившему.

С хлебом у собачки был такой рассчёт, что

<Середина 1930-х>

Публикуется впервые. Автограф — ИРЛИ.

216

Дон Кихот: Посмотри Санчо, что это мне кажется буд то под столом кто то сидит.

Санчо (*глядя под стол*): Нет, сеньор, ваша милость

<1935—1936>

Публикуется впервые. Автограф — РНБ.

Среди автографов Хармса того же времени имеется еще один зачеркнутый фрагмент с именем дон Кихота:

На это дон Кихот ответил: Расползается ли эта бумага?

О намерении Хармса написать инсценировку по роману Сервантеса «Дон Кихот» свидетельствует Н. И. Харджиев: «Маршак придумал издавать своего рода комиксы — пересказывать классиков для детей, как, например, Рабле — зачем детям Рабле? — но книжку такую выпустил. Маршак был делец и никакой не поэт, и все это чепуха. И вот Хармсу предложили пересказать “Дон Кихота”. Я жил тогда у Хармса, он должен был пойти заключить договор. Мы договорились после этого встретиться, чтобы пойти обедать. Я спрашиваю у него: “Ну как, заключили договор?” Он отвечает: “Нет.” — “Почему?” - “Знаете, на Сервантеса рука не поднимается”» (Харджиев Н. И. Будущее уже настало // Харджиев Н. И. Статьи об авангарде: В 2 т. М., 1997. Т. 1. С. 378). Об этом же намерении Хармса («занимается переделкой “Дон Кихота”») упоминал Н. Олейников на дискуссии «Формализм в литературе» 3 апреля 1936 г. (см.: Кобринский А. А. Даниил Хармс и Николай Олейников на дискуссии о формализме 1936 года // Russian Studies. 1996 (1998). Vol. II. № 4. С. 340).

217

Вот и ответ на сей глупый вопрос:
Ты не чеши языком, лучше слышать будешь.
Глупое рассуждение. Не повторяй его слишком часто.

<Август 1936>

Публикуется впервые. Автограф — РНБ.
После: т*ы не чеши* — зачеркнуто: *свои ноги*

218

Василий Антонович вышел из дома, купил себе шляпу и отправился в Летний Сад. Гуляя в Летнем Саду, Василий Антонович потерял свои часы. Сильно опечаленный этим, Василий Антонович повернул к дому, но по дороге промочил ноги и пришёл домой со страшной зубной болью. Василий Антонович разделся и лёг в кровать. Но зубная боль не давала ему заснуть. Василий Антонович хотел принять аспирин, да по ошибке принял салол. И так промучавшись всю ночь, Василий Антонович встал на другой день утром с одутловатым лицом.

<1934—1937>

Впервые — Меня называют капуцином. Автограф — РНБ.
После: *и отправился в Летний Сад* — зачеркнуто:

По дороге Василий Антонович встретил Дмитрия Петровича и вежливо с ним поздоровался. Дмитрий Петрович попросил у Василия Антоновича папиросу.

Летний Сад — см. примеч. 5.
Салол — слабительное.
Дмитрий Петрович — см. наст. изд. Т. 2. № 181.

219

Антон Антонович сбрил себе бороду и все его знакомые перестали его узнавать.

«Да как же так, говорил Антон Антонович, — ведь это я Антон Антонович. Только я себе бороду сбрил».

«Ну да! — говорили знакомые. — У Антона Антоновича была борода, а у вас её нету».

«Я вам говорю, что и у меня была борода, да я её сбрил» — говорил Антон Антонович.

«Мало-ли у кого раньше борода была!» — говорили знакомые.

«Да что же это в самом деле, — говорил разозлясь Антон Антонович. — Кто-же я тогда, по вашему?»

«Незнаем, говорили знакомые. Только вы не Антон Антонович».

Антон Антонович растерялся и не знал, что ему делать. Он пошёл в гости к Наскаковым, но там его встретили с удивлёнными лицами и спросили: «Кого вам нужно?»

«Мне вас нужно Марусенька! — сказал Антон Антонович. — Неужели вы меня не узнаёте!»

«Нет, — сказала Маруся Наскакова с любопытством. — Подождите, может быть, я вас видела у Валентины Петровны?»

«Да что вы Маруся! — сказал Антон Антонович. — Ну посмотрите на меня хорошенько. Узнаёте?»

«Подождите, подождите... Нет, я не могу вспомнить кто вы, — сказала Маруся.

«Да я Антон Антонович! — сказал Антон Антонович. — Теперь узнали?»

«Нет, сказала Маруся, вы на до мной шутите».

<1934—1937>

Впервые — Комсомолец Кузбасса. 1988. 7 октября. Автограф — РНБ.

Антон Антонович — см. примеч. 138.

220

Бесстыдники
Опера в четырёх действиях.

I Действие.
Картина I.

Сцена пустынная. Вдали нарисованы гора Нарисовано как с горы сбегает человек с самоваром в руках. На сцене стоят два стула.

Боголюбов стоит на сцене и держет в руке палку. Против Боголюбова стоит Порошков.

Боголюбов (*поёт*): Вот я тебя сейчас побью!
Порошков (*поёт*): Нет, ты меня не побьёшь!
Богомолов: Нет побью!
Порошков: Однако не побьѐшь!
Богомолов: Побью!
Порошков: Не побьёшь! (*Оба садятся на стулья*).
I Хор: Он его побьёт.
II Хор: Нет он его не побьёт.
Богомолов (*вставая*): Сейчас я тебя побью (*ударяет Порошкова палкой, но Порошков увёртывается от удара*).

<1934—1937>

Впервые — Цирк Шардам. Автограф — РНБ.

В подзаголовке вместо: *действиях* — зачеркнуто: частях

После: *Картина I* — зачеркнуто:

На сцене стоят Сцена представляет из себя

После: (*Оба садятся на стулья*) — зачеркнуто:

Богомолов (ударяет Порошкова палкой, но Порошков увёртывается от удара).

Первоначальная фамилия Порошкова: Корридоров. По ходу текста Боголюбов сменяется на Богомолов. Возможно, Хармс имел в виду реальное лицо: Н. Н. Боголюбова (1870–

1951), оперного режиссера (в 1910–1917 гг.) Мариинского театра и Консерватории. Не исключено также, что эта фамилия возникла по ассоциации с оперным дирижером (и певцом) Г. Благодатовым (см. примеч. 24).

221

Первый рассказ Бабушки

Жил был зайчик Ерофейка.

И очень хотелось этому зайчику Ерофейке на трамвае покататься.

— Почему люди на трамваях катаются, а я не могу?

<Февраль 1937>

Публикуется впервые. Автограф — РНБ.

Выше этого текста записаны еще несколько вариантов начала:

Жили были три мышонка

Умная Маша и глупый Витя сидели на скамейке и смотрели.

Жила была ворона Чёрная рожа. Вот пошла ворона-Чёрная рожа гулять.

После: *Жил был зайчик Ерофейка* — зачеркнуто:

Вот надел он однажды свою зелёную курточку и белую шапочку с красной кисточкой и пошёл гулять.

В этом фрагменте вместо: зелёную — зачеркнуто: красную

222

Напротив, в Раином окне, появилось много барышень. Но теперь они опять все исчезли. Осталась одна матеря.

<Август 1937>

Публикуется впервые. Автограф — РНБ.

223

Весь этот луг был покрыт недотрогами-одуванчиками, если бы дунул ветер, они все бы осыпались. Ветер дул с юго-востока, и кирпичная стена не давала ему накинутся на одуванчики. — Большая горилла тянется из клетки своими страшными руками, чтобы схватить щупленького педагога, зашедшего в зверинец, но железные прутья не пускают зверя, и маленький педагог стоит цел и невридим. —

Среди одуванчиков лежит человек. Вокруг него несколько цветков осыпались. Он спит. Ему снится школа. На партах сидят дикие звери. Вот там, на передней парте слева, сидит волк — это самый опасный ученик: он смотрит на учителя жадными глазами.

<Конец 1937>

Впервые — Меня называют капуцином. Автограф — РНБ.

224

Вот уже несколько дней Антон Чигасов жил отшельником.

Он даже отказался от услуг квартирной хозяйки и сам ходил в магазин и на рынок, покупал несложную пищу и сам варил её на электрической плитке.

<1935–1938>

Публикуется впервые. Автограф — РНБ.
Антон — см. примеч. 138.

225

Один чрезвычайно умный человек пошёл в лес и там заблудился.

<1938>

Публикуется впервые. Автограф — РНБ.

Этот текст сопрягается, с одной стороны, с 201 (ср. также с детскими текстами об Умной Маше); с другой, с сюжетами о заблудившихся в лесу (в т. ч. «Из дома вышел человек» — наст. изд. Т. 3. № 28).

226

Из дыма появляется Кукурузов.

Кукурузов: Эй люди! Несите его сюда! Тут, на этом месте произойдет кровавая расплата. Я ждал этого мгновения без малого четыре года. Час пробил! Играйте трубы! (Вынимает платок и вытирает им вспотевший лоб). Да, если есть загробная жизнь, то ещё вопрос: всякий ли достоин её.

<Вторая половина 1930-х>

Впервые — Меня называют капуцином. Автограф — РНБ.

Выше зачеркнуто:

Наверху два боба
И внизу два боба

227

Предназначение.

Приготовься выслушать перечень зверей: царствующих, величавых, гнутых, вызолоченных, пришибленных и низкокланяющихся.

Причеши голову твою, если есть борода, сбрей её, руки вымый и сядь.

Для тебя, читатель моих сочинений, приготовлены эти странички. Легкий дымок вьётся вокруг головы твоей. Ногами своими ты гладишь кота, а в руках держишь медную птичку. Думаешь-ли ты посмеяться над буковками моими. Или ты думаешь, подобно безумной дрофе, пронестись мимо глаз моих, оставляя в воздухе пёстрый пух?

Стой! Не спеши читатель, не приготавливай улыбки на безобразном своем лице, не скачи куда то в бок от меня. Дай тебя разглядеть. Быть может ты крив и у тебя слишком узкие плечи? А, может быть ты спишь в грязи, а днём у тебя потеют руки? Может быть и ума то в тебе нет никакого, может быть ты просто дрянь? Тогда скачи дальше, смейся и делай всё, что ты хочешь, потому что есть у меня и другой читатель, получше тебя! Он не крив и широкоплечь, он живёт в достатке и спит на чистом белье, руки моет квасцами и сморкается в белоснежные тряпочки. Он умён: это видно сразу. У него на лбу вертикальная морщинка, а глаза его всегда немного прищурены. Он одет в хороший костюм из шерстяной материи, на голове он носит маленькую войлочную шапочку, а зимой поверх этой шапочки надевает верблюжий башлык. Он курит почти непрерывно; утром он курит короткую прямую трубку, а днём и вечером — кривую. Иногда он курит сигары, а если его угощают папиросой, то курит и папиросу. Он идеальный читатель, потому что всякую прочитанную им книгу он целует и прячет в сундук, сделанный из тёмной корельской берёзы с медными пластинками на углах. В этом сундуке скопилось уже 36 книг. Я хотел бы, чтобы моя книга стала 37-ой!

Вот именно тебе, дорогой читатель, предназначаю я эту книгу, а затем, не мешкая, приступаю к перечню зверей.

Перечень зверей

Вот той-терьер. Он самый приятный из всех зверей, потому что он похож на пчелу. Он умеет свистеть Он приятен душе моей.

Вот лев. Это страшный зверь. Взгляд его умён, но сам он глуп. Он бросается на толстые прутья железной клетки и грызёт их своими клыками. Он могучими лапами бьёт по деревянному пню. Он кричит страшным голосом неизвестно чего, и, когда он кричит, все другие звери приходят в страшное волнение. А он кричит и надсаживается иногда пятнадцать минут подряд, а потом,

надравши глотку, ложится и мудрыми глазами глядит на вонючую толпу. Отойдите от него все! Это несчастный дурак. Не держите его в клетке. Отвезите его домой и отпустите на волю, где ему и пологается быть. Он помчится, задравши хвост! Он помчится, взрывая задними лапами песок, такой же жёлтый как и он сам. Он убежит к далёкому светлому ручью, напьётся прохладной воды и, широко разинув пасть, закричит своим ужасным голосом, прославляя Создателя всех вещей. Лев, лев! Тебе не место сидеть в человеческом городе!

А вот мурашеед. Когда он видит врага, он поварачивается и бежит. Куда он бежит? У него такой вид, будто он бежит в лавочку. Но нет, он пробегает мимо лавочки и бежит в лес. В лесу у него много тайных уголков, там он спасает свою жизнь. Он садится в яму и сверху засыпает себя землей и упавшими листьями, а для дыхания выставляет наружу один только свой длинный и тонкий нос. В носу у него устроено отверстие и в это отверстие он может высовывать свой язык. Глупый зверь мурашеед: он живёт под водой, а питается только мерзкими червями.

Но есть зверь, который ещё глупее мурашееда, это конь. У него большие выпуклые глаза, в которых отражается только тупая грусть, а иногда злость. Вот он стоит в стойле и шевелит своими мягкими губами. Не подходи к нему хозяин! Не подходи, потому что конь так и наровит схватить тебя за плечо желтыми губами.

Конь! Конь! Это ты когда то скакал по Аравийской пустыни! Это тебя поили арабы чёрным кофием. Ночью мчался ты по тёмным степям, перепрыгивая через реки и давил своими копытами встречных поселян. Тебя ловили длинным арканом, но ты вырывал аркан из рук ловца и летел вперёд и горячий воздух со свистом вылетал из твоих ноздрей. Ты, неукратимый, сбрасывал с себя дикого всадника и волочил его лицом по земле. Ты бежал до тех пор, пока белая пена не покрыла твой живот. Тогда ты упал на бок и испустил дух.

А зачем ты бежал, неразумный зверь? Куда несло тебя? Это конская удаль несла тебя безо всякого смысла. Конь, ты, среди зверей, самый противный, ты противен душе моей!

А вот ещё один зверь, это ночной лемур. Он как птица летает с ветки на ветку и из глаз его висят верёвочки. Лемур, это воздушный человечек.

А это ягуар, он лижет своих детёнышей и обдумывает план побега. Сторож Матвей, свободно входит в его клетку, потому что ягуар давно считается ручным. Сторож Матвей спокойно теребит его за уши. И ягуар это любит. Но ещё больше любит он свободу. Он чувствует, что как то при помощи Матвея, он может удрать, но как, этого он решить не может. Он слишком глуп. Ах! он лежит и от напряжённой мысли морщит лоб. Вот в клетку входит сторож Матвей. Вот ягуар встаёт, потягивается и подходит к открытой дверце. «Ну, ты!» кричит сторож Матвей и сапогом даёт ягуару пинка в бок. Ягуар, скалит зубы и дергает усом. Чтобы убежать, надо что то сделать. Но что? Ягуар стоит и думает. А сторож Матвей вылезает из клетки, закрывает дверцу, гремит коким то железным ковшом и уходит. Что то кончилось навсегда. Ягуар забирается на полку, прибитую под самым потолком клетки и, свесив хвост, засыпает.

А вот Слон. Это большой и умный зверь.

Больше о нём и говорить нечего.

Теперь медведь. О нём расскажу такой случай: один инженер купил себе цепного медведя и посадил его в ванную комнату. Гости того инженера, частенько приходили посмотреть на страшного зверя. Но инженер никого в ванную комнату не пускал.

<Вторая половина 1930-х>

Впервые — Летят по небу шарики. Автограф — РНБ.
После: *и испустил дух* — зачеркнуто:

Конь! Конь! Теперь ты стоишь в конюшне и глупые люди возятся около тебя. Мягкими губами перебираешь сухую траву. Конь, конь. Ты глупый и злой зверь. Даже люди, которые соприкасаются с тобой, тоже глупеют и начинают называть тебя умным и благородным. А ты таскаешь их телеги и своим навозом удобряешь их поля. Нет, конь! Ты глупая и тупая тварь!

После: *Лемур, это воздушный человечек* — зачеркнуто:

263

Теперь я скажу ещё о крысе. Это полезное животное, потому что оно загрызает в колыбелях детей. Это маленький вороватый зверёк.

После этого фрагмента — не вычеркнутый, но обведенный текст, что означает, скорее всего, намерение Хармса использовать эту часть в другом месте текста:

Много, много есть различных зверей: царствующих, величавых, гнутых, вызолоченных, пришибленных и низко кланяющихся. Но лучший из них — это той-терьер. Его мы помянем ещё раз и прокричим ему ура!

На этом закончим перечень зверей, ещё раз крикнем ура! той-терьеру и не мешкая перейдём к иной беседе.

После: *Это большой и умный зверь* — зачеркнуто:

Нос такой длинны, что волочится по полу. Этим носом он действует как рукой и называется хоботом. Слон у которого два хобота, называется драмадёром.

Публикуемый текст не имеет заглавия и *Предназначение* надо понимать как Предисловие или Посвящение.

Загрызает в колыбелях детей — о своеобразном отношении Хармса к детям и его мотивировках см. примеч. 10.

Называется драмадёром — абсурдирующий элемент с характерной для Хармса инверсией в использовании созвучия с наименованием одногорбых и двугорбых верблюдов, соответственно — дромадер и бактриан.

228

Идёт гусляр. Ветер треплет его волосы. Гусляр Старик. Он садится на приступку и достаёт гусли. Он слепой. Вокруг собирается народ. Готовится слушать.

Гусляр берёт гусли, задумывается и вдруг ударяет рукой по гуслям. Слышен звук.

Гусляр поёт присказку. Гусляр исчезает и на экране фантастическая присказка.

Опять гусляр. Гусляр поёт «Это присказка, пожди, сказка будет впереди».

Гусляр поёт: «За горами, за лесом», и т. д.

Наконец: «против неба на земле, жил старик в одной семье». На экране избушка.

Из избушке выходит старик и Иван-дурак. Старик говорит, что мы де бедные. Попытай счастья в городе. А дать я могу тебе с собой только лошадку и вот этот пирожок.

Из сарая старик выводит конька-горбунка. Иван садится на него. Ноги Ивана упираются в землю.

Иван прощается с отцом и уезжает.

По небу летят вороны. Иван считает ворон, а конь из под него уходит.

Иван ищит конька и бежит в лес.

На небе тучи. Видно собирается гроза.

Начинает темнеть.

Иван зовёт конька. Конь откликается.

Иван находит конька. Конёк провалился в овраг, и торчит только его голова и передние ноги.

Иван освобождает конька.

Начинается дождь.

Иван садится под сосну и ест пирожок. Конёк стоит рядом. Иван даёт коньку половину пирожка. Наступает ночь.

Гроза. Темно. Иван жалуется, что так темно и не видно дороги.

Конёк разгребает ногами кучу листьев и достаёт перо жар птицы.

Иван берёт в руки перо, садится на конька и едет дальше, освещая путь пером.

II

Город. Базар. Иван въезжает на базар, смотрит с удивлением по сторонам. Над Иваном смеются.

Вдруг по базару на кляче скачет городничий и кричит, что сейчас проедет царь.

За городничим скачет вестовой, потом ещё один.

Бегут гонцы.

Наконец появляется царская колымага, которую

везут четыре клячи.

В калымаге едет царь. У царя завязана щека платком в горошинку. У царя флюс.

На калымаге с царём едет лекарь. Лекарь предлагает царю различные средства от флюса. Но царь капризничает и не желает ничего принимать.

Царь увидел Ивана.

Царь глядя на Ивана начал смеятся. Всё громче и громче. Иван глядит на царя и тоже смеётся. От смеха у царя вдруг лопнул флюс. Царь обрадовался и пожелал Ивана иметь при себе. Лекарь обижен.

Иван при дворе. Его наряжают в придворный мундир.

Дворня потешается над Иваном. Иван идёт спать в конюшню.

Иван достаёт из голенища перо и любуется им. Сразу становится так светло, что начинают петь петухи, просыпается стража, протирая глаза.

Вечер в царских палатах. Горят тусклые сальные свечи.

Царь посылает лекаря за чем то на двор. Лекарь идёт по двору и видит в одном окошке яркий свет.

Свет оказывается у Ивана. Светит перо жар птицы. Сам Иван спит. Лекарь крадёт перо.

Лекарь бежит к царю, показывает ему перо и говорит, что если достать ему жар птицу, то можно осветить весь дворец. Царь велит позвать Ивана.

Приводят сонного Ивана. Царь требует перо. Иван говорит, что у него нет пера. Тогда царь показывает Ивану перо. Иван валится царю в ноги. Царь велит Ивану достать жар птицу, а не то голова с плечь.

Иван унылый идёт в конюшню. Его встречает конёк. Узнав горе Ивана, конёк предлагает Ивану сесть на него.

Иван садится на конька Конёк бежит очень быстро и Иван держит его за уши. Ноги Ивана волочатся по земле. Одна нога задевает за камень. С ноги соскакивает сапог. Иван едет дальше в одном сапоге.

III

Иван-Дурак мчится на коньке-горбунке к Месяцу-месяцовичу что бы узнать, где живёт жар-птица.

Приезжают туда где небо сходится с землёй.

266

Там где небо сходится с землёй, стоит будка в которой живёт Месяц Месяцович.

<Вторая половина 1930-х>

Публикуется впервые. Автограф — ИРЛИ.
После: *темно и не видно дороги* — зачеркнуто:

Конёк говорит Ивану, что я мол не простой конь, ты мне помог и я тебе помогу. Сейчас темно и я достану тебе свет.

После: *где небо сходится с землёй* — зачеркнуто:

Сидят крестьянки, прядут и прялки на небо кладут. Иван помогает пряхам таскать лён.

Пряхи объясняют Ивану как проехать к месяцу-месяцовичу, но предупреждают его, что путь очень сложен и можно запутаться, по этому лучше взять с собой нитку тянуть с собой нитку с прялки, и таким образом найти обратную дорогу Иван едет к Месяцу-Месяцовичу.

Сценарий кинофильма (вероятно, мультипликационного) по сказке П Ершова «Конёк-Горбунок».

229

У школы сидят ребята и ждут учительницы. Алесь и Сёмка. Ребята плетут гирлянды для украшения школы. Едет учительница. Ни книг ни сапог. Ребята расходятся. Алесь и Сёмка бегут в школу. Сельсовет. Буденовец говорит. Входит учительница: книг не достала. Все застыли. У школы. Алесь, Сёмка и Свистун. Угрюмо. Будёновец приглашает ребят. Коней поить. Ребята скачат на конях. Ночное. Ал., Сем., Буд. говорят о сапогах и книгах. Пекут картошку. Приезжают на конях ещё несколько человек. Рассказываю<т>, что опоздали потому, что в синявинской школе городские пионеры давали прощальный вечер. Разговор о пионерах. Надо у них попросить помощь. Но они уезжают. Надо их

267

догнать. Живо на коней. Ал. и Сём. уезжают. А. и С. скачат. Пионер лагерь. Пионеры собираются уезжать. А. и С. просят у пионеров помощи. Сбор пионеров. Речь и голосование. Школа. Чинят обувь. Комната <1 нрзб >. Сёмка берёт у <1 нрзб > рваные сапоги в починку. Школа. Пионеры, школьники и будёновцы, чинят обувь. Учительница со списком, принемает старую обувь. Приходит Сёмка. Приносит дырявую обувь. Дорога, идёт Сёмка с починенной обувью. Поле. Пашут. Кастусь и Сёмка. Кастусь примеряет обувь. Школа. Чинят обувь. Пастбище. Пастух любуется своими сапогами. У школы. Ребята выходят с крепкой обувью. Не хватило 3 пар. Сёмка жертвует свои сапоги. Школа. Сёмка доволен. Дорога. Телеги. Ребята идут в школу. Поле. Работа в поле. Паринёк не может бросить работу и итти в школу. Телега забирает других ребят.

<Вторая половина 1930-х>

Публикуется впервые. Автограф — ИРЛИ.

Сценарий немого кинофильма (возможно, инсценировка чьего-то прозаического произведения). Имеются также несколько вариантов планов этого сценария и план аналогичного звукового фильма.

230

Калиндов стоял на ципочках и заглядывал мне в лицо. Мне это было неприятно. Я отворачивался в сторону, но Калиндов обегал меня кругом и опять заглядывал мне в лицо. Я попробывал заслониться от Калиндова газетой. Но Калиндов перехитрил меня: он поджёг мою газету, и когда она вспыхнула, я уронил её на пол, а Калиндов начал опять заглядывать мне в лицо. Я, медленно отступая, ушёл за шкап, и тут, несколько мгновений, я отдыхал от назойливых взглядов Калиндова. Но отдых мой был не длителен: Калиндов на четверинках подполз к шкапу и заглянул на меня снизу. Терпение моё кончилось: я зажмурился, сапогом ударил Калиндова в лицо.

268

Когда я открыл глаза, Калиндов стоял передо мной со своей окровавленной рожей и рассеченным ртом и по прежднему заглядывал мне в лицо.

<1940>

Впервые — Континент. 1980. № 24. Автограф — ИРЛИ.
Похожая фамилия — Кулундов - есть у персонажа другого текста Хармса (см. наст. изд. Т. 1. № 107)

231

Павел Супов разделся, подошёл к зеркалу и начал себя разглядывать.

— Я хорошо сложон, — сказал Павел Супов, — но почему-то успеха у дам не имею. Дамы, почему-то, просто не хотят смотреть на меня. Должно быть у меня хромает разговор, должно быть я не умею сказать во время кое что.

Павел Супов оделся и пошёл в Летний Сад. В саду на скамейке сидела хорошенькая дама и рассматривала какие-то чулки, которые она вынула из сумочки и держала в руках.

<1940>

Публикуется впервые. Автограф — ИРЛИ.
Над этим текстом записан другой фрагмент с тем же персонажем:

Павел Супов, глядя пристально на Карусельева, съел четыре килограмма сахара.
Карусельев поморщился, но смолчал.
Тогда Павел Супов вынул что-то у себя из носа и спрятал в карман.
— Что это вы сейчас сделали? — спросил Карусельев

Летний Сад — см. примеч. 32.

232

Ямочки на щеке. Это ценится. Но у тебя их что-то уж больно много.

<Август 1940>

Публикуется впервые. Автограф — РНБ.

233

Однажды я вышел из дома и пошёл в Эрмитаж. Моя голова была полна мыслей об искусстве. Я шёл по улицам, стараясь не глядеть на непривлекательную действительность.

<1940>

Публикуется впервые. Автограф — РНБ.

234

Матвеев прижал руки к груди, поднял плечи, согнулся и побежал.

<Октябрь 1940>

Публикуется впервые. Автограф — РНБ.

235

Удивительная голова у Михаила Васильевича!

<Октлбрь 1940>

Публикуется впервые. Автограф — РНБ.

236

Так он распустил свои канаты и так он летел не останавливаясь до полуострова.

Мы стояли с подзорными трубами и, затаив дыхание, глядели вперед.

<<Неизвестных годов>>

Публикуется впервые. Автограф — РНБ.

237

Егоров посадил семячко и стал ждать, когда из него выростит дерево.

<<Неизвестных годов>>

Публикуется впервые. Автограф — РНБ.

238

Князь — Вот, наконец-то, я вижу тебя, моя дорогая.

Княгиня — Князь, это вы?

Князь (*удивленно*) — Я. И счастлив видеть вас.

Княгиня — А я вас не вижу.

Князь — Как так?

Княгиня — Да вот не вижу вас.

<-Неизвестных годов>>

Публикуется впервые. Автограф — РНБ.

Под этим текстом записано:

Я жажду одиночества

239

Здравствуйте, почтеннейшая публика! Прежде чем приступить к исполнению нашей пиесы, я

хочу сказать вам несколько слов о нашем театральном коллективе и о самой пиессе, которую вы сейчас увидите.

<<Неизвестных годов>>

Публикуется впервые. Автограф — РНБ.

240

Соловей пел в саду. И барышня Катя мечтательно смотрела в окно. Какая-то букашка заползла к барышне Кате на шею, но ей было лень пошевелиться и согнать букашку рукой.

<<Неизвестных годов>>

Публикуется впервые. Автограф — РНБ.

241

Опасное приключение

Три или четыре мальчика стояли в канале под большим натуральным мостом в Вирджинии. Они видели сотни имён вырезанных на известняковых подпорах, и решили присоединить свои к этому числу. Это сделало, что один из них был охватан сумасшедшим стремлением вырезать своё имя выше чем самое высокое там! Его товарищи пытались отговорить его от предприятия, такого опасного подвига, но ни к чему. Он дикий, опрометчивый юнец; и боясь, чтобы не подумали, что он трус, он высекает свой путь дальше и дальше (up and up) в известняковой скале, пока он может слышать голоса, но не слова объятых ужасом его товарищей по игре.

<1933>

Публикуется впервые. Автограф — РНБ.
Фрагмент перевода с английского языка неизвестного произведения.

273

Д. ХАРМС

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Завершение работы над изданием сочинений Д.Хармса побуждает к подведению некоторых итогов.

Уже по выходе в свет в 1997 г. первых двух томов настоящего Собрания (а работа над ними велась несколько предшествовавших лет) стали очевидны его недочеты. Они связаны прежде всего и в наибольшей мере с текстологической стороной издания литературного наследия Хармса. Хотя изначально было заявлено и мотивировано намерение следовать орфографии и пунктуации хармсовских автографов, принцип этот, во-первых, был несправедливо ограничен лишь стихотворными текстами, и, во-вторых, даже для них не был проведен с необходимой для этого тщательностью. Появившееся затем исследование А.Кобринского[1] убедительно подтвердило необходимость издания сочинений Хармса с учетом во всей полноте его авангардной поэтики[2]. Более того: сейчас представляется желательным такое издание произведений Хармса, в котором была бы учтена и его своеобразная графика: переход в определенный период творчества на старую орфографию и последующее возвращение к современной, вариативное написание буквы ф то традиционно, то как фиты (θ) и так далее – то есть была бы воспроизведена вся палитра средств, которыми Хармс создает оригинальный «вещественный» мир своих текстов.

Помимо текстологических изъянов, в предшествовавшие тома настоящего Собрания вкрались и курьезные ошибки или недочеты. Еще 10 лет тому назад мне довелось писать о том, что публикации хармсовских текстов и работ, которые пишутся о его творчестве, с какой-то мистической неуклонностью сопровождаются анекдотическими происшествиями[3]. Так, в целиком посвященном творчеству Хармса номере журнала «Глагол» (1992. №4) до 77 страницы на

колонтитуле методично фигурирует: Даниил Хармс, но с 77 страницы выскакивает: Даниил Гранин! Систематически печатавший произведения Хармса в «Книжном обозрении» в 1987–1991 годах В.Глоцер умудрился с десяток текстов обозначить: «публикуется впервые», тогда как хорошо конечно знал о Собрании произведений Хармса, вышедшем в 4-х томах под редакцией М.Мейлаха и В.Эрля. В одном из недавних изданий Хармса под его именем напечатан рассказ под заглавием «Юрий Владимиров физкультурник»[4], тогда как это рассказ писателя Юрия Владимирова «Физкультурник»! В очень полезной рецензии А.Кобринского на однотомник Д.Хармса[5] отмечены пять текстологических неточностей в воспроизведении автографов Хармса; при нашем совместном с автором рецензии сличении подлинников и публикации, выяснилось, что ни одно замечание не действительно, а шестое касается текста, вообще отсутствующего в рецензируемой книге[6]!

Если отбросить мистическую мысль о кознях Хармса, то я бы сказал: эти и еще множество подобных им «случаев» демонстрируют, что занятия Хармсом требуют повышенного самоконтроля и присутствия постоянного сомнения – альтернативы самоуверенности[7].

Лишь отсутствием должного самоконтроля я объясняю такие курьезы в настоящем Собрании, как указание во вступительной статье к 1 тому на посвящение Хармсом рукописного сборника «Случаи» В.Н.Петрову, тогда как во 2 томе в комментариях к самому тексту правильно указано, что сборник посвящен М.Малич; ничем не мотивированную двойную публикацию в одном и том же 2-м томе рассказа «Происшествие на улице»; пропуск нескольких текстов, которые должны были бы войти в т. 2 (это упущение восполнено в настоящем томе) и другие более мелкие недочеты.

В жанре авторецензии позволю себе в заключение сказать, что полное Собрание сочинений Хармса появляется впервые и важно непредвзято проанализировать этот первый опыт и в ракурсе новых подходов в текстологии литературы XX века извлечь из этого опыта подобающие уроки.

1. Кобринский А.А. «Без грамматической ошибки...»? : Орфографический «сдвиг» в текстах Даниила Хармса // Кобринский А. А. Поэтика «ОБЭРИУ» в контексте русского литературного авангарда: В 2 т. М , 1999. Т. 1. С. 151–174

2 В более широком плане «необходимость внесения корректив в теорию и практику текстологии» рассматривается в новаторском издании: «Русский модернизм проблемы текстологии . Сб статей / Отв ред О А Кузнецова СПб., 2001

3. Сажин В. Наказание Хармса // Новый мир. 1992. № 7. С 233–235

4 Хармс Д Повесть. Рассказы. Молитвы Поэмы. Сцены Водевили Драмы Статьи. Трактаты. Квазитрактаты СПб , 2000. С 136–138.

5 Хармс Д Цирк Шардам. СПб , 1999

6 Новая русская книга. 2000. № 2. С. 18–20.

7. Эта избыточная самоуверенность, к сожалению, свойственна составителям книги: Хармс Д дней катыбр М.. Кайенна, 1999. М Мейлаху волею обстоятельств досталась честь быть первым публикатором литературного наследия Хармса, двадцать с лишним лет тому назад конечно было не до того, чтоб осмыслять нестандартные свойства авангардных текстов Хармса и вырабатывать нетрадиционные текстологические подходы к их изданию Но сейчас уже совершенно невозможно, как это сделано в названном издании, публиковать, например, произведения Хармса 1926– 1930 годов под рубрикой: «Из раннего», тексты, под которыми автор собственноручного поставил даты, публиковать под рубрикой «Из неоконченного», выделять у Хармса специальный раздел «Экспромты» и тому подобное. О текстологической архаике этого издания достаточно убедительно сказано А Кобринским (Новая русская книга 2000 № 2. С. 17–18) Отмечу лишь (в качестве очередного курьеза), как мотивировано в названной книге исправление «неточности» Хармса: вместо «бессмысленного» *под озером* печатается *над озером,* – хотя ключевая функция именно *бессмыслицы* в творчестве Хармса (и А.Введенского – см работу Я.С Друскина «Звезда бессмыслицы) конечно хорошо известна составителю этого издания.

Валерий Сажин

Д. ХАРМС

Алфавитный указатель произведений, вошедших в тт. 1 – 4 собрания сочинений

Содержание

Трактаты

Статьи

Письма

Дополнения
Стихотворения

Проза и сценки

Даниил Хармс

Неизданный Хармс. Полное собрание сочинений. Трактаты и статьи. Письма. Дополнения: не вошедшее в т. 1–3 / Сост., примеч. В. Н. Сажина.

ISBN 5-7331-0151-2

В этот том Полного собрания сочинений Даниила Хармса вошли его трактаты, статьи и письма. В Дополнениях печатаются поэтические и прозаические тексты (в том числе отрывки и фрагменты), не вошедшие в т. 1–3. Половина всех текстов Хармса, вошедших в основной корпус настоящего тома и приводимых в примечаниях, публикуется впервые. Все публикуемые материалы выверены по доступным рукописям, подробно прокомментированы.

ISBN 5-7331-0151-2

Переплет *Ю. С. Александров*
Художественный редактор *В. Г. Бахтин*
Компьютерная верстка *А. М. Кокушкин*
Корректор *О. И. Абрамович*

ЛР № 066191 от 27.11.98.

Подписано в печать 22.08.2001. Формат 84×108/32.
Бумага офсетная. Печать высокая. Гарнитура Arial.
Усл. п. л. 25. Уч.-изд. л. 20. Тираж 3500 экз.
Заказ № 1627.

Гуманитарное агентство «Академический проект».
191002, Санкт-Петербург, ул. Рубинштейна, д. 26.

Отпечатано с диапозитивов в ФГУП «Печатный двор»
Министерства РФ по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.